Зеленая серия

Джим

Корбетт

Наука джунглей

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Аннотация Gautier Sans Avoir (*выполнил OCR и корректуру*):

Четвертая книга английского автора Джима Корбетта (1875–1955) составлена из воспоминаний о годах детства и юношества, проведенных в джунглях Северной Индии. Именно тогда Корбетт приобрел рационально не объяснимое мистическое чувство опасности. Представлен ряд охотничьих историй; значительная часть посвящена натуралистическим и поэтическим описаниям джунглей и их обитателей.

- Джим Корбетт
  - ГЛАВА ПЕРВАЯ
  - ГЛАВА ВТОРАЯ
  - ГЛАВА ТРЕТЬЯ
  - ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
  - ГЛАВА ПЯТАЯ
  - ГЛАВА ШЕСТАЯ
  - ГЛАВА СЕДЬМАЯ
  - ГЛАВА ВОСЬМАЯ
  - ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
  - ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
  - ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
  - ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
  - КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЖИВОТНЫХ, УПОМИНАЕМЫХ В КНИГЕ
  - ПЕРЕВОД АНГЛИЙСКИХ МЕР И КАЛИБРОВ РУЖЕЙ В МЕТРИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ МЕР
  - Примечания от выполнившего OCR и корректуру
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12

- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20

Джим Корбетт
НАУКА ДЖУНГЛЕЙ

Посвящается Мэгги

ВМЕСТО ЭПИГРАФОВ

1. «Одним из таких последствий, которого обязательно следовало бы избежать, стало вытеснение миллионов обезьян из лесов на обрабатываемые земли…по моим подсчетам, только в Объединенных провинциях насчитывается не менее десяти миллионов этих животных, а десять миллионов обезьян на крестьянских полях и в садах — это весьма серьезная проблема».

2. «Выдры выработали свой метод уничтожения питонов и крокодилов, которых они убивают из спортивного интереса, поскольку мне никогда не доводилось слышать о том, чтобы они ели этих рептилий».

3. «Животных я разделил на пять групп: а) животные — украшения природы — олени, антилопы и обезьяны».

Дж. Корбетт. «Наука джунглей»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Нас было четырнадцать — девочек и ребят в возрасте от восьми до восемнадцати лет. Мы сидели на откосе старого деревянного консольного моста через реку Боар в Каладхунги и слушали Дансая, рассказывающего истории о привидениях. Костер, что мы развели посреди дороги из хвороста, собранного неподалеку в джунглях, прогорел, и в спускающихся сумерках мерцали красные угли. Обстановка для жутких историй была самая подходящая, что тут же подтвердилось возгласом одной из девушек, обратившейся к соседу: «Да перестань все время оглядываться. Ты меня пугаешь!»

Дансай был до предела суеверным ирландцем, нисколько не сомневавшимся в абсолютной правдивости всех этих выдумок, поэтому его истории звучали весьма убедительно. Той ночью он рассказывал нам о закутанных в саван фигурах и гремящих костях, о таинственно открывающихся и закрывающихся дверях и скрипящих ступенях лестниц в старых родовых поместьях.

Поскольку мне не довелось видеть ни одного наследственного имения, истории Дансая совсем не казались мне страшными.

Он закончил самую жуткую из всех своих историй, и перепуганная девушка вновь попросила своего приятеля не

смотреть назад. В это время старый рыбный филин, который днем обычно дремлет на сухой ветке доверху оплетенного лианами дерева (там он в безопасности от ворон и других пернатых, не дающих покоя филинам), начал свою еженощную охоту за рыбой и лягушками в реке Боар, время от времени издавая с сожженной молнией верхушки адины зычный крик «хо-ха-хо». Это дерево служило хорошим ориентиром для тех из нас, кто, вооружившись рогаткой или сачком для бабочек, входил поблизости от него в густые джунгли. На крик филина, часто по незнанию путаемый с ревом тигра, откликнулся его сородич, в небрачный период живший на дереве фикуса на берегу канала. Эти крики послужили Дансаю предлогом, чтобы закончить свои истории про привидения и переключиться на рассказы о банши,[1] которые казались ему еще более реальными и опасными, чем привидения. По словам ирландца, банши представлял собой злой женский дух, который обитал в глухих лесах и был настолько злобным, что достаточно было просто услышать его, чтобы и сам услышавший, и его близкие попали в беду, а увидеть его означало для несчастного верную смерть. Дансай описывал крик банши как длинный протяжный вой, который скорее всего можно было услышать в темные ненастные ночи. Истории таили в себе нечто пугающе завораживающее для меня, поскольку их действие разворачивалось в джунглях, где я любил бродить в поисках птиц и их гнезд или ловил бабочек.

Я не знаю, какой облик принимали банши, которых Дансай слышал в Ирландии, но я знаю, какими были те двое, которых ему довелось слышать в джунглях Каладхунги. Об одном из них я расскажу вам позже, другой же известен всем обитателям предгорий Гималаев и многих других частей Индии как чурил. Чурил, самый зловещий из всех злых духов, является в облике женщины. Завидев человека, эта женщина с вывернутыми назад стопами, гипнотизирует свою жертву, как змея птицу, и, отступая, заманивает в свое логово. Когда возникает опасность увидеть эту женщину, единственный способ защититься от ее коварных чар — закрыть глаза руками, любой одеждой, имеющейся под рукой, или, если дело происходит внутри помещения, натянуть на голову одеяло.

Каким бы ни было человечество во времена пещерного человека, теперь все мы — дети света. При свете дня мы в своей стихии, и даже самый робкий из нас может при необходимости собраться с духом, чтобы совладать с любой ситуацией. Порой то, от чего недавно по коже бегали мурашки, может показаться вполне объяснимым и даже смешным. Когда же дневной свет меркнет и ночь поглощает нас, мы уже не можем рассчитывать на

зрение и оказываемся во власти своего воображения.

Временами воображение может выделывать странные трюки, а если к нему добавляется искренняя вера в сверхъестественное, то становится понятно, почему люди, живущие в глухой чаще и передвигающиеся лишь на своих двоих, люди, чье поле зрения ночью ограничивается кругом, освещенным сосновым факелом или ручным фонарем (если еще не кончился парафин), боятся часов тьмы.

Поскольку Дансай постоянно жил среди местных жителей и месяцами говорил только на их языке, было вполне естественно, что их суеверия добавились к его собственным. Наши горцы отнюдь не лишены мужества. Дансай также был храбр настолько, насколько может быть храбр мужчина, но, я уверен, из-за своей веры в сверхъестественное ни горцы, ни Дансай никогда не допускали и мысли о том, чтобы разобраться с тем, что первые называли чурил, а последний считал банши.

За все годы, что я прожил в Кумаоне, и за многие сотни ночей, проведенных в джунглях, я слышал чурил только три раза — всегда ночью, а видел лишь однажды.

Это было в марте. Только что собрали небывалый урожай горчицы, и в деревне, посередине которой располагался наш коттедж, раздавались оживленные и счастливые голоса. Мужчины и женщины пели, дети шумно перекликались друг с другом. До полнолуния оставалась ночь или две, и видимость была почти такой же хорошей, как при дневном свете. Мэгги и я собирались обедать (время близилось к восьми вечера), когда четко и пронзительно в ночи прозвучал крик чурил и тотчас же в деревне смолкли все звуки.

Примерно в пятидесяти ярдах от нашей усадьбы, справа, росло старое дерево адины. Поколения грифов, орлов, ястребов, коршунов, ворон и караваек убивали и потрошили своих жертв, обосновавшись на верхних ветвях старого дерева. Наша парадная дверь была закрыта, спасая от холодного северного ветра. Открыв ее, мы с Мэгги вышли на веранду, и в этот момент чурил закричал вновь. Крик доносился с адины, и там, на самой высокой ветке в мерцающем лунном свете сидел чурил.

Некоторые звуки можно описать с помощью комбинаций букв или слов, как, например, «ку-у-и-и» человека или «тэп-тэп-тэппинг» дятла, но я не могу подобрать слова, которыми можно описать крик чурил. Если я скажу, что он похож на крик грешника в аду или умирающего в агонии — это ничего вам не объяснит, потому что ни вы, ни я их не слышали. Я не могу сравнить эти звуки ни с какими из услышанных в джунглях. Это нечто совсем иное, не связанное с нашим миром, потустороннее, леденящее

кровь и останавливающее сердцебиение. В предыдущих случаях, когда я слышал этот вопль, то все-таки подозревал, что его издает птица. Я думал, что кричит сова, возможно залетная, поскольку в Кумаоне мне известен крик каждой птицы. Зайдя в комнату, я вернулся с полевым биноклем, который использовался во времена кайзеровской войны[2] для корректировки артобстрелов, и, следовательно, был настолько хорош, насколько может быть хорош бинокль. С его помощью я внимательно рассмотрел птицу. Я подробно опишу увиденное в надежде, что кто-то более сведущий, чем я, сможет ее идентифицировать:

а) по размеру птица была чуть меньше беркута.

б) она стояла прямо на своих довольно длинных ногах.

в) хвост ее был коротким, но не настолько, как у совы.

г) ее голова не была ни круглой, ни такой большой, как у совы, а шея не была так коротка.

д) на ее голове не было ни хохолка, ни «рожек».

е) кричала она с равными интервалами примерно в полминуты, запрокидывая при этом к небу голову и широко открывая клюв.

ж) оперение ее было совершенно черным или, возможно, темно-коричневым, но казавшимся черным при свете луны.

В оружейной стойке у меня был дробовик 28-го калибра[3] и легкая винтовка. Дробовик был бесполезен, поскольку птица находилась слишком далеко, а стрелять из винтовки я побоялся. При свете луны очень трудно точно прицелиться, и промахнись я, все, услышавшие отдаленный выстрел, уже никогда бы не усомнились, что крик принадлежит дьявольскому духу, против которого и пуля бессильна.

Прокричав раз двадцать, птица расправила крылья и, спланировав с дерева, исчезла в ночи.

Деревня безмолвствовала, и на следующий день никто даже не упомянул о чурил. «Когда ты находишься в джунглях, — предупреждал меня мой друг-браконьер Кунвар Сингх, когда я был еще маленьким мальчиком, — никогда не упоминай о тигре, иначе он обязательно появится». Потому-то обитатели предгорий никогда не говорят о чурил.

В двух больших семьях, проводивших зимние месяцы в Каладхунги, насчитывалось четырнадцать детей, не считая моего младшего брата, слишком маленького для того, чтобы жечь вместе с нами костры по ночам или купаться в реке. Из этих четырнадцати было семеро девочек в возрасте от девяти до восемнадцати лет и семеро мальчиков от восьми до восемнадцати, из них я был самым юным. Незавидное положение самого молодого среди мужчин доставляло мне массу неудобств,

поскольку мне в обязанность вменялись страшно не нравившиеся мне занятия. Так как мы жили в Викторианскую эпоху,[4] то, к примеру, когда девочки отправлялись купаться на канал, являвшийся одной из границ нашего поселка, а делали они это каждый день, кроме воскресенья, — почему девочки не купались по воскресеньям, я не знаю, — считалось необходимым, чтобы их сопровождал мужчина, чей возраст не вызывал бы сомнений с точки зрения общественной нравственности. Я был избран жертвой и должен был носить полотенца и ночные рубашки девочек (в те времена не было купальных костюмов), охранять их во время купания и предупреждать о появлении мужчин, поскольку по противоположному берегу канала проходила тропинка, которой пользовались, если требовалось собрать в джунглях хворост для костра или при работах по очистке и ремонту канала. Русло канала, десяти футов шириной и трех футов глубиной, было выложено камнем, и там, где был небольшой отвод для орошения нашего сада, правитель Кумаона, генерал сэр Генри Рамзей углубил дно еще на несколько ярдов — до глубины шести футов. И ежедневно, перед тем как отправить туда с девочками, меня предупреждали, чтобы никто из них не купался в глубокой части канала. Чтобы войти в стремительно бегущую воду в тонкой хлопковой ночной сорочке и при этом соблюсти приличия, требуется большая ловкость. Достаточно сделать один неосторожный шаг и окунуться на трехфутовую глубину — а так делали все девочки, входя в воду, — как ночная сорочка вздувалась пузырем и взлетала над головой, к ужасу всех окружающих. Когда это происходило, а случалось такое довольно часто, мне было строго приказано смотреть в другую сторону.

Пока я охранял девочек, отворачиваясь от них, если возникала такая необходимость, остальные ребята, вооруженные рогатками и удочками, прокладывали себе путь вверх по берегу канала к глубокой заводи у его истока. По дороге они соревновались друг с другом, кто собьет цветок с верхушки дерева симул,[5] мимо которого они проходили, или кто первым попадет пулькой в фикус на берегу канала, причем попадание засчитывалось только в том случае, если по стволу дерева струйкой тек млечный сок — лучшая основа для птичьего клея. Попадались там и птицы, которых можно было подбить: хохлатые дронго, иволги и розовые скворцы, пьющие нектар из цветков симула; обыкновенные, темно-серые, с розовой головой длиннохвостые попугаи, которые общипывали цветы симула и, поклевав немного, роняли на землю, где их подбирали олени и свиньи; пестрые хохлатые зимородки, беспокойно летавшие, чуть не задевая поверхность воды в канале, а также, конечно, рыбный

филин, приятель того, что жил на дальней стороне Кабаньего моста, — он обычно восседал на ветке священного фикуса, нависавшей над каналом. Насколько мне известно, он никогда и никого не подпускал к себе на расстояние выстрела из рогатки, что тем не менее не мешало все время по нему палить. Добравшись до большой заводи, можно было устроить там жаркое состязание и посмотреть, кому удастся вытащить больше всего рыбы с помощью импровизированных снастей, сделанных из заимствованных в рабочих корзинах матери или сестры ниток, согнутых булавок (кто не мог позволить себе настоящий крючок) и удилищ, вырезанных из молодых побегов бамбука. Рыбалка завершалась, когда запас теста, используемого как наживка, кончался или когда чья-нибудь неосторожная рука роняла его в воду. А с поимкой нескольких маленьких махсиров — наша река была полна рыбы — одежда торопливо сбрасывалась и все выстраивались на большой скале, нависавшей над прудом, и по сигналу ныряли в воду, чтобы наперегонки плыть к противоположному берегу. И вот в то время как остальные предавались этим пленительным занятиям, мне, находившемуся милей ниже по каналу, говорили, чтобы я наблюдал за другой дорогой, или делали выговор за то, что не предупредил девочек о приближении старого крестьянина, проходившего мимо с вязанкой хвороста на голове. Мой неблагодарный труд имел только одно преимущество: благодаря ему я знал все секретные планы девочек, устраивавших всевозможные розыгрыши над мальчиками обеих семей, и особенно над Дансаем и Нейлом Флемингом.

Оба, и Дансай и Нейл, были горячими ирландцами, но на этом их сходство заканчивалось. Дансай был приземистый, волосатый и сильный, как медведь гризли, а Нейл был длинный, гибкий и тонкий, и прекрасный, как лилия. Разницу еще более усиливало то, что Дансай не задумывался над тем, чтобы взвалить на плечо свое заряжающееся с дула ружье и отправиться стрелять тигров, а Нейл боялся джунглей, и никто никогда не слышал, чтобы он стрелял из ружья. Но одно их сближало: ненависть друг к другу, поскольку оба были безумно влюблены во всех девочек. Дансай был лишен наследства своим отцом, генералом, из-за отказа служить в армии. В школе он учился вместе с моими старшими братьями, а сейчас ничем не занимался, поскольку был уволен из лесного департамента и только собирался поступать на службу по политическому ведомству. В отличие от него, Нейл имел работу, он помогал моему брату Тому на почте; однако тот факт, что ни один из них даже не помышлял о браке, нисколько не влиял на их

увлеченность девочками и не уменьшал их взаимной ревности.

Из разговоров, подслушанных на берегу канала, я узнал, что Нейл во время последнего посещения Каладхунги был слишком самодоволен и начал задаваться, тогда как Дансай, напротив, казался слишком подавленным и очень робким. Чтобы исправить такое неудовлетворительное состояние дел, было признано необходимым сбить спесь с Нейла и притормозить его и немного подбодрить Дансая: «Но не слишком сильно, дорогая, а то он начнет воображать о себе». Я не знал, что означает «воображать о себе», но полагал, что лучше не спрашивать.

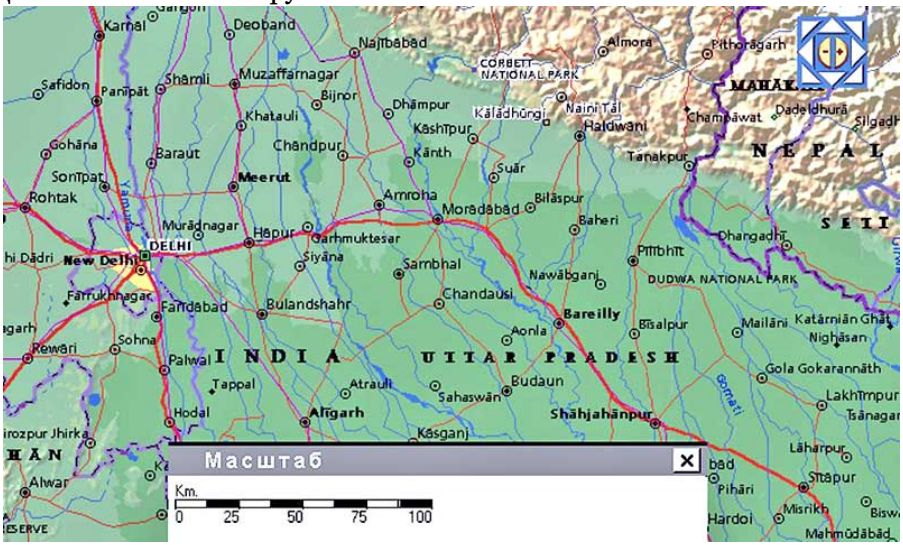
Чтобы по возможности убить одним выстрелом двух зайцев, необходимо было сделать участниками одного и того же розыгрыша как слишком напористого Нейла, так и чересчур неуверенного Дансая. Обсуждалось множество планов, и в конце концов остановились на одном, в осуществлении которого требовалась помощь моего брата Тома. В зимние месяцы работы в Найни-Тале было немного, и Том имел обыкновение позволять Нейлу каждую вторую неделю отсутствовать с субботнего вечера до утра понедельника. Этот коротенький отпуск Нейл проводил в одном из двух семейств в Каладхунги, в обоих он был желанным гостем благодаря доброму нраву и красивому голосу. Согласно выработанному плану, Тому было направлено письмо с просьбой под тем или иным предлогом задержать Нейла в субботу вечером с тем, чтобы ему пришлось отправиться в Каладхунги — за пятнадцать миль пешком — позже и добраться до места уже в сумерках. Далее Том должен будет намекнуть Нейлу, что девочки, вероятно, будут волноваться из-за его опоздания и пойдут встречать его на дорогу. Суть величайшего изо всех розыгрышей заключалась в том, что Дансай, зашитый в одну из своих медвежьих шкур, должен был пройти пару миль вместе с девочками по дороге к Найни-Талу, затаиться за скалой у крутого поворота и при появлении Нейла зарычать на него как медведь. Увидев медведя, Нейл конечно же бросится бежать по дороге навстречу поджидающим его девочкам, и те откровенно выскажут все, что думают по поводу его смелости. Когда же минутой позже к ним присоединится Дансай, они будут уже покатываться от хохота. Вначале Дансай был против этой шутки, однако уступил, узнав, что именно по предложению Нейла в сандвич с ветчиной подсунули полоску красной фланели, так смутившую его во время прошлого пикника.

Движение по дороге от Каладхунги до Найни-Тала стихало с заходом солнца. В назначенный вечер на Дансая надели одну из имевшихся медвежьих шкур и закрепили при помощи крепкой бечевки. Передвигаясь то на четвереньках, то в полный рост, он

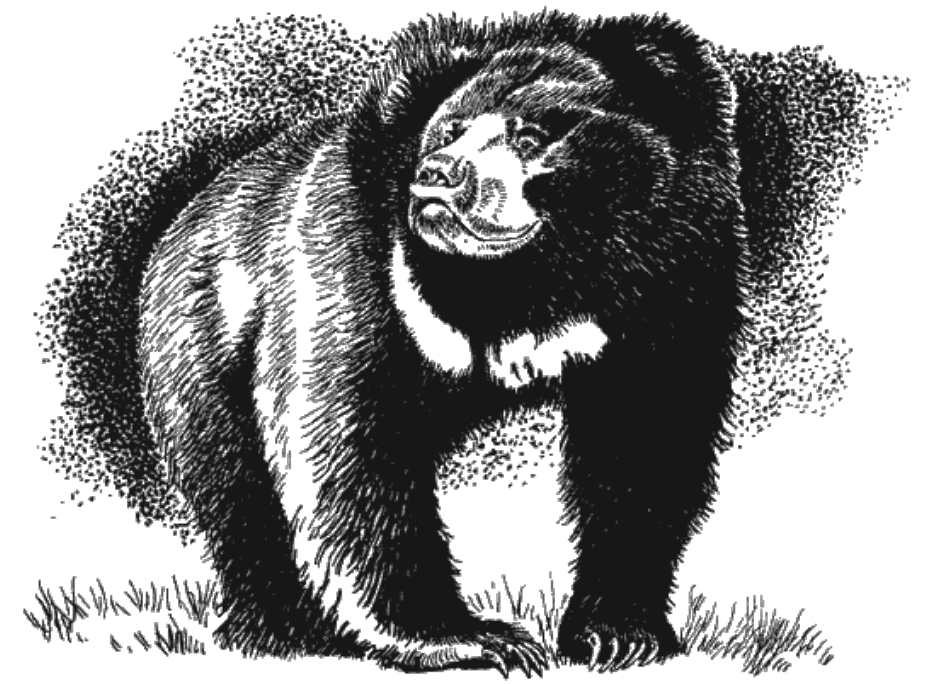
добрался, обливаясь потом (а вечер выдался теплый, и шкура была накинута поверх одежды), к условленному месту. Между тем в Найни-Тале Нейл уже начинал горячиться, получая одно задание вслед за другим, тогда как обычно в это время он уже был на пути в Каладхунги. В конце концов Нейла отпустили, но, расставаясь, Том передал ему дробовик и, вложив туда два патрона, предупредил, что пользоваться оружием можно только в случае крайней необходимости. Дорога от Найни-Тала до Каладхунги большей частью шла под гору, первые восемь миль — среди возделанных земель, а затем вплоть до Каладхунги — через более или менее густой лес. Дансай и девочки уже некоторое время были в своих засадах, начинало смеркаться, и вот на дороге появился Нейл, распевая во всю мочь, для поддержания духа, песенку «Килларни». Пение становилось все слышнее и слышнее (девочки сказали позднее, что никогда не слышали, чтобы он так хорошо пел), и затем Нейл достиг поворота дороги, где его поджидал Дансай. Как и было условлено, Дансай «поднялся на задние лапы» и зарычал на Нейла по-медвежьи, а тот вскинул дробовик и выпалил из обоих стволов. Сквозь облако дыма Нейл смутно мог видеть происходящее, и он пустился наутек, слыша при этом, как «медведь» покатился по противоположному склону холма. Тут к месту происшествия подбежали девочки, и, завидев их, Нейл замахал своим ружьем и сообщил, что только что застрелил огромного свирепого медведя, напавшего на него. В ответ на вопрос страшно перепуганных девочек, что же стало с медведем, Нейл указал на холм и предложил пойти вместе с ним поискать добычу, добавив, что можно идти совершенно спокойно — ведь медведь, конечно, убит наповал. Отказавшись, девочки сказали, чтобы Нейл шел один, и он — очень тронутый их слезами, вызванными, по его мнению, случившимся с ним, — охотно отправился дальше. Что сказал Дансай Нейлу и что Нейл тому ответил — история не сохранила, но когда, спустя довольно много времени, они вскарабкались на дорогу, где их с тревогой поджидали девочки, то Дансай нес дробовик, а Нейл — медвежью шкуру. Дансай, который, скатившись с крутого склона холма, избежал ушибов благодаря медвежьей шкуре, утверждал, что выстрел Нейла попал ему в грудь и сбил его с ног. А когда Нейл объяснил, как у него оказалось ружье, что чуть было не привело к трагическому исходу, ответственность за провал всего предприятия возложили на голову отсутствующего Тома.

Ближайший понедельник был государственным праздником, и когда Том в воскресенье вечером приехал домой, чтобы провести там выходной, он встретился лицом к лицу с рассерженными девочками, желавшими знать, о чем он думал,

давая такому человеку, как Нейл, заряженное ружье и тем самым подвергая опасности жизнь Дансая. Том молча пережидал бурю, бушевавшую над его головой, но когда рассказ дошел до того места, где Дансай был свален с ног выстрелом и девочки, припав друг к другу, оплакивали его безвременную кончину, Том возмутил всех присутствующих, разразившись взрывом хохота. К веселью, однако, присоединились все, кроме Дансая, когда Том объяснил, что, получив письмо, он предположил, какая может случиться беда, поэтому вынул пули из патронов и насыпал туда муки. В итоге результат этого грандиозного розыгрыша оказался противоположным ожидаемому: Нейл еще более возгордился, а Дансай совсем сконфузился.



ГЛАВА ВТОРАЯ



Из-за моего постоянного общения с девочками Дансай подозревал, совершенно несправедливо, что я приложил руку к инциденту с медведем, не принесшему ему тех лавров, на какие он рассчитывал, — хотя весь мой вклад в эту затею заключался в предложении использовать для сшивания медвежьей шкуры не нитку, а крепкую бечевку. Только этим я могу объяснить тот факт, что как-то утром он пригласил меня, когда я демонстрировал своим приятелям, как, раскачиваясь, перепрыгивать с одной ветки дерева на другую, пойти с ним на охоту. На седьмом небе от счастья быть удостоенным столь высокой чести, я отправился с Дансаем, сказавшим, после того как мы тронулись в путь, что собирается показать мне, как застрелить движущегося тигра. В тростниковых зарослях Дунигара (а это излюбленное место обитания тигров, в чем я убедился в последующие годы) мы обнаружили множество следов, но сами тигры нам не попались. По пути домой Дансай, на правах друга нашей семьи, решил преподать мне первый урок обращения с оружием.

В этот момент мы остановились на краю поляны, на другом краю которой множество белоголовых дроздов-пересмешников ворошили опавшие листья в поисках термитов. Поскольку мы

отправились охотиться на тигров, Дансай держал шомпольное ружье в руках, а дробовик — также заряжающийся с дула — был перекинут через плечо. Сняв дробовик и вручив его мне, он указал на дроздов, велел выставить немного вперед левую ногу, плотно прижать ружье к плечу и мягко нажать на спуск. Все это я и сделал. Даже теперь, спустя столько лет, я до конца не уверен, специально ли для меня было заряжено ружье или Дансай, который, как я вам уже говорил, был силен, как медведь гризли, имел обыкновение перекладывать порох. Так или иначе, когда я наконец настолько пришел в себя, что стал воспринимать действительность, то увидел Дансая, ощупывающего стволы дробовика и пытавшегося определить, получил ли тот повреждения от удара о камни, на которые я отшвырнул ружье, летя вверх тормашками. Дроздов и след простыл, но на земле, где они кормились, мы нашли мухоловку-белошейку, птичку размером примерно с малиновку. После осмотра птички мы не нашли у нее никаких следов ранения, отчего Дансай заключил, что она погибла от шока, — заключение, с которым я был полностью согласен, потому что сам тоже чуть не умер по той же причине.

Вскоре после моего печального опыта с ружьем Дансая мой старший брат Том, который после смерти отца — а мне было тогда четыре года — взял на себя заботу о семье, объявил однажды вечером, что собирается взять меня на медвежью охоту. Это заявление привело в ужас мать, которая, хотя и обладала смелостью Жанны д'Арк и сестры Кэвил, вместе взятых, была кротка и застенчива как голубка. Я с интересом слушал, как Том — а я боготворил его со всем обожанием маленького мальчика — убеждал мать, что нет никакой опасности, что он будет меня тщательно оберегать и что со мной все будет в полном порядке. Когда же в конце концов мать согласилась, я решил, что для меня будет безопаснее не отставать от Тома ни на шаг.

Мы отправились в тот же вечер (Том нес оба ружья: и свое собственное, и мое) по звериной тропе, пересекающей большую гору. На половине пути мы подошли к глубокому, темному, мрачному ущелью. Том остановился на его краю и прошептал мне, что здесь водится много медведей, избороздивших ущелье вдоль и поперек и всюду протоптавших свои тропы. Затем он велел мне сесть у скалы, подступавшей к краю тропы, взять ружье с двумя боевыми патронами, наказав мне быть осторожным при стрельбе и бить наверняка, а ни в коем случае не ранить медведя. После этого, показав на крепкий дуб, росший на расстоянии восьми сотен ярдов у отрога горы, Том сказал, что пойдет туда, добавив, что, если я в течение вечера увижу где-нибудь

неподалеку от него медведя, которого, по-моему, он не заметит, мне следует подойти и сообщить об этом. С этими словами Том ушел.

Дул ветер, шелестя сухой травой и мертвыми листьями, и мое воображение наполнило джунгли вокруг меня свирепыми медведями. (В ту зиму на этой горе было убито девять медведей.) У меня не возникало никаких сомнений, что меня вскоре съедят, и я был абсолютно уверен, что эта медвежья трапеза будет для меня очень болезненной. Время тянулось невыносимо долго, каждая минута прибавляла мне ужаса, и когда зарево заходящего солнца окрасило в красный цвет обращенную к закату сторону горы, я увидел медведя, медленно бредущего на фоне горизонта в нескольких сотнях ярдов от дерева Тома. Увидел ли Том медведя или нет — это не имело для меня ни малейшего значения. Наконец-то у меня появилась возможность, о которой я страстно мечтал, — улизнуть с того жуткого места, где находился. Так я и собирался сделать, пока это еще имело смысл. Поэтому, забросив за плечо ружье, которое мне было очень боязно заряжать после приключения с дробовиком Дансая, я отправился предупредить Тома о медведе, а заодно и снова оказаться рядом с ним.

В наших местах гималайский медведь зимой питается желудями. Медведи весят много, а желуди растут на самых кончиках дубовых веток, поэтому, чтобы добраться до них, медведи пригибают ветки к стволу дерева. Некоторые из этих веток только трескаются и остаются годами зелеными, другие обламываются — какие-то из них падают на землю, уже очищенные от желудей, а остальные так и свисают на лоскутах полуотодранной коры. Я уже перебрался через ущелье и попал в густой подлесок, когда до меня донесся какой-то треск. Оцепенев от страха, я застыл на месте, в то время как звук становился все громче и громче, пока что-то большое с шумом не упало прямо передо мной. Это была всего лишь ветка, которую медведь оставил раскачиваться на дереве. Порыв ветра обрушил ее вниз, но даже если бы это была не ветка, а самый крупный медведь во всей Азии, то и он не смог бы испугать меня больше. Все мужество, с которым я так долго собирался, чтобы дойти до брата, исчезло без следа, и обратно к своей скале я почти полз. Если нормальный человек способен умереть от страха, то я бы в ту ночь обязательно умер, и много раз потом.

Красноватый отблеск заката постепенно угасал за горой, и небосклон уже потемнел, когда из темноты появились неясные очертания фигуры и радостный голос окликнул меня: «Ты ведь не испугался, правда?» Том сказал, что подобрал мое ружье, и, когда я ответил, что теперь мне не страшно, он вернул его мне, ведь он

был понимающим и очень умным братом.

Том придерживался правила отправляться на охоту спозаранку, и в то утро, когда он взял меня с собой охотиться на павлинов, он поднял меня в четыре часа утра, велев умыться и одеться по возможности тихо, чтобы не разбудить остальных членов семьи. Полчаса спустя, подкрепившись чашкой чая и домашними бисквитами, мы в темноте пустились в семимильный путь до Гаруппу.

За свою жизнь я наблюдал большие изменения, происшедшие в лесах Тераи[6] и Бхабара. Часть этих изменений была вызвана вмешательством человека, другие произошли по естественным причинам. Там, где теперь заросли кустарника, были когда-то густые девственные леса, а там, где теперь лес, широко расстилались открытые пространства, поросшие травой и дикой сливой. На юго-востоке от Гаруппу, где сейчас джунгли, в то время, о котором я пишу, росла трава до пояса и сливовник. В такое-то место и отправились мы с Томом в то декабрьское утро: ведь слива уже созрела, и была абсолютная уверенность, что это привлекло не только оленей и свиней, но и павлинов.

В Гаруппу было еще темно, поэтому мы расположились рядом с родником и, наблюдая, как на востоке постепенно светлеет, слушали пробуждение джунглей. Со всех сторон закричали кустарниковые куры, пробуждая ото сна бесчисленное множество птиц помельче; те, стряхнув росу с оперения и открыв глаза, тоже возвещали рождение нового дня. Вскоре павлины, ночевавшие на исполинских деревьях симула, начали спускаться на траву и присоединять свои пронзительные крики к общему голосу джунглей, и когда восходящее солнце тронуло самые верхние ветви симулового дерева, находившегося в нашем поле зрения, двадцать или более павлинов, сидевших группами на его раскидистых ветвях, слетели к зарослям сливовника. Проследив за ними взглядом, Том выбил трубку о подошву и сказал, что подошло нам время войти в джунгли. Роса, испаряясь с этих низинных земель, поднялась на высоту около тридцати футов, и влага, конденсируясь вверху на листьях деревьев, капала вниз, по звуку и виду напоминая дождь. Трава, доходившая Тому до пояса, а мне — до подбородка, была покрыта каплями, и уже через несколько ярдов моя одежда прилипла к телу. Это было вдвойне неприятно, потому что утро выдалось страшно холодным.

Держа направление на симуловое дерево, мы вспугнули десяток или дюжину павлинов, и все они, за единственным исключением, отлетев немного, скрылись в зарослях травы. Один же, самец в полном оперении, круто взлетел вверх и устроился на ветке симула. К моему огромному удовольствию, Том передал

мне свое замковое ружье двенадцатого калибра и сказал, чтобы я шел вперед и подстрелил павлина. Расстояние до павлина было примерно сто пятьдесят ярдов. Пройдя около сорока из них, я остановился и собрался было взвести курок, как услышал тихий свист и, оглянувшись, увидел Тома, машущего мне рукой. Когда я вернулся, он сказал, что с места, где я остановился, невозможно попасть в цель. Я пояснил, что остановился не для того, чтобы выстрелить, а для того лишь, чтобы подготовить оружие. Тогда Том предупредил меня, что никогда не следует так поступать, потому что, находясь в высокой траве, где всегда можно случайно споткнуться или попасть ногой в незамеченную нору, опасно держать взведенное ружье. «Теперь, — сказал он, — отправляйся назад и попробуй снова». Со второй попытки — воспользовавшись как прикрытием росшим тут большим сливовым деревцем — я незаметно подобрался совсем близко к цели. Дерево симул стояло без листьев, но было сплошь усыпано большими красными цветами, и сидящий на обращенной ко мне ветке и переливающийся в косых лучах солнца павлин был самым прекрасным из всех, когда-либо мною виденных. Пора было стрелять, но мое волнение и окоченевшие пальцы не позволяли мне взвести курок, и, пока я соображал, что же делать дальше, павлин улетел. «Ничего страшного, — успокоил меня подошедший Том. — В следующий раз тебе повезет больше». Но в то утро больше ни одна птица не взлетела на дерево, где я смог бы в нее прицелиться. После того как Том подстрелил петуха кустарниковой курицы и трех павлинов, мы вышли из травы и зарослей дикой сливы и, вернувшись на дорогу, направились домой, где нас ждал поздний завтрак.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Благодаря этим трем урокам, так подробно мной описанным, я получил, по мнению старших, достаточное представление о джунглях. Мне показали, как обращаться с ружьем и как из него стрелять, взяли в джунгли, где водились тигры и медведи, с целью, как я думал, показать мне, что нет причины опасаться животных, если они не ранены. Такие уроки, когда их хорошо усвоил еще в молодости, никогда впоследствии не забываются, а я усвоил свои уроки хорошо. Так или иначе, я считаю, что они были мне полезны, поскольку пробудили интерес к охоте, стрельбе и рыбной ловле, чему я рад. Хорошо, что мне приходилось самостоятельно принимать решения и не надо было поступать так или эдак только потому, что взрослые считали это необходимым для мальчика моего возраста.

Мальчишки ведь не такие глупые, и если есть возможность заниматься охотой или рыбалкой, — а в большей части районов Индии они есть, — не надо лишать их удовольствия выбрать тот вид спорта, который кажется им наиболее привлекательным и более всего подходит к их физическим данным, или же, напротив, понуждать заниматься нелюбимым спортом. Принуждение, как бы искусно оно ни было завуалировано, даже если объективно оно и совпадает со склонностями личности, делает, по-моему, занятие

любым спортом безрадостным.

Когда я заболел тяжелейшей пневмонией и жизнь, словно вода между пальцами, истекала из моего тела, Том помог матери и сестрам поставить меня на ноги. Чтобы вновь пробудить во мне интерес к жизни, он сделал первую в моей жизни рогатку. Сидя на моей кровати, Том вытащил ее из кармана, передал мне в руки и, взяв с прикроватного столика чашку говяжьего бульона, сказал, что я должен его выпить, если хочу набраться сил для стрельбы. После этого без всякого сопротивления я делал все, что предлагалось, и, пока силы восстанавливались, Том поддерживал мой интерес к жизни рассказами о джунглях и пояснениями, как надо пользоваться рогаткой.

От Тома я узнал, что год — для охотников — делится на две части: охотничий сезон и месяцы, когда охота запрещена. Когда охота запрещена, мне не разрешалось пользоваться рогаткой, потому что в это время птицы гнездятся и жестоко убивать их, пока они насиживают яйца или выкармливают птенцов. Когда охота разрешена, пользоваться рогаткой можно свободно, стреляя в птиц, при условии, что каждая убитая птица будет использована по назначению. Зеленых и сизых голубей, которые обитают в наших горах, можно стрелять для стола, из всех остальных птиц можно набивать чучела. Когда пришло время, Том дал мне для этого специальный нож и кусок мышьякового мыла. Знание таксидермии не входило в число достоинств Тома. Поэтому однажды, когда он возился с тушкой фазана, из которой собирался сделать чучело, я придумал, как можно быстро снять шкурку, а позднее на практике усовершенствовал свою выдумку. Наш кузен Стефен Диз составлял в это время книгу о птицах Кумаона, и большинство из четырехсот восьмидесяти цветных иллюстраций к ней были выполнены по чучелам птиц из моей коллекции или по экземплярам, которые я подбирал специально для него.

У Тома было две собаки: Поппи, рыжая дворняжка, которую он подобрал умирающей от голода на улицах Кабула во время второй афганской войны и взял с собой в Индию, и Магог, бело-коричневый спаниель с роскошным пушистым хвостом. Для маленьких мальчиков Поппи не представлял интереса, а вот у Магога хватало сил даже немного покатать меня, кроме того, он был более благодушным и всячески выказывал свою привязанность ко мне, взяв на себя роль моего защитника. От Магога я научился, что бродить возле густых зарослей неразумно, потому что там могут спать животные, которые, если их побеспокоить, способны напасть. Благодаря ему я понял, что собака может так же бесшумно пробираться сквозь джунгли, как

кошка. С Магогом у меня хватало смелости забираться в такую чащобу, куда я раньше не отваживался проникать, и однажды, в пору моего увлечения рогаткой, мы попали в переплет, чуть было не стоивший ему жизни.

В то утро мы уже отправились в путь, чтобы пополнить мою коллекцию алой нектарницей, когда Дансай, вышедший на прогулку со своей собакой Скотти по прозвищу Чертополох, нагнал нас. Собаки друг друга недолюбливали, но сдерживались и не дрались. Через некоторое время Чертополох поднял дикобраза и Магог, не обращая внимания на мой окрик, присоединился к гонке. У Дансая было шомпольное ружье, но он не мог стрелять, боясь попасть в собак, гонявших дикобраза из стороны в сторону и пытающихся укусить его. Пробежки не входили в число любимых занятий Дансая, и вдобавок бежать мешало ружье, поэтому вскоре дикобраз, две собаки и я оставили его далеко позади. С дикобразами вообще неприятно иметь дело, потому что хоть они и не могут метать свои жесткие и упругие иглы, но, защищаясь или атакуя, они поднимают их и пятятся.

Прежде чем присоединиться к погоне, я сунул рогатку в карман и вооружился крепкой палкой, но помочь собакам не мог ничем, потому что стоило мне подступить к дикобразу, как он бросался на меня, и только вмешательство собак спасало от игл. Травля продолжалась уже на протяжении полумили, и мы приближались к глубокому оврагу, в котором дикобразы нарыли себе нор, когда Магог ухватил дикобраза за нос, а Чертополох вцепился ему в горло. Дансай подоспел в тот момент, когда схватка была уже практически закончена, и, для полной уверенности, всадил в дикобраза заряд дроби. Обе собаки пострадали во время преследования, их раны кровоточили. Мы вытащили все иглы, что смогли, Дансай перекинул дикобраза через плечо, и мы заспешили домой — попытаться с помощью пинцета вытащить обломки, которые невозможно было вытянуть пальцами: у дикобраза иглы с зазубринами и крепко застревают в коже.

У Магога был трудный день. Ночью он часто кашлял, и всякий раз большой сгусток крови оказывался на соломе, где он лежал. К счастью, следующим днем было воскресенье, и из Найни-Тала приехал Том — провести выходной дома. Он обнаружил, что одна игла обломилась прямо в носу Магога и обломок там и остался. В конце концов, после множества безуспешных попыток, Том ухватил щипчиками обломившийся конец иглы в шесть дюймов длиной и вытащил его. Толщина игл была такова, что они годились для изготовления перьевых ручек. После того как иглу удалили, хлынула кровь, а так как у нас не

было никаких кровоостанавливающих средств, то жизнь Магога висела на волоске. Однако заботливый уход и питание восстановили его силы. То же самое было и с Чертополохом, который, правда, вышел из схватки с дикобразом с меньшими потерями.

Вскоре после того, как у меня появилось замковое ружье, о котором я расскажу вам позднее, со мной и Магогом произошли два интересных случая: один в Каладхунги, а другой в Найни-Тале. Все земли в окрестностях деревни Найя-Гаон, о которой я уже где-то упоминал, в это время были полностью распаханы. Между полями и ручьем Дунигар оставалась полоса джунглей, перемежавшихся открытыми полянами. Шириной этот кусок леса был от четверти мили до полумили. Ровно посередине между ручьем и краем ближайшего поля через джунгли проходила звериная тропа, изгибы которой приблизительно повторяли извилины русла. Джунгли по обе стороны потока были полны дичи. Там водились кустарниковые куры, павлины, олени и свиньи. Отправляясь кормиться на поля и возвращаясь обратно, вся эта живность, наносившая большой ущерб посевам, пересекала тропу. На этой-то тропе мы с Магогом и попали в первую историю.

Найя-Гаон расположена в трех милях от нашего дома в Каладхунги, и однажды на рассвете мы с Магогом отправились поохотиться на павлина. Мы держались середины широкой дороги: было еще темновато, а в этих местах того и гляди можно было нарваться на леопарда или тигра. До места пересечения тропы с дорогой мы добрались к тому времени, когда всходило солнце. Здесь я принялся заряжать ружье, а это долгое дело: сначала следует отмерить порох, засыпать его в дуло и сверху плотно прикрыть тонким кусочком войлока. Затем отмеряется дробь, засыпается поверх войлочного пыжа и накрывается пыжом из тонкого картона. Потом заряд в стволе уплотняется. Когда шомпол упруго отскакивает от него, можно считать, что ружье правильно заряжено. Но это еще не все: тугой курок отводится на половину хода и на боек надевается капсюль. Выполнив, к своему удовольствию, всю необходимую последовательность действий, я собрал сумку и мы с Магогом свернули на звериную тропу. Множество кустарниковых кур и несколько павлинов пересекли тропу у нас перед носом, но никто из них не задержался, чтобы я мог выстрелить. Нам пришлось пройти еще около полумили, пока наконец мы не вышли на открытую поляну, на дальнем краю которой разгуливало семь павлинов. Выждав некоторое время, мы подкрались к тому месту, куда направлялись павлины, и тогда я дал команду Магогу их вспугнуть.

Павлины, когда в густых джунглях их спугнет собака, неизменно рассаживаются на ветвях деревьев, а так как я стоял в таком месте, откуда даже сидящую птицу трудно подстрелить, понадобились объединенные усилия — мои и Магога, чтобы павлин мог попасть в охотничью сумку. Магог предпочитал павлинов всякой другой дичи, и, загнав птиц на дерево, обычно носился вокруг, облаивая их, и пока он отвлекал внимание птиц, я подкрадывался, чтобы выполнить свою часть обязанностей.

Перейдя через поляну, павлины не взлетели, поэтому Магог в погоне за последним из них углубился на сотню ярдов в кустарник, а затем и в сами джунгли. Я услышал хлопанье крыльев и крик птицы, за которым почти немедленно последовал испуганный лай Магога и сердитый рев тигра. Было совершенно ясно, что павлин вывел собаку на спавшего тигра, и птица, собака и тигр, каждый из них по-своему, выразили удивление, страх и негодование. Магог, взвизгнув первый раз от страха, яростно залаял и побежал, а тигр, издавая рык за рыком, преследовал его — и оба приближались ко мне. В общей суматохе павлин, издавая сигнал тревоги, пролетел, петляя между деревьями, и сел на ветку прямо над моей головой, но в это время я уже потерял всякий интерес к птицам и моим единственным желанием было исчезнуть куда-нибудь подальше, туда, где нет тигров. У Магога было четыре лапы, носившие его по земле, а у меня лишь две ноги, поэтому, не испытывая ни малейшего стыда за то, что бросаю верного товарища, я пустился наутек так, как никогда прежде не бегал. Вскоре меня догнал Магог, а рев позади прекратился.

Сегодня я прекрасно себе представляю — в то время на это не был способен, — как тигр сидел на краю поляны и смеялся, да, тигр смеялся над видом улепетывающих большой собаки и маленького мальчика, спасавших, как они думали, свою драгоценную жизнь, хотя на самом деле единственное, чего он хотел, — это прогнать собаку, которая посмела его разбудить.

Еще один случай произошел со мной накануне той зимы, когда мы переехали из Каладхунги в летний дом в Найни-Тал. В этот раз я был один, потому что Магог навещал свою подружку в деревне и к моменту выхода отсутствовал. Я тогда избегал густых джунглей и старался держаться более открытых мест и в то утро решил подстрелить кустарниковую курицу где-нибудь в районе дороги между Гаруппу и Найя-Гаон. В земле у дороги копошилось много птиц, но ни одна из них не подпустила меня на расстояние выстрела, поэтому я вошел в джунгли, состоящие в этом месте из деревьев, отдельных кустов и низкорослой травы. Прежде чем покинуть дорогу, я снял башмаки и чулки. Пройдя совсем

немного, я заметил петуха кустарниковой курицы, ворошившего опавшие листья под деревом.

Когда кустарниковая курица разгребает опавшие листья, то, так же как и обычная курица, копошащаяся в соломе в поисках зерен, она сначала поднимает голову и осматривается, нет ли где опасности, и если поблизости все спокойно, опускает ее, выискивая для пропитания насекомых. Петух, искавший пищу под деревом, был слишком далеко, поэтому я начал незаметно подкрадываться к нему. Продвигаясь на ярд или два каждый раз, когда петух опускал голову, и, застывая на мгновение, когда он ее поднимал, я почти подобрался к месту, откуда можно было стрелять, но оказался на краю неглубокой ямы. Один шаг в яму, скрытую травой по колено высотой, и два шага за ней — и петух был бы в пределах досягаемости; кроме того, напротив росло маленькое деревце, которое можно было использовать как опору для тяжелого ружья. Поэтому, выждав, когда петух снова наклонит голову, я залез в яму и наступил босой ногой на свившегося в клубок здорового питона. Вы помните, как несколько дней назад я поставил рекорд в беге, — теперь же мне пришлось поставить такой же рекорд по прыжкам, и когда я приземлился на противоположном краю ямы, то быстро развернулся, выпалил в зашевелившуюся массу и припустил так, что остановился уже на безопасной дороге.

За все годы, что я провел в джунглях Северной Индии, я ни разу не слышал о том, чтобы питон убил человека; даже если это так, все равно я знаю, что мне крупно повезло в то утро, ведь если бы питон схватил меня за ногу, как это, несомненно, произошло бы, если бы он не спал, питону ни к чему было убивать меня, потому что я умер бы от страха так же, как однажды ночью недалеко от моей палатки умерла взрослая самка читала, когда питон схватил ее за хвост. Какой длины был питон, на которого я наступил, убил ли я его или нет, я так и не знаю, потому что никогда туда не возвращался. В этой же местности я видел питона восемнадцати футов длиной и видел другого, заглотившего читала, и еще одного, который проглотил кабаргу.

Вторая история произошла со мной и Магогом вскоре после того, как мы вернулись из Каладхунги в Найни-Тал. Леса вокруг Найни-Тала в то время изобиловали фазанами и прочей дичью, и так как охотников было не много, а ограничения на отстрел в этом районе отсутствовали, у нас с Магогом была возможность вечером после школы подстрелить пару фазанов или куропаток про запас.

Однажды вечером мы отправились по дороге на Каладхунги, и хотя Магог поднял несколько фазанов, ни один из них не сидел

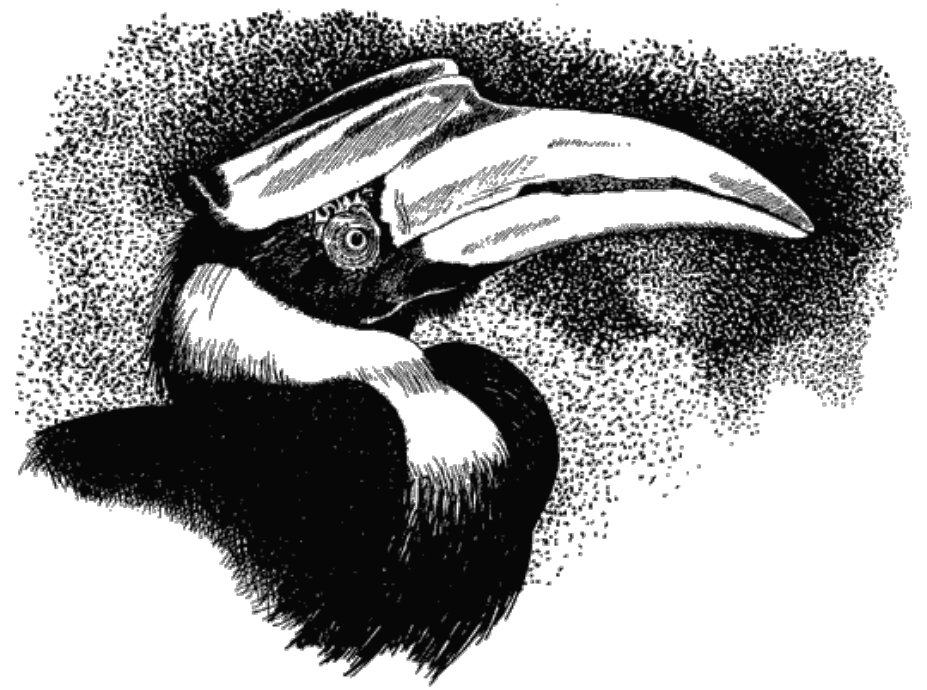
на дереве достаточно долго, чтобы я мог выстрелить. Дойдя до Сарья-Тала, маленького озерка в нижнем конце долины, мы сошли с дороги и вошли в джунгли, чтобы добраться до узкого ущелья в верхней части долины. Неподалеку от озера я подстрелил фазана. После этого, пробираясь через густые заросли и каменную россыпь, мы повернули в направлении дороги и прошли ярдов двести, когда, выйдя из зарослей на заросшее травой открытое место, увидели под кустами недотроги нескольких фазанов, подпрыгивающих, чтобы склюнуть ягоды с низких кустиков. Птицы были видны, только когда находились в воздухе, а я в то время еще не умел стрелять в движущуюся мишень, поэтому я сел на землю, Магог тут же улегся рядом, и мы стали ждать, не выйдет ли какая-нибудь из птиц на поляну.

Так мы провели некоторое время, а птицы все еще прыгали и клевали ягоды, когда с дороги, по диагонали пересекавшей холм, до нас донеслись веселые голоса людей. По грохоту их жестяных бидонов я понял, что это торговцы молоком, продавшие в Найни-Тале товар и возвращавшиеся в свои деревни неподалеку от Сарья-Тала. Я услышал эти звуки, когда люди вышли из-за поворота дороги, находившегося на расстоянии четырехсот ярдов от нас. Они прошли еще немного и, когда находились выше нас по склону холма, вдруг дружно загалдели, как будто прогоняя какое-то животное с дороги. В следующую минуту мы услышали, что какой-то крупный зверь пробирается через джунгли в нашем направлении. Из-за густого подлеска я не мог разглядеть, кто это, пока он не выскочил на гряду, заросшую недотрогой, и не вспугнул при этом фазанов, пролетевших над самыми нашими головами, — на открытое место выпрыгнул большой леопард. Он увидел нас еще во время прыжка, в воздухе, и как только коснулся земли, лег плашмя и замер в этой позиции. Проплешина, на которой мы были, подымалась вверх под углом в тридцать градусов, а так как леопард был над нами и нас разделяло около десяти ярдов, был виден каждый дюйм его тела от подбородка до кончика хвоста. При появлении леопарда я снял левую руку с ружья и, положив ее на загривок Магога, почувствовал, как дрожь пробегает по его телу, и эта дрожь затем передалась и мне.

Это был первый леопард, которого увидели мы с Магогом, и так как ветер дул вверх по склону холма и не доносил запах зверя, я полагаю, что наша реакция на него была схожа — сильное возбуждение, но никакого чувства страха. Это отсутствие страха теперь, имея за плечами жизненный опыт, я объясняю тем, что у леопарда не было в отношении нас никаких дурных намерений. Согнанный с дороги людьми, он скорее всего

собирался залечь за скалами, через которые только что перебирались мы с Магогом, а миновав заросли и обнаружив мальчика и собаку прямо на пути своего отступления, зверь замер, чтобы оценить ситуацию. С одного взгляда он понял, что мы не представляем для него опасности: леопарды оценивают ситуацию гораздо быстрей, чем другие животные в джунглях. И тогда, удовлетворенный тем, что от нас не исходит угроза и нет других людей в том направлении, в котором он собирался бежать, леопард поднялся и в несколько изящных прыжков скрылся в джунглях за нами. Ветер, дувший оттуда, донес до Магога запах леопарда, и в тот же момент он вскочил, а шерсть на загривке встала дыбом. Только теперь он осознал, что красивый зверь, на которого он смотрел без тени страха, был леопардом, самым смертельным и страшным врагом в джунглях, который мог убить его, большую сильную собаку, безо всякого труда.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ



Между периодами увлеченности рогаткой и шомпольным ружьем было время, когда я в основном пользовался луком со стрелами. Я вспоминаю это время с большим удовольствием, хотя мне почти никогда не удавалось подстрелить птицу или зверюшку. Зато я открыл в Банке Природы свой собственный счет — и это при моих-то скромных возможностях! Не говоря уже о том, что наука джунглей, которую я впитывал в себя и в те дни, и позднее, доставляла мне истинное наслаждение.

Я не случайно говорю «впитывал», а не «узнавал». Познание джунглей — это не та наука, которой можно научиться по книгам. Ее можно лишь впитать каплю за каплей, и процесс этот может тянуться бесконечно долго: книга природы не имеет ни начала, ни конца. Открой ее, где пожелаешь и когда угодно, и если в твоей душе есть жажда знания, ты постигнешь массу захватывающих вещей. И сколь бы долго и упорно ни перелистывал ты ее страницы, твой интерес не иссякнет, ибо природа неисчерпаема.

Представь, что сейчас весна и дерево, стоящее перед тобой, усыпано яркими цветами. Привлеченные ароматом цветов птицы с перьями, окрашенными всеми цветами радуги, порхают с ветки

на ветку. Одни пьют нектар, другие поклевывают лепестки, третьи кормятся пчелами, деловито собирающими пыльцу для меда. Завтра место цветов займут плоды и множество других птиц рассядется по всему дереву. И каждая из этого множества будет иметь собственное, только ей одной предназначенное место в природной системе. Одни существуют, чтобы украшать собою сады, другие — чтобы наполнять его музыкой, а третьи — чтобы омолодить сад и не дать ему умереть.

Сезон за сезоном, год за годом меняется сцена. Новые поколения птиц разных видов обосновываются на дереве. И само дерево может лишиться ветки, обломанной ураганом, сделаться грудой безжизненных ветвей и умереть. Но другое дерево займет его место, и так вечно.

На тропе, у твоих ног, виден след змеи, она переползла тропу за час до рассвета. Змея пересекала тропу справа налево, была трех дюймов в обхвате, и ты можешь с уверенностью сказать, что она была ядовитой. Завтра на той же или другой тропе след поведает тебе, что змея, побывавшая здесь за пять минут до тебя, ползла слева направо, что толщина ее — пять дюймов и была она неядовитой.

Впитанное вчера добавится к тому, что откроется завтра. И только от твоей способности поглощать будет зависеть мера знания, которое ты в конце концов обретешь. Здесь не может быть никаких стандартов. А в конце пути к постижению, окажется ли он длиной в три года или в пятьдесят лет, ты поймешь, что все еще стоишь у самого края поля, которое зовется природой, и все оно лежит пред тобой и ждет, когда ты его изучишь. Но будь уверен, если в тебе не окажется интереса, если ты не загоришься жаждой познания, природа тебе ничего не расскажет.

Как-то раз мы со спутником преодолели по лесу двенадцать миль, отделявших один лагерь от другого. Стоял апрель, и природа ликовала. Цвело все: деревья, кустарники, лианы. Бабочки самых веселых окрасок перелетали с цветка на цветок, и наполненный ароматами цветения воздух подрагивал от пения птиц. В конце дня я спросил спутника, понравилась ли ему прогулка. «Нет, — ответил он, — дорога была слишком неровной».

Вскоре после Первой мировой войны мне довелось плыть на британо-индийском корабле «Карагола» из Бомбея в Момбасу. На верхней палубе нас было пятеро. Я направлялся в Танганьику, чтобы построить там себе дом, а четверо других ехали в Кению — трое, чтобы поохотиться, а один, чтобы посмотреть на купленную им ферму. Море было неспокойно, а моряк из меня никудышный. Так что большую часть времени я провел, подремывая в углу

курительной комнаты. Остальные сидели тут же за столом, курили и играли в бридж, разговаривая по большей части о спорте. Однажды, пробудившись от судороги в ноге, я услышал, как самый молодой человек из компании сказал: «О, я знаю о тиграх все! В прошлом году я провел две недели с егерем в Центральных провинциях».

Может быть, оба эти случая не очень типичны. Но они могут подчеркнуть мою мысль о том, что при отсутствии интереса можно ничего не увидеть, кроме дороги у себя под ногами. А без жажды знания в душе не трудно до самой смерти остаться невеждой, способным утверждать, будто пары недель довольно для понимания того, что невозможно изучить за целую жизнь.

ГЛАВА ПЯТАЯ

И в детские годы, и в течение десяти школьных лет, и потом, когда я работал в Бенгалии, и между двумя мировыми войнами я обычно проводил каникулы и отпуска в окрестностях Каладхунги. И если за это время я не познал науку джунглей в той степени, в какой мог бы, то винить должен только самого себя. Ни у кого другого не будет больше таких возможностей, ибо возрастающая численность населения потребовала распашки все больших площадей джунглей, в которых в мое время водилось много дичи. Вырубка лесов под предлогом их упорядочения нанесла непоправимый ущерб природе, ее результатом стала повсеместная гибель диких деревьев, дававших необходимые зверям и птицам цветы и плоды. Одним из таких последствий, которого обязательно следовало бы избежать, стало вытеснение миллионов обезьян из лесов на обрабатываемые земли. В итоге правительство столкнулось с проблемой, которую очень непросто решить с учетом религиозных традиций местного населения, считающего обезьян священными животными. Когда-нибудь эта проблема будет стоять очень остро. Никак не позавидуешь тому, кто с ней столкнется, ведь, по моим подсчетам, только в Объединенных провинциях насчитывается не менее десяти миллионов этих животных, а десять миллионов обезьян на крестьянских полях и в садах — это весьма серьезная проблема.

Если бы в те далекие годы я знал, что возьмусь писать эту книгу, то постарался бы узнать о джунглях побольше. Часы пребывания в них были для меня периодом ничем не омраченного счастья, но теперь я понимаю, что это время можно было провести куда с большей пользой. Я был счастлив и думаю, что источником этого счастья была возможность наблюдать жизнь дикой природы в ее естественном состоянии. В природе нет места горю и жалобам. Ястреб уносит птицу из стаи или животное из стада попадает в когти хищного зверя, а остающиеся радуются тому, что сегодня пробил не их час, и не думают о завтрашнем дне. Когда я всего этого не знал, я пытался спасать птиц и маленьких зверюшек, схваченных орлом или ястребом; или оленей, попавших в лапы хищника. Но вскоре оказалось, что, пытаясь спасти одного, я обрекал на смерть обоих. Потому что когти ястреба либо орла или зубы и клыки хищного зверя несут на себе яд в виде гниющих остатков мяса и крови, и без немедленной квалифицированной медицинской помощи, что в джунглях невозможно, из сотни вырванных из лап хищника жертв выживет только одна, а убийца, лишенный добычи, немедленно найдет себе другую жертву, чтобы накормить себя или свое потомство.

Некоторые виды птиц и животных существуют в природе специально для поддержания в ней баланса, и чтобы выполнять эту роль и одновременно обеспечивать себя тем единственным видом пищи, которую они в состоянии добыть, им приходится убивать. Они делают это так быстро и умело, как это только вообще возможно. Ведь самому нападающему важно не привлечь к себе внимания врагов, и страдания жертвы от этого становятся меньше. В этом и состоит предусмотрительность природы.

У каждого вида — свой способ охоты, зависящий в основном от соотношения размеров охотника и жертвы. Сапсан, например, большинство своих жертв убивает на земле, однако, при случае, может поймать небольшую птичку за крыло, убить и съесть ее в воздухе. Тигр же то считает необходимым сначала перерезать животному сухожилия и потом уже свалить его на землю и задушить, а то валит жертву одним ударом.

В естественных условиях народ джунглей никогда не убивает просто так. Лишь некоторые животные — лесная куница, виверра, мангуста — при каких-либо обстоятельствах, выходящих за рамки обычных, убивают сверх своих потребностей, так сказать, из спортивного интереса. Спорт ведь понятие широкое и может быть интерпретировано по-разному. Приведу два примера того, как я это понимаю.

Когда Перси Уиндхем был уполномоченным по Кумаону, сэр

Харкорт Батлер, тогдашний губернатор Объединенных провинций, попросил его поймать питона для открывшегося незадолго до этого зоопарка в Лучноу. Уиндхем получил это указание, когда совершал обычную зимнюю инспекцию. Прибыв в Каладхунги, он спросил, не знаю ли я, где можно раздобыть такого питона, который, с одной стороны, был бы достоин наших джунглей, а с другой — подходил бы для подарка губернатору от уполномоченного. Я действительно знал одного такого питона, и на следующий день Уиндхем вместе с двумя своими шикари[7] и я, разместившись на спине слона, отправились в лес, чтобы взглянуть на питона, бывшего у меня на примете. О его существовании я знал уже несколько лет и без труда провел слона до нужного места.

Мы обнаружили питона растянувшимся на ложе, которое он себе соорудил в русле мелкого ручья. Кристально чистые струи покрывали огромное тело всего на дюйм, и любому могло показаться, что перед ним находится музейный экспонат под стеклянной витриной. При виде питона Уиндхем сказал, что это как раз то, что нужно, и приказал погонщику отмотать кусок веревки. После того как эта манипуляция была проделана, Уиндхем сделал на конце веревки петлю, протянул ее своим шикари и приказал им спуститься на землю и заарканить змею. В ужасе оба они заявили, что это совершенно невозможно. «Не бойтесь», — сказал им Уиндхем и добавил, что если питон только попробует на них напасть, то он его застрелит, а у него было с собой крупнокалиберное ружье. Однако и это не произвело на шикари впечатления. Тогда Уиндхем обернулся ко мне и спросил, не хочу ли я помочь его людям. Я довольно эмоционально пояснил ему, что именно этого мне бы хотелось меньше всего на свете. Уиндхему не оставалось ничего другого, как оставить мне свое ружье и спуститься на землю к двоим мужчинам.

Жаль, что вместо ружья в моих руках тогда не оказалось кинокамеры, чтобы запечатлеть на пленке зрелище, которое мне предстояло увидеть, — а ничего более забавного мне наблюдать не доводилось. План Уиндхема состоял в том, чтобы набросить петлю на хвост питона и вытащить его на сушу, а затем связать и погрузить на слона. Когда он посвятил своих подчиненных в этот план, они вручили веревку ему самому и сказали, что они готовы затянуть петлю, если он сумеет подвести ее под хвост змеи. Однако Уиндхему казалось, что именно эту операцию оба парня сумеют выполнить более квалифицированно. После долгих маневров вокруг питона и живописных немых сцен, так как они боялись потревожить дремавшую змею, всем троим пришлось войти в воду, причем каждый старался держаться как можно

дальше от петли, которую предстояло накинуть на питоний хвост. Соблюдая осторожность, ловцы стали медленно двигаться против течения. Когда они приблизились к животному на расстояние вытянутой руки, питон вдруг приподнял голову над водой на два фута, а потом начал поворачиваться и скользить в их сторону. С воплем «Бхаго, саиб!» («Спасайтесь, господин!») оба шикари вылетели из воды. Вслед за ними выскочил и Уиндхем, и все помчались к зарослям кустарников на берегу ручья. Тем временем питон не спеша проскользнул под корнями большого дерева ямун и исчез из вида, а мы с погонщиком чуть не свалились со слона от смеха.

Месяц спустя я получил от Уиндхема письмо, в котором он сообщал, что на следующий день прибудет в Каладхунги и хотел бы еще раз попытаться добыть питона. У меня как раз гостили Джеф Хопкинс со своим приятелем, и мы втроем решили сходить на старое место и проверить, по-прежнему ли там живет питон. У корней дерева, где он когда-то отдыхал, земля была вся истоптана копытами нескольких поколений часто приходивших туда оленей. И среди этого чудного пыльного месива мы нашли питона. Парочка выдр прикончила его за несколько минут до нашего появления.

Выдры выработали свой метод уничтожения питонов и крокодилов, которых они убивают из спортивного интереса, поскольку мне никогда не доводилось слышать о том, чтобы они ели этих рептилий. Они приближаются к намеченной жертве с разных сторон, и когда питон или крокодил поворачивает голову, чтобы защититься, допустим, от выдры, стоящей слева, правая прыгает (а выдры страшно проворны) и кусает как можно ближе к шее. Тогда жертва поворачивается вправо и нападающий слева, в свою очередь, бросается в атаку. Таким образом, даже если укусы оказываются неглубокими, выдры рано или поздно прокусывают шею питона или крокодила почти до позвонков и тем не остается ничего другого, как отправиться в мир иной, хотя и питоны и крокодилы очень живучи.

Питон, о котором шла речь выше, был длиной в семнадцать футов и шесть дюймов, в поперечнике он составлял двадцать шесть дюймов, так что выдры все же рисковали, напав на него. Но это отважные животные, и не исключено, что они, подобно людям, оценивают остроту игры в зависимости от степени риска.

Во втором случае, о котором я хочу рассказать, речь идет о взрослом слоне и паре тигров. Если мое предположение относительно возможности нападений из спортивного интереса не работает, то никак не объяснить, зачем бы это понадобилось королю и королеве индийского леса ввязываться в смертельную

схватку с богом джунглей. В прессе потом много писали об этом, а издателей журналов «Пионер» и «Стейтсмен» все знаменитые охотники просто засыпали письмами. Какие только теории не выдвигали для объяснения происшествия: и старые счеты, и месть за убийство детеныша, и просто нападение с целью добычи пропитания. Никто из писавших статьи и письма своими глазами схватки не наблюдал, а ни одного сходного случая известно не было. Поэтому методом дедукции реконструировать ситуацию было невозможно, гипотезы так и остались гипотезами, ничего не было доказано.

Впервые я услышал о схватке, стоившей жизни слону, когда суперинтендант Тераи и Бхабара спросил меня, хватит ли двухсот галлонов парафинового масла для того, чтобы сжечь его тело. Наведя справки в суперинтендантской конторе в Найни-Тале, я узнал, что тигры убили слона в Танакпуре, на скалистой площадке, где зарыть его невозможно и поэтому встал вопрос о кремации. Эта информация представляла для меня большой интерес, но, к сожалению, следы были десятидневной давности, сильные дожди изменили всю обстановку на месте происшествия, к тому же пришлось сжечь и тело.[8]

Однако оказалось, что мой старый приятель Наиб Тахсилдар из Танакпура, не наблюдая этой битвы воочию, слышал ее звуки. От него-то я и знаю детали, которые привожу ниже.

Танакпур — это конечная станция железнодорожной ветки, отходящей от линии Удх — Тирхут, и довольно значительный торговый центр, расположенный на правом берегу реки Сарда, как раз в том месте, где она выходит из ущелья. Тридцать лет назад река протекала вдоль высокого берега, на котором и был построен Танакпур, но, подобно всем большим рекам, вырывающимся из теснины, Сарда промывала себе все новые и новые русла, так что к тому времени, которое здесь описывается, от реки до Танакпура было две мили. Между первоначальным берегом высотой около ста футов и основным руслом реки пролегало несколько небольших проток, и на образованных ими островках стояли иногда чахлые, а иногда и довольно мощные деревья, росло множество кустарников, тянулись травяные заросли.

Как-то раз два малхаса (лодочника) из Танакпура ловили рыбу сетью на Сарде. Они задержались дольше, чем первоначально рассчитывали, и когда пустились в двухмильный путь домой, солнце уже садилось. Перейдя последний островок и выйдя из густой травы на берег отделявшей их от высокого берега протоки, они вдруг увидели двух тигров, расположившихся на ее противоположном берегу. Ширина протоки в этом месте была не

более сорока ярдов, причем вода текла по руслу тоненькой струйкой. Тигры оказались прямо на пути людей, и те, решив переждать, пока звери уйдут, припали к земле. Эти двое и раньше много раз встречали тигров, так что в панику они не впали. На это стоит обратить внимание, потому что, когда в джунглях начинаешь пугаться, воображение выделывает порою странные штуки.

Было еще достаточно светло, поскольку солнце только что скрылось. К тому же на небе взошла полная луна и при ее свете тигры, стоявшие на открытом месте, были отчетливо видны. В это время в траве, через которую только что пробирались двое рыбаков, послышался шум и на этой же стороне протоки появился слон с огромными бивнями. Этот бивненосец был хорошо известен в лесах вокруг Танакпура. Он снискал себе дурную репутацию в лесном департаменте из-за скверной привычки вырывать деревянные опоры крыши охотничьей хижины (бунгало) в лесу Чене. Правда, делал он это не со зла.

Подойдя к протоке, слон увидел тигров, поднял хобот, затрубил и двинулся на них. Тигры повернулись к слону, и, когда тот приблизился, один из них стал отвлекать его внимание спереди, а второй, обойдя слона, прыгнул ему на спину. Вертя головой, слон пытался схватить тигра, оказавшегося у него на холке, хоботом. Но в это время второй зверь, который отвлекал внимание слона, вцепился ему в голову. Слон ревел от ярости, а тигры свирепо рычали во всю мощь. Когда разъяренный тигр рычит, это звучит довольно устрашающе. А поскольку к этим звукам добавлялся рев обезумевшего слона, ничего удивительного в том, что у наблюдавших все это малхасов не выдержали нервы и они, побросав и сети, и улов, помчались со всех ног в Танакпур.

Когда стали доноситься первые звуки битвы, в Танакпуре в полном разгаре было приготовление ужина. Вскоре прибежали малхасы с сообщением о схватке слона с тиграми. Некоторые смельчаки отправились на высокий берег реки в надежде получше рассмотреть происходящее, однако, когда стало ясно, что битва перемещается в их сторону, в панике обратились в бегство. И через несколько минут в Танакпуре не оказалось ни одной незапертой двери. О продолжительности битвы не было единого мнения. Одни утверждали, что звуки ее доносились всю ночь. Другие придерживались мнения, что все завершилось к полуночи. Мистер Матесон, отставной джентльмен, чье бунгало стояло на крутом берегу реки, чуть выше места, где происходила схватка, говорил, что она тянулась много часов и что он никогда не слыхивал столь ужасающих и леденящих кровь звуков. Ночью

были слышны и выстрелы, хотя, кто стрелял, не ясно. Это мог быть и мистер Матесон, и местная полиция. Во всяком случае, эффекта это не произвело, звери не разбежались и схватка продолжалась.

Наутро жители Танакпура снова пришли на берег и с высоты ста футов увидели, что у подножия обрыва, на покрытом галькой берегу, лежит мертвый слон. Судя по ранам, описанным мне Наиб Тахсилдаром, животное погибло от потери крови. Тело нигде не было обгрызено. Раненых или мертвых тигров в ближайшие дни в окрестностях никто не находил.

Не думаю, что, нападая на слона, тигры собирались его убивать. Не убедительны и такие объяснения, как вендетта, месть за съеденного детеныша или добывание пищи. Но факт, однако, остается фактом, и пара тигров убила близ Танакпура огромного слона с бивнями, весившими девяносто фунтов. Я думаю, что то, что начиналось как забава — слон пытался прогнать со своего пути пару матерых тигров, — переросло потом в настоящую схватку. Я подозреваю, что тигр, вспрыгнувший на голову слона, выцарапал ему глаза, ослепленное животное бессмысленно металось до тех пор, пока не оказалось на высоком берегу. Здесь, на неустойчивом галечном грунте, в котором он увязал, слон оказался в западне и попал во власть тигров, которые теперь уже были беспощадны, возможно, от полученных ими ран.

Все хищные животные убивают своих жертв зубами. Звери, которые подкрадываются к добыче, пользуются когтями, но обычно только для того, чтобы схватить и удержать ее. И лишь иногда — с целью обездвижить жертву, чтобы затем ее растерзать. В джунглях хищник редко преследует долго. Движения нападающего зверя столь стремительны и за ними так трудно уследить, что даже я, не менее двадцати раз видевший, как это делают тигры или леопарды, не смог бы точно заметить, в какой именно момент нападающий хватает жертву. Лишь в одном случае я был свидетелем того, как кормившийся читал был молниеносно атакован в лоб с подветренного направления. Это и понятно. Животные, которыми питаются тигры и леопарды, способны нанести им очень серьезные раны рогами. Поэтому почти всегда нападающий бросается на жертву сзади или с фланга, в одном прыжке или коротком броске хватает ее когтями и далее молниеносно вонзает ей зубы в горло и валит на землю.

Но и повалив животное, хищник должен проявлять максимум осторожности, так как взрослый замбар или читал может одним махом распороть тигру или леопарду брюхо. Поэтому, чтобы не быть раненым и не дать жертве встать на ноги, нападающий выворачивает ей шею набок. Когда упавшее животное удерживают

на земле таким способом, оно сколько угодно может брыкаться. Причинить врагу вред ему все равно не удастся, а подняться и убежать оно сможет, только сломав себе шею. Случается, что тяжелое животное действительно сворачивает себе шею уже при падении. Если же этого не происходит, то хищник ломает ему шею клыками или удушает жертву, пережимая ей горло.

Никогда не замечал, чтобы леопарды подрезали жертве подколенные сухожилия, а тигры это делают довольно часто. Для этого они используют не зубы, а когти. Однажды знакомый рассказал мне, что какой-то зверь задрал у него корову недалеко от хребта Семдхар в шести милях от Найни-Тала. У него было большое стадо, и ему много раз доводилось находить животных, убитых тиграми или леопардами. Но по отсутствию следов на шее коровы и по тому, как было расчленено тело, он предположил, что на нее напал какой-то неизвестный зверь. День только начался, когда он мне об этом поведал, и уже через два часа мы были на месте происшествия. Корова, вполне взрослое животное, была убита на противопожарной просеке шириной в пятьдесят футов, и ее не пытались утащить оттуда. Когда мне рассказали обо всех обстоятельствах происшествия, я решил, что на животное напал гималайский медведь. Обычно медведи не едят мясо, но иногда они нападают на травоядных животных, а поскольку, в отличие от тигров и леопардов, медведи мало приспособлены для такой охоты, они убивают своих жертв очень грубо. Однако эту корову убил не медведь, а тигр, и сделал он это очень странным способом. Сначала он подрезал ей сухожилия, а затем распорол брюхо. Убив корову, тигр съел часть задней ноги, отрывая от нее мясо когтями. Проследить путь хищника по твердому грунту было невозможно, и остаток дня я провел, бродя по окрестным лесам и пытаясь поднять тигра с его лежки выстрелами. Перед закатом я вернулся к телу убитой коровы и просидел возле нее всю ночь на дереве. Тигр не пришел. Не возвращался он и к телам девяти других убитых им тем же способом животных — шести коров и трех молодых буйволов.

Этот метод убийства жесток с точки зрения человека, но не тигра. Он должен убивать, чтобы не умереть с голода, а способ охоты зависит от его физических возможностей. Раз тигр не мог убить жертву клыками и утащить добычу в лес, раз он вынужден был отрывать куски мяса когтями, а не зубами, значит, у него был какой-то физический дефект. Этот дефект, полагаю, был результатом неудачного выстрела из скорострельного ружья, при котором у тигра была отстрелена часть нижней челюсти. К этому заключению я пришел после осмотра первой жертвы. Моя уверенность в том, что хищник ранен и продолжает мучиться,

возросла, когда стало заметно, что тигр нападает на животных все реже, а отъедает от тела каждой новой жертвы все меньшие куски. По-видимому, его ранили возле убитого животного, поэтому-то он никогда и не возвращался к туше за второй порцией мяса. После десятого случая нападения прекратились, а поскольку ничего не было слышно о том, что где-то был застрелен или найден мертвым тигр, я склоняюсь к мысли, что тигр уполз в одну из множества окрестных пещер и там умер от своих ран.

Можно добавить, что это редкий, но не единственный случай, когда тигры потрошат своих жертв. У двух самых больших буйволов, павших на моей памяти от зубов тигров, были подрезаны сухожилия. Тигры сделали это когтями, а уже потом, завалив на землю, добили клыками и зубами.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Когда резинка на моей рогатке, подаренной Томом, истерлась, я смастерил самострел, стрелявший пульками. Разница между самострелами, один из которых стреляет пульками, а другой стрелами, состоит в том, что первый короче и жестче, и у него две тетивы, между которыми крепится маленькая матерчатая перепонка, удерживающая пульку. Чтобы стрелять из такого самострела, нужна сноровка: если чуть-чуть замешкаешься и не успеешь вовремя отвести пальцы, которыми держишь самострел во время прицеливания, то можно довольно серьезно поранить руку. Скорострельность самострела в два раза выше, чем у рогатки, зато точность выстрела меньше.

Казначейство Найни-Тала, которое охраняли солдаты регулярной гуркской[9] армии, было расположено как раз напротив нашего летнего дома. Гурки увлекались стрельбой из самострела и часто приглашали меня на территорию казначейства посостязаться. В середине двора был вбит невысокий деревянный столб с огромным круглым гонгом, в который отбивали часы. На верхушке столба ставилась спичечная коробка, и с расстояния в двадцать ярдов я и какой-нибудь солдат, принимавший участие в состязании, должны были

стрелять в нее по очереди. Начальник охраны, коренастый человек, сильный, как буйвол, слыл лучшим стрелком. Однако, к большому удовольствию зрителей, ему никогда не удавалось меня победить.

Вынужденный пользоваться самострелом, я хотя и достиг неплохих результатов в стрельбе из него, чтобы продолжить составление своей коллекции птиц, но никогда не увлекался стрельбой из самострела так же сильно, как когда-то стрельбой из рогатки. А прочитав захватывающие книги Фенимора Купера, вдобавок к своему самострелу я соорудил настоящий лук со стрелами. Если краснокожие Купера так превосходно стреляли из лука, то почему бы и мне было не научиться тому же? Правда, в той части Индии, где мы жили, луки были не в ходу и мне негде было взять образец. Но после нескольких попыток я все-таки смастерил лук на свой вкус и сделал две стрелы с наконечниками из заточенных гвоздей. После этого я почувствовал себя вполне готовым бросить вызов краснокожим.

Поражающей способности своих стрел я не переоценивал, так же как и их пригодности для самообороны. Поэтому в лесу я передвигался осторожно, ведь помимо кустарниковых кур и павлинов, которых я надеялся подстрелить, там водились и опасные для меня хищники. Чтобы подбираться к дичи незаметно, а в случае опасности без труда взбираться на дерево, я снимал обувь. В те годы обуви на резиновой подошве еще не было и приходилось выбирать между хождением босиком и грубыми кожаными ботинками, не пригодными ни для лазания по деревьям, ни для выслеживания дичи.

Два ручья, наполнявшиеся водой лишь после обильных дождей, сбегали с предгорий и почти сходились у края нашего участка. Дно в обоих руслах было песчаным, а между ними простирались джунгли, где было полно самой разнообразной дичи, в том числе пернатой, добыть которую я рассчитывал. Канал, в котором имели обыкновение купаться девочки, был как бы границей между нашей усадьбой и джунглями, и чтобы добраться до дичи, мне стоило только перейти через канал по стволу поваленного дерева.

Позднее, когда у меня появилась кинокамера, я провел не один день на дереве по нашу сторону канала, пытаясь заснять тигров, приходивших на водопой. В этом же лесу я убил своего последнего тигра, когда вернулся из армии по окончании войны с Гитлером. Тогда этот тигр за короткий промежуток времени задрал лошадь, теленка и двух буйволов, а поскольку отогнать зверя никак не удавалось, пришлось его застрелить. Сестрица Мэгги еще сомневалась, хватит ли моим рукам твердости,

поскольку меня одолевали все мыслимые виды малярии, подхваченные в различных районах страны. Но на самом деле для придания твердости руке мне нужно было всего только мысленно предать тигра суду и вынести ему приговор. После этого я свалил зверя с одного выстрела в глаз, смотревший на меня с расстояния нескольких футов. Конечно, это было убийством, но убийством оправданным. Я готов был позволить тигру остаться в густых зарослях, выбранных им для жилья в двухстах ярдах от деревни, готов был даже выплатить компенсацию за всех съеденных животных, но найти замену этим животным было очень трудно — ведь по всей стране из-за войны не хватало рабочего скота. Кроме того, как я уже говорил, тигр никак не поддавался моим попыткам отогнать его в другое место.

Мы с Магогом облазили весь участок джунглей между двумя руслами, и я знал, каких мест на нем стоило избегать. И все же ходить за мелкой дичью за канал, не будучи уверенным, что там нет тигров, было страшновато. Я удостоверялся в этом, обследуя левое русло. Тигры обычно заходили на клиновидный участок с западной стороны. Делали они это перед закатом и, как правило, возвращались в чащу до рассвета, за исключением тех случаев, когда ночью им удавалось убить жертву. Поэтому, внимательно изучив следы на песчаном русле, можно было понять, входил ли сегодня тигр в тот сектор леса, который я считал своим, и если да, ушел он или все еще там остается. Если случалось, что обратных следов не было, я принимал тягостное решение отступить и отправлялся в поисках птиц куда-нибудь еще.

Это русло было объектом моего нескончаемого интереса, потому что помимо тигров масса других зверей и пресмыкающихся, населявших простиравшиеся на много миль леса, так или иначе пересекали песчаное дно, оставляя на нем разнообразные автографы. Именно здесь, вооружившись рогаткой, потом самострелом и шомпольным ружьем, а позднее и современным карабином, я пополнял запас своих знаний о джунглях. Выходя до восхода солнца, бесшумно ступая босыми ногами, я заставал на русле то одно животное, то другое. И настал день, когда я вдруг понял, что по одним только следам уже могу точно определить всех зверей и пресмыкающихся, которые здесь побывали. Но это было лишь начало. Еще предстояло изучить их повадки, язык и роль, которую каждое животное играет в природной среде. Собирая крупицы этих знаний, я одновременно постигал язык птиц и шаг за шагом узнавал их функции в саду природы.

Прежде всего я разделил всех птиц, зверей и пресмыкающихся на группы.

Начав с птиц, я сгруппировал их в шесть групп:

а) птицы, украшающие сад природы, — личинкоед, иволга и нектарница;

б) птицы, наполняющие сад звуками, — дрозд, малиновка и шама;

в) птицы, обновляющие сад природы, птицы-опылители, — бородач, птица-носорог и бюльбюль;

г) птицы, предупреждающие об опасности, — дронго, кустарниковая курица и кустарница;

д) птицы, поддерживающие в природе баланс, — орлы, ястребы и совы;

е) птицы-санитары — грифы, коршуны и вороны.

Животных я разделил на пять групп:

а) животные — украшения природы — олени, антилопы и обезьяны;

б) животные-садовники, не дающие саду стареть, постоянно разрывая и проветривая почву, — медведи, свиньи и дикобразы;

в) животные-часовые, предупреждающие об опасности, — олени, обезьяны и белки;

г) животные, регулирующие баланс в природе — тигры, леопарды и волки;

д) животные-санитары — гиены, шакалы и свиньи.

Пресмыкающихся я разделил на две группы:

а) ядовитые змеи — кобра, крайт и гадюки;

б) неядовитые змеи — питон, ужи и полозы.

Построив такую систему, я стал добавлять к ней новых животных в зависимости от их функций, по мере того как узнавал их. Дальше нужно было научиться различать голоса обитателей джунглей, подражать им в пределах возможностей губ и горла человека. У всех птиц и животных есть собственный язык. И хотя, за малым исключением, один вид не владеет языком другого, все обитатели джунглей понимают друг друга. Три самых ярких исключения — это ракетохвостый дронго, красноспинный сорокопут и золотогрудый зеленый бюльбюль. Для любителя птиц ракетохвостый дронго просто бесконечно интересен, не только потому, что он — самая отважная птица джунглей, но и потому, что дронго может великолепно имитировать голоса большинства птиц, а также читала. Не говоря уже о том, что у этой птицы превосходное чувство юмора.

Пристроившись к стае кормящихся на земле птиц — кустарниковых кур, кустарниц или бюльбюлей, он занимает командный пост на сухой ветке. Оглашая оттуда своим пением и пением других птиц окрестные джунгли, он зорко следит за тем, не появится ли где-нибудь враг — ястреб, лесной кот, змея или

мальчишки с рогатками. Никогда не стоит пренебрегать его предупреждениями. Но дронго выполняет свои обязанности не бескорыстно: он ожидает, что взамен охраняемая им стая его накормит. Его зоркие глаза не упускают из виду ничего, и как только он замечает, что одна из птиц начинает особенно усердно разрывать землю и опавшую листву, подбираясь к жирной сороконожке или сочному скорпиону, то стрелой бросается вниз, крича, как ястреб или как оказавшаяся в ястребиных когтях птица именно того вида, который он хочет напугать. В девяти случаях из десяти ему удается таким образом отбить добычу у того, кто ее нашел, и, вернувшись на свой сук, дронго ее не спеша съедает, ни на миг не прерывая своих песен.

Нередко дронго сопровождает стада читалов, кормясь кузнечиками и другими летающими насекомыми, потревоженными оленями. Слыша, как читалы криком оповещают друг друга о появлении тигра или леопарда, птица запоминает этот сигнал и вскоре оказывается в состоянии довольно точно его воспроизводить.

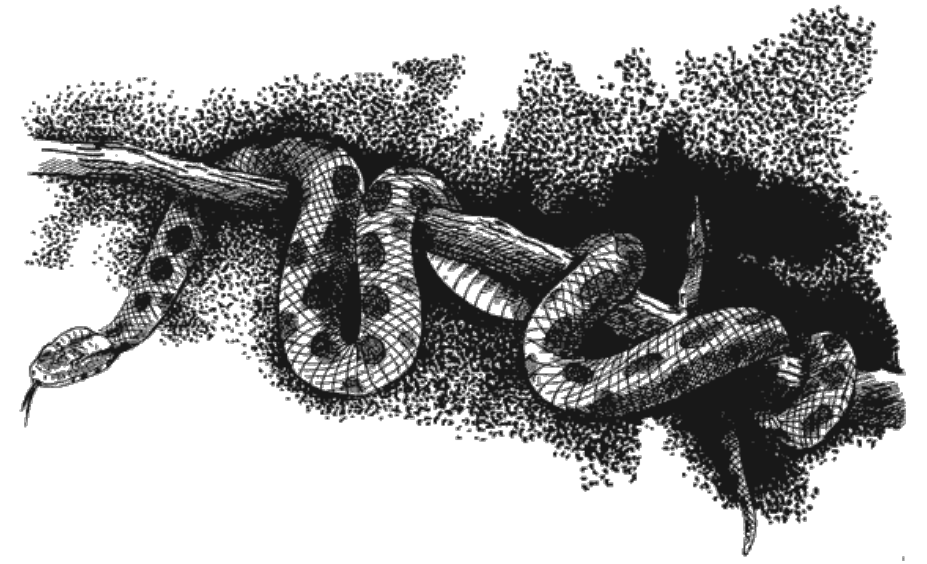
Как-то я был свидетелем удачной охоты леопарда на годовалого читала. Отогнав хищника от тела жертвы на несколько сотен ярдов, я вернулся к туше и привязал ее веревкой к стоявшему рядом кусту с предварительно обломанными ветками. Так как подходящего дерева поблизости не оказалось, то я уселся на землю под другим кустом, защитив им спину, и, положив камеру на колени, стал ждать. Тут появился дронго вместе со стаей белошеих смеющихся дроздов. Увидев убитого оленя, дронго подлетел поближе, чтобы лучше рассмотреть его, и тогда заметил меня. В убитом животном для дронго не было ничего непривычного, но мое присутствие озадачивало. Но, убедившись, что я неопасен, дронго вернулся к щебетавшим на земле дроздам. Птицы копошились слева от меня, и я ожидал, что леопард появится справа, как вдруг неожиданно дронго издал крик испуганного читала, услышав который дрозды (а их было около полусотни) поднялись на крыло и с криками исчезли в ветвях дерева, откуда стали подавать сигналы тревоги. Наблюдая за дронго, я мог составить полное представление о том, что делал леопард, которого сам видеть не мог. Между тем зверя раздражали крики птиц и он медленно стал обходить их по кругу, пока не оказался у меня за спиной. Куст, за которым я сидел, был почти без листьев, и леопард, заметив меня, издал грозное рычание и ретировался в джунгли, преследуемый по пятам неутомимым дронго. Птица просто упивалась собой, и каждый ее новый крик, имитирующий сигнал тревоги читала, наполнял меня восхищением и завистью. Конечно, я еще мог бы

соперничать с дронго, если бы речь шла о том, чтобы крикнуть оленем один раз. Но я не мог бы сравниться с ним в том, как он легко и совершенно передавал разницу в оттенках голосов старых и молодых оленей.

Устраиваясь на земле, я рассчитывал, что леопард увидит меня, когда вернется к добыче, и хотел заснять его в тот момент, когда он будет пытаться унести оленя в лес. Отделавшись от дронго, леопард действительно вернулся, и я отснял около пятидесяти футов пленки — с расстояния двадцати ярдов, пока он возился с веревкой, удерживавшей тушу у куста, свирепым рычанием выказывая свое крайнее неудовольствие моим присутствием и стрекотанием камеры.

Не знаю, можно ли научить дронго человеческой речи, но обучиться высвистывать определенные мелодии он способен. Несколько лет назад англоиндиец, начальник станции Манкапур на Бенгальской Северо-Западной железной дороге, ставшей теперь частью линии Удх — Тирхут, пополнял свои доходы, обучая дронго и шама высвистывать мелодии. Поезда останавливались на этой станции на завтрак и ленч, и люди, перебегающие рельсы в направлении хижины начальника станции, стали привычной картиной. Послушав пение его птиц, назад они возвращались с клетками, в которых сидели больше всего понравившиеся им экземпляры. За каждую птицу в витиевато разукрашенной клетке этот предприимчивый человек просил по тридцать рупий.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ



Сказав, что книга природы не имеет ни начала, ни конца, я ни в малой мере не подразумевал, что сам я овладел всей наукой джунглей и что моя книга — это мнение эксперта. Но, проведя значительную часть жизни в окружении природы и сделав изучение джунглей своим хобби, я сумел накопить кое-какие знания и теперь без утайки хочу поделиться ими. Я не думаю, что всякий, кто прочтет эту книгу, полностью согласится с моими выводами и заключениями. Но это не повод для споров, ибо нет людей, которые одинаково смотрели бы на вещи. Взять, к примеру, троих людей, рассматривающих розу. Один видит только цвет, другой — лишь форму, в то время как третий подметит и цвет и форму цветка. Каждый видит то, что хочет увидеть, и каждый будет прав. Когда нынешний премьер-министр Объединенных провинций Индии и я расходились во взглядах на предмет обсуждения, он говорил: «Пусть каждый остается на своих позициях, но останемся друзьями». Так что, если кто-либо из читателей не согласен со мной по какому-то вопросу, давайте последуем совету премьер-министра и останемся друзьями.

Сначала мне было трудно различать следы разных животных, отпечатки которых на дне канала были более или менее одинаковыми. Например, следы молодого замбара и молодого нильгау очень напоминают следы большого кабана. Но, понаблюдав за этими животными, когда они пересекают русло, и рассмотрев их следы повнимательнее, я вскоре научился с

первого взгляда отличать кабаньи следы от следов других копытных обитателей джунглей. Кабан, так же как и все олени, имеет рудиментарные задние пальцы. Но у свиней эти пальцы длиннее, чем у оленей, и, за исключением тех случаев, когда кабан передвигается по твердой почве, они оставляют ясные отпечатки. У оленей же отпечатки бывают различимы, только если животное проваливается в рыхлую почву. Опять же неопытному человеку трудно заметить разницу между следами тигренка и леопарда, оставленными на одинаковой почве. Разницу можно определить только по отпечаткам пальцев: у тигра пальцы длиннее и толще, чем у молодых леопардов, хотя по размерам их следы одинаковы.

Следы гиены и дикой собаки часто путают со следами леопарда. Если возникают сомнения, то при идентификации животного, оставившего следы, можно придерживаться двух основных правил:

а) у всех животных, преследующих (загоняющих) добычу, пальцы больше, чем подушечка, а у животных, которые подстерегают дичь, наоборот, они меньше;

б) отпечатки когтей видны на следах животных, загоняющих свою добычу, на следах же зверей, подстерегающих ее, за исключением тех случаев, когда они напуганы или совершают большой прыжок, отпечатки пальцев не видны.

Если посмотреть на следы домашней собаки и кошки, то станет понятно, что я имею в виду, говоря о больших пальцах и маленьких подушечках на следах у первой и маленьких пальцах при больших подушечках у второй.

Если вы живете в местности, где много змей, может возникнуть необходимость определить по отпечатку, в каком направлении проползла змея и была ли она ядовитой. По следу можно определить и толщину змеи. Обычно ответы на все эти вопросы я ищу в таком порядке.

А. Направление. Представьте себе густо растущую люцерну высотой в шесть дюймов. Если вы покатите по полю ролик, то увидите, что растения полегли в том направлении, куда вы его катите. Значит, по следу ролика можно понять, в какую сторону его катили. Если природа не наградила вас хорошим зрением, возьмите бинокль и внимательно рассмотрите почву на песчаном или пыльном участке. Вы заметите, что некоторые песчинки или пылинки располагаются выше других. Назовем эти вертикально расположенные частички «столбиками». Когда змея ползет через песок или пыль, она прижимает эти «столбики» в том направлении, в котором она движется, точно так же, как ролик,

катящийся по люцерне. «Столбики» есть на любой поверхности, состоящей из песка, пыли, пепла и т. п. Помня об этом, по отпечатку змеиного следа вы всегда можете понять, куда уползла змея.

Б. Ядовитая или неядовитая. Заметьте, что, как я уже говорил, определить по следу, ядовитая змея его оставила или нет, можно лишь более или менее точно. Здесь есть простое и верное правило, как и в случае с определением направления движения. И хотя сам я видел следы отнюдь не большинства из трехсот видов змей, обитающих в Индии, но знаю лишь два исключения из него. Первое исключение — это гамадриада,[10] или королевская кобра, — из числа ядовитых, и питон — из неядовитых змей.

Ядовитые змеи, за исключением упомянутой, залегают и поджидают, пока жертва приблизится к ним, или же сами незаметно подкрадываются к ней. Им ни к чему высокая скорость, и они ползают сравнительно медленно. А двигаться медленно змея может, только сильно извиваясь. Взять, например, гадюку Руссела, или же крайта — самую ядовитую змею в Индии. Когда какая-либо из них движется по поверхности, скажем по песку или пыли, то видно, что она совершает серию коротких изгибов, это же видно и на оставленном ею следе. Значит, если вам попадется след, оставленный сильно изгибающимся телом, то можно с уверенностью предположить, что он оставлен ядовитой змеей. Гамадриады живут почти исключительно за счет других змей, а поскольку многие из их возможных жертв передвигаются довольно быстро, то и королевские кобры развили в себе способность двигаться почти со скоростью лошади. Правда, сам я этого засвидетельствовать не могу, так как мне не приходилось преследовать или удирать на лошади от этой змеи, достигающей в длину семнадцати футов. Однако мне несколько раз доводилось добывать гамадриад до четырнадцати футов, и я могу подтвердить, что двигались они очень быстро, и именно развиваемая ими скорость, полагаю, и позволяет им преследовать других быстро ползающих змей.

Неядовитые змеи, опять-таки за исключением упомянутой, миниатюрны, активны и быстроходны. Некоторые из них, такие, как дхамин (полоз) или черная змея, могут мчаться с невероятной скоростью. Такая стремительность нужна им, чтобы добывать пищу и спасаться от многочисленных врагов. А если змея мчится с такой скоростью, то она оставляет после себя практически прямой след, а там, где на земле встречаются неровности, живот змеи касается лишь возвышений, но не впадин. Так что, увидев сравнительно прямой змеиный след, можете считать, что он

принадлежит неядовитой змее. Единственная ядовитая змея, которую можно принять по следу за неядовитую, это королевская кобра. Но шансы так ошибиться у вас невелики, потому что это редкий вид и к тому же распространенный в строго ограниченных районах.

В. Толщина змеи. Чтобы ее определить, нужно измерить ширину следа в нескольких местах, найти среднее и умножить на четыре. Эта операция даст вам лишь приблизительную оценку, так как ширина следа зависит от поверхности, на которой он оставлен. Например, на тонком слое пыли след будет уже, чем на толстом.

* * *

В Индии ежегодно от укусов змей погибает двадцать тысяч человек. Из них, я уверен, лишь половина — от змеиного яда, а остальные, укушенные неядовитыми змеями, — от шока, страха или того и другого вместе. Хотя индийцы живут рядом со змеями тысячи лет, они удивительно мало о них знают, и почти всех змей, за редким исключением, считают ядовитыми. Шок от укуса крупной змеи действительно значителен, а если вдобавок укушенный, будучи уверенным, что его укусила ядовитая змея, начинает метаться, считайте, что он обречен. Неудивительно, что многие погибают от укусов неядовитых, во всяком случае мне так кажется, змей.

В большинстве индийских деревень есть люди, наделенные способностями врачевать укушенных змеями. А поскольку всего десять процентов индийских змей ядовиты, у целителей этих прекрасная репутация. Они оказывают свои услуги бесплатно, это своего рода благотворительность для бедных. Конечно, их чары и манипуляции не спасают человека, если он действительно получил смертельную долю яда, но своим мужеством и уверенностью эти врачеватели спасают жизни тысячам пострадавших от укусов неядовитых змей.

Большинство индийских больниц приспособлено для лечения укушенных змеями. Но бедные люди могут добраться до больницы только своим ходом или на плечах своих близких. Часто они попадают в руки врачей слишком поздно, когда средства медицины уже бессильны. Во всех больницах помещены изображения ядовитых змей. Однако они практически бесполезны, кроме тех случаев, когда речь идет о выплате вознаграждения за уничтожение ядовитой змеи. Ведь чаще всего змеи кусают людей во время ходьбы ночью, когда в темноте

невозможно разобрать, какая змея тебя укусила. Кроме того, распространено суеверие, что если укушенный змеей ее убьет, то она все равно убьет его. Поэтому почти никогда люди не приносят с собой в больницу укусившую их змею и определить ее вид врачи не могут.

Мой метод, когда я сомневаюсь, состоит в том, чтобы непременно убить змею и заглянуть ей в пасть. Если в ней два ряда зубов, то змея принадлежит к неядовитым. Но если в верхней челюсти два подвижных, как у гадюк, или неподвижных, как у кобр, клыка, то ясно, что змея ядовита. Укус первых оставляет на теле отпечаток двух рядов зубов, укус вторых — две отметины, хотя иногда заметен бывает только один укол. Так случается, если угол броска змеи не совпал с углом наклона поверхности кусаемого места или это место — палец руки или ноги — слишком мало, чтобы могли отпечататься оба зуба.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Научиться узнавать крики народа джунглей было не трудно; не составляло также большого труда подражать голосам некоторых птиц и зверей, поскольку я обладал хорошим слухом, молодыми губами и гибкими голосовыми связками. Но мало различать птиц и зверей по голосам и уметь им подражать. Ведь, за исключением певчих птиц, которые только для того-то и служат, чтобы наполнять звуками сад природы, птицы и звери не подают голоса без причины, а в зависимости от ситуации меняется и крик.

Как-то, сидя на дереве, я наблюдал за стадом читалов, пасущихся на открытой полянке. В стаде было пятнадцать самцов и самок и пять оленят примерно одного возраста. Один из малышей, дремавших на солнышке, поднялся на ноги, встряхнулся и, высоко вскидывая копытца, понесся по полянке в сторону поваленного дерева. Это было сигналом для остального молодняка к игре «догони меня». Один за другим все пятеро перескочили через дерево и, сделав галопом круг по поляне, вернулись обратно. После второго круга тот, что бежал впереди, углубился в джунгли, а за ним и остальные. Одна из самок, до этого лежавшая на земле, поднялась посмотреть, куда помчался молодняк, и издала резкий отрывистый лай. Беспечные юнцы по этому звуку примчались обратно на лужайку, на взрослых животных он не произвел ни малейшего впечатления: одни продолжали спокойно лежать на земле, другие мирно пощипывали низкорослую траву. Недалеко от полянки проходила тропинка, используемая дровосеками, и вскоре на ней появился человек с топором на плече. Сидя высоко на дереве, я заметил мужчину издалека, потому что он шел по сравнительно

открытому месту. Когда дровосек оказался на расстоянии ста ярдов от поляны, одна из самок увидела его и издала отрывистый лай, по которому все стадо немедленно ринулось в густые заросли.

Лай обеспокоенной матери, зовущей своих малышей, и другой, которым стадо было предупреждено о приближении человека, моему нетренированному уху показались совершенно одинаковыми. И лишь со временем, когда пришел опыт, я научился понимать разницу между голосами животных и птиц, когда они попадают в разные ситуации. Разница эта заключается, собственно, не в самом крике, а в его оттенках.

Собака лает, и всякому ясно, что она или приветствует хозяина, или предвкушает предстоящую гонку, или она в ярости при виде забравшегося на дерево кота, или она видит чужого, или просто лает оттого, что ее посадили на цепь. Во всех этих случаях именно интонация лая позволяет определить его причину.

Когда я научился различать всех обитателей джунглей по голосам, понимать причины их криков и даже подражать им так, что смог приманивать некоторых птиц и животных, джунгли стали для меня еще интереснее. Теперь мне был доступен не только мир образов, но и мир звуков джунглей. Но еще было нужно научиться точно определять источник звука. Животные, день и ночь живущие в страхе, умеют определять источник звука изумительно точно; и человека страх может научить тому же. Совсем не трудно установить источник многократно повторяющихся звуков, например лай лангура (тонкотела) на леопарда, или кашель читала при подозрительном шорохе, или крик павлина при виде тигра. Эти сигналы не означают, что нужно немедленно убегать, они носят лишь предостерегающий характер. А вот одиночные сигналы, такие, как хруст веточки, приглушенное рычание либо одиночный, предупреждающий крик птицы или зверя, которые к тому же непонятно, откуда исходят, явно свидетельствуют о том, что опасность рядом, и служат сигналом к немедленному бегству. Страх научил меня ориентироваться по звукам так, что я мог точно установить направление, откуда он донесся, и расстояние до его источника, я мог проследить за передвижением невидимых глазу тигров или леопардов, не важно при этом, где я находился — прямо в джунглях и днем или в своей постели и ночью — ведь дом наш был расположен таким образом, что все лесные звуки были в нем слышны.

За то, что я приносил Стефену Дизу птиц, он подарил мне ружье, о чем я уже рассказывал. Это была шомпольная двустволка. Наверное, в годы своей молодости она была

неплохим оружием, но теперь эффективность ее наполовину уменьшилась, поскольку из-за передозировки пороха правый ствол дал трещину. Взрыв повредил также и ружейную ложу, и когда Стефен вручал мне это видавшее виды оружие, ствол и приклад только чудом держались вместе, связанные медной проволокой. Однако Кунвар Сингх — мой друг-браконьер — успокоил меня, сказав, что левый ствол еще крепок и способен сослужить добрую службу; он оказался прав, и рацион нашей большой семьи в течение двух зим пополнялся кустарниковыми курами и павлинами; а однажды, подкравшись почти вплотную к читалу, я умудрился свалить его пулей четвертого калибра.

Правда, из этого ружья я ни разу и не пытался бить птицу влет и мне не стыдно в этом признаться. Достать патроны и порох было нелегко, поэтому, чтобы не тратить даром скудные боеприпасы, я должен был точно рассчитывать каждый выстрел. Если за утро или вечер я расходовал две-три пули, то и приносил домой две-три птицы, и такая охота доставляла мне больше удовольствия, чем все остальное.

Однажды вечером я возвращался с поросших лесом предгорий, расположенных между двумя высохшими руслами. Уже несколько недель стояла очень сухая погода, затруднявшая охоту. Когда я повернул домой, солнце клонилось к закату. Помимо пороха и пуль в моей охотничьей сумке лежали кустарниковая курица и серебряный фазан. Выходя из глубокого ущелья, в котором подстрелил фазана, я увидел, что над горным отрогом на западе показалась иссиня-черная туча. Если такая грозная туча появляется после нескольких дней суши и зноя, при полном безветрии, когда ни лист, ни былинка не колыхались, это предвещает ливень с градом. В предгорьях этой напасти боится и зверь и человек: всего за несколько минут возделанные поля — будь то в четверть мили шириной или тянущиеся на десять миль — могут превратиться в пустыню, а дети и домашние животные — погибнуть, окажись они на открытом месте. Мне не приходилось видеть диких животных, убитых градом, но я видел джунгли, усыпанные погибшими птицами, среди которых были даже стервятники и павлины.

Мне нужно было пройти три мили, но, выбрав прямое направление к дому и срезая углы и изгибы звериных троп, я мог сократить расстояние на полмили. Теперь иссиня-черная туча надвигалась прямо на меня, а в ее разрывах постоянно сверкали молнии. Птицы и животные замолкли, и единственный звук, который я слышал, входя под кроны мощных деревьев, был отдаленный раскат грома. Под густым пологом из листьев было почти темно, и пока я бежал вприпрыжку, не забывая про

осторожность и поглядывая себе под ноги, поскольку был бос, поднялся сильный порывистый ветер, всегда предшествующий грозе. Я уже наполовину пересек участок густого леса, когда ветер закачал деревья, поднял сухие, как трут, опавшие листья и закружил их по земле, к этому добавился шум внезапно низвергшихся сверху потоков воды, и тут раздался пронзительный крик — без сомнения, это был «банши», о котором рассказывал Дансай. Начавшись на минорной ноте, крик превратился в ужасающий визг и затем, перейдя в приглушенные рыдания, замер. Некоторые звуки приводят в оцепенение, другие, напротив, побуждают действовать: крик, источник которого был где-то позади на деревьях, подстегнул меня к бегству. Несколькими неделями раньше — в компании с Магогом — я бежал от тигра так, как, казалось, никогда больше не смогу, но тогда я не знал, что страх перед неизвестным способен приделать крылья к ногам. К моей чести, следует заметить, что я не бросил свое ружье и тяжелую охотничью сумку, а, не обращая внимания на сбитые ноги и колючки, бежал, пока не добрался до дома. Над головой грохотали раскаты грома, но я успел заскочить на веранду до того, как на землю упала первая градина. В общем переполохе, вызванном надвигающейся бурей, когда все запирали двери и окна и принимали другие меры предосторожности, на мое возбужденное состояние никто не обратил внимания.

Дансай говорил, что на услышавших крик банши и его родственников обрушиваются напасти. Боясь, что меня могут посчитать виновником любого несчастья, которое выпадет семье, я ни словом не обмолвился о происшедшем. Любая опасность привлекает — это правило справедливо для всех, включая маленьких мальчиков, и, хотя в течение многих дней я избегал место, где услышал банши, все-таки настал день, когда я вновь пришел туда. Ветер дул так же, как и в тот вечер, и после того, как я простоял несколько минут у дерева, прислонившись к нему спиной, вновь послышался этот крик. С трудом поборов в себе желание убежать прочь, трепеща от страха, я остался стоять за деревом, и лишь после того, как крик повторился несколько раз, решился выглянуть и взглянуть на банши. Раз не произошло ничего страшного после того, как я услышал ее крик, то я подумал, что если она случайно и заметит меня, то, увидев всего лишь маленького мальчика, не станет убивать. Поэтому — а сердце мое было готово выскочить из груди — медленно и бесшумно, как тень, я стал красться вперед, пока не увидел банши Дансая.

Довольно давно, во время сильной бури, дерево-исполин было выворочено из земли, но не упало, а зацепилось за исполина

поменьше, навсегда согнувшегося под его тяжестью. Когда налетал сильный ветер, он раскачивал оба дерева, в точке соприкосновения кора на обоих стволах давно истерлась и отполированная до блеска древесина при трении издавала те ужасающие звуки, которые так походили на крики. Но я только тогда поверил, что разгадал причину своих страхов, когда, положив ружье на землю, вскарабкался на склоненное дерево и, сидя там, убедился, что теперь жуткий скрежет раздается прямо из-под моих ног. С этого дня мое страстное желание докапываться до сути всего необычного, что я слышал или видел в джунглях, только закрепилось. Я признателен Дансаю за его историю про банши, ведь именно страх перед духом пробудил во мне желание разгадать эту тайну, ставшую началом целого собрания захватывающих, увлекательных, почти детективных историй, происходящих в джунглях.

Детективные истории, основанные на вымысле, обычно начинаются с описания каких-то ужасных преступлений или попыток совершить злодеяние, и заинтригованный читатель, забывший обо всем на свете во время чтения, переходит от одной захватывающей сцены к другой, пока наконец преступление не раскрыто, а преступник не наказан за свое злодеяние. В джунглях детективные истории никогда не начинаются подобным образом и не всегда заканчиваются наказанием преступника. Я выбрал наугад две из таких историй, из тех, что сохранились в библиотеке моей памяти.

1

Я расположился в бунгало лесного департамента в десяти милях от Каладхунги. Однажды, выйдя из него ранним утром, я надеялся подстрелить на обед кустарниковую курицу или павлина. Слева от дороги, по которой я шел, находился невысокий холм, поросший густым лесом, в котором водилась самая разнообразная дичь, а справа расстилались возделанные поля, отделенные от дороги узкой полосой кустарника. Когда крестьяне начинают поутру работать на полях, птицы, кормившиеся на посевах, взлетают и кружатся над дорогой, представляя собой прекрасную мишень. В то утро мне не сопутствовала удача, потому что птицы, перелетавшие через дорогу, были вне пределов досягаемости моего слабенького гладкоствольного ружья, и я дошел до конца полей, не сделав ни единого выстрела.

Отслеживая пролетающих птиц, я в то же время внимательно

следил за дорогой, и в ста ярдах от того места, где еще была возможность подстрелить птицу, обратил внимание на следы крупного самца леопарда, спустившегося с холма слева от дороги. На протяжении нескольких ярдов леопард шел по левой стороне дороги, затем пересек ее и залег около куста. Отсюда он продвинулся вперед еще на двадцать ярдов и снова притаился в кустарнике. Поведение леопарда показывало, что его что-то заинтересовало, и это что-то, очевидно, находилось не на дороге, иначе он шел бы не по ней, а через кустарник. Подойдя к тому месту, где леопард первый раз лег, я присел, чтобы понять, что же такое было видно с того места, где лежал зверь. Там, где заканчивались поля с узкой ограничительной полосой кустарника, было открытое место, траву на котором хорошо пощипал крестьянский скот. Этот участок земли был отлично виден леопарду с его первого наблюдательного пункта, и затем я убедился, что и со второго было видно то же самое место. Теперь уже было очевидно: то, что его так заинтересовало, находилось на этом открытом участке.

Прячась за кустарником, леопард прошел еще пятьдесят ярдов до того места, где кусты заканчивались и где у края дороги начиналась небольшая низинка, пересекавшая открытый участок поверхности. Там, где кустов уже не было, леопард полежал некоторое время, переходя несколько раз с места на место, и наконец, спустившись в низинку, прошел по ней, часто останавливаясь и припадая к земле. Следующие тридцать ярдов он шел по песку и пыли, которые смыло в низину с дороги. Затем начиналась короткая трава. По частичкам песка и пыли, оставшимся на траве там, где ступал леопард, было разумно предположить, что хищник проходил здесь уже после того, как выпала вечерняя роса, а произошло это около семи часов вечера. Травяной покров в низинке тянулся всего несколько ярдов, сыпучий же песок и пыль не сохранили никаких следов, так что становилось ясно, что леопард покинул низинку сразу. Проследить дальнейший путь зверя было невозможно, но по тому, где он вышел из низины, можно было судить, что леопард направился в сторону нескольких травяных островков высотой в один-два фута. Подойдя к этим островкам, примерно в десяти футах от них я увидел глубокие вмятины, оставленные копытами замбара. Отсюда на протяжении тридцати ярдов, через равные отрезки, виднелись четкие отпечатки всех четырех его копыт, что могло произойти, если бы замбар изо всех сил старался сбросить кого-то со своей спины. Потом он повернул налево и помчался к одиноко растущему дереву на дальнем конце низины. На коре этого дерева на высоте около четырех футов я обнаружил шерсть

замбара и небольшое пятно крови.

Теперь я был уверен, что леопард из своего наблюдательного пункта на холме увидел замбара, пасущегося на открытом месте. Незаметно подкравшись, он залег среди густой травы и запрыгнул на спину оленя из своего укрытия. Теперь, оседлав жертву, он мог загнать ее в укромное место, прикончить там и припрятать тушу. Убить замбара на месте нападения не представляло особого труда для леопарда, но оттащить взрослого замбара (а что это было взрослое животное, я понял по отпечаткам копыт) в укрытие было нелегко. Если бы леопард стал дожидаться рассвета, он мог лишиться возможности пользоваться добычей, поэтому благоразумно решил оседлать замбара. Не сумев стряхнуть леопарда у первого дерева, самка замбара еще трижды пыталась сбросить со спины незваного наездника, и только после этого бросилась прочь из леса и помчалась к густым зарослям, отстоящим на двести ярдов, очевидно надеясь, что в кустах ей удастся то, что не удалось среди деревьев — избавиться от хищника. Едва она пробежала двадцать ярдов в глубь кустарника и оказалась хорошо скрытой от любопытных глаз человека и стервятников, как леопард впился клыками в глотку старой самки. Крепко держа жертву когтями и зубами, он свалил ее на землю, отряхнулся от пыли, в которой при этом вывалялся, затем добил и принялся за трапезу. Когда я приблизился, леопард лежал возле своей добычи. Увидев меня, он поднялся и отошел, хотя ему нечего было меня бояться, поскольку я охотился на птиц и был вооружен лишь ружьем двадцать восьмого калибра с патронами восьмого калибра.

Я знаю много случаев, когда леопарды ездили на животных, которых собирались убить. Это были замбары, читалы, а однажды даже лошадь; но я знаю лишь один случай, когда то же самое проделал тигр.

В тот раз я остановился неподалеку от Манголиа-Кхатта — скотоводческой фермы в двадцати милях от Каладхунги. Как-то утром во время позднего завтрака я услышал отдаленный звон колокольчиков на шее у буйволов. Еще раньше, тем же утром, возвращаясь в лагерь после съемок фильма о леопарде, я проходил через стадо буйволов численностью около ста пятидесяти голов, которые разбрелись по широкому полю, поросшему травой тараи. Поле пересекал полувысохший ручеек с едва сочившейся водой. На дне ручья я увидел свежие следы тигра и тигрицы. По неистовому звону колокольчиков было ясно, что стадо буйволов в панике несется к ферме, и, вливаясь в этот перезвон, слышался колокольчик отставшего животного. Люди на ферме (их было человек десять) сейчас же подняли тревогу,

начали кричать и стучать бидонами. Звон одинокого колокольчика смолк, а охваченное паникой стадо продолжало мчаться до тех пор, пока не достигло фермы.

Вскоре после того, как шум прекратился, я услышал два выстрела. Подойдя к ферме, чтобы разобраться, в чем дело, я увидел молодого европейца с ружьем в руках и индийцев, окруживших распростертого на земле буйвола. Европеец объяснил мне, что он служит в компании по производству пищевых продуктов в Изатнагаре и что он разговаривал с людьми на ферме, когда послышался отдаленный звон колокольчиков. По мере того как звук приближался, они услышали также сердитый рев тигра. Поскольку я был дальше, рев тигра до меня не долетал. Испугавшись, что тигр ворвется на ферму, они стали стрелять и греметь жестяными бидонами. Когда стадо приблизилось, оказалось, что один из буйволов истекал кровью и, по словам людей с фермы, ему ничем нельзя было помочь. Европеец попросил разрешения застрелить животное, чтобы прекратить его мучения, и, получив согласие, убил буйвола двумя выстрелами в голову.

Застреленный буйвол был еще молодым и в отличном состоянии, и скотоводы, вероятно, были правы, когда говорили мне, что он был одним из лучших в стаде. Я никогда не видел жертву нападения тигра в таком прекрасном состоянии, поэтому тщательно осмотрел тушу.

Ни на шее, ни на глотке буйвола не было ни единой отметины зубов или когтей, но на спине тигриные когти оставили не менее полусотни глубоких ран. Некоторые из них были оставлены тигром, когда его голова была обращена вперед, к голове буйвола, другие, напротив, когда он повернулся к хвосту. В то время, когда тигр «ехал» на обезумевшем животном, он вырвал и съел около пяти фунтов мяса из холки и от десяти до пятнадцати фунтов из задней части туши.

Вернувшись в лагерь, я вооружился тяжелой винтовкой, направился по следам буйволов и обнаружил, что их паническое бегство началось у дальнего края ручья, в котором я видел тигриные следы. Но трава здесь, к сожалению, была высотой по плечо, поэтому я не мог воссоздать происходившее или найти ключ к разгадке, как тигр оказался на спине буйвола, которого он, видимо, не собирался убивать, о чем свидетельствует отсутствие следов от когтей на шее и глотке животного. Досадно, конечно, что я не сумел восстановить картину событий, и что еще обидней — это был единственный случай, когда тигр «ехал» на животном, да еще и жрал в это время несчастную жертву.

Следы у ручья рассказали, что оба тигра были уже взрослыми

хищниками, да и не было случая, чтобы молодой и неопытный тигр попытался сделать подобное; кроме того, молодой тигр не отважился бы приблизиться к стаду буйволов в десять часов утра или, коли на то пошло, в любое другое время.

2

Ивлин Джилл, сын моего старого приятеля Гарри Джилла, был одним из наиболее страстных коллекционеров бабочек, которых я знавал. Как-то он заезжал в Найни-Тал, и в разговоре я обмолвился, что видел на Повальгарской дороге бабочку с переливающимися ярко-красными пятнами на верхних крылышках. Ивлин сказал, что он никогда не встречал таких бабочек, и умолял меня добыть ему одну.

Несколькими месяцами позже я стоял лагерем в Сандни-Гага, в трех милях от Повальгара. Я пытался снять фильм о поединках читалов-самцов, — в то время как раз был период, когда на равнине Сандни-Гага можно было одновременно наблюдать несколько подобных схваток. Однажды утром, рано позавтракав, я решил попробовать отыскать экземпляр обещанной Ивлину бабочки и отправился в путь, захватив с собой сачок для ловли. В сотне ярдов от моей палатки проходила лесная дорога, связывавшая Каладхунги с Повальгаром. В протянувшейся на милю вдоль дороги лощине была лужа, куда приходили валяться замбары. Здесь-то я и надеялся поймать бабочку.

Этой лесной дорогой редко пользовались люди, а в обступившем ее лесу водилось много дичи. Было очень интересно идти по ней ранним утром, поскольку на плотной глинистой поверхности, покрытой тонким слоем пыли, отпечатывались следы всех животных, проходивших по дороге или пересекавших ее ночью. Опытный глаз неосознанно отметит мельчайшие детали следов на дороге или на звериной тропе, и вовсе не нужно всякий раз останавливаться у каждого отпечатка, чтобы определить вид животного (или животных), его размер и направление движения. К примеру, дикобраз, выскочивший на дорогу неподалеку от того места, где я сам на нее вышел, определенно испугался чего-то в джунглях справа от дороги и, развернувшись, стремительно кинулся назад. Причина его испуга становится ясна уже через несколько ярдов — дорогу справа налево пересек медведь. Войдя в джунгли по левую сторону дороги, медведь нарушил покой свиньи и небольшого стада читалов, поэтому они, в свою очередь, бросились через дорогу. Немного дальше самец замбара вышел из джунглей с правой стороны и пятьдесят ярдов шел по дороге,

объедая кустарник, почесал рога о молодое деревце и затем ушел в джунгли. Неподалеку от этого места четырехрогая антилопа с малышом-одногодком вышла на дорогу. Детеныш, чьи отпечатки копытцев были не больше, чем ногти ребенка, скакал по дороге до тех пор, пока мамаша чего-то не испугалась. После этого, промчавшись вместе по дороге еще несколько ярдов, они скрылись в джунглях. В этом месте дорога изгибалась, и на повороте остались следы гиены, которая вышла, потопталась на месте, а затем вернулась туда, откуда пришла.

Читая знаки на дороге и слушая птиц (а Сандни-Гага не только самое прекрасное место на сотни миль вокруг, но вдобавок славится еще и разнообразием обитающих здесь птиц), я прошел полмили, пока не дошел до того места, где дорога была высечена прямо в скале. Здесь поверхность была слишком твердой, чтобы на ней могли остаться следы. Я прошел еще немного, как вдруг мое внимание привлекла странная отметина на дороге. Это была небольшая борозда в три дюйма длиной и глубиной, в том месте, где она начиналась, в два дюйма. Располагалась она под прямым углом к дороге. Борозда могла быть оставлена посохом с железным наконечником, но за последние двадцать четыре часа никто из людей не проходил здесь, а отметина была сделана не более чем двенадцать часов назад. И опять же, если бы это сделал человек, борозда прошла бы параллельно, а не под прямым углом к дороге, имевшей в этом месте четырнадцать футов ширины. Высота откоса справа была около десяти футов, но зато с левой стороны значительно меньшей. По земле, выброшенной из борозды, можно было предположить, что тот, кто это сделал, шел справа налево.

Убедившись, что эту борозду оставил не человек, я пришел к заключению, что этот след мог оставить только острый кончик рога читала или молодого замбара. Предположить, что олень спрыгнул с крутого откоса и неудачно приземлился, было бы нелогично, потому что, хотя земля и была изрыта копытами животных, отходивших от звериной тропы, все же поблизости от этой борозды не было оленьих следов. Окончательный вывод, сделанный мной — по борозде как единственному ключу к этой тайне, — заключался в том, что след был оставлен рогом мертвого оленя, и случилось это, когда тигр спрыгнул с откоса с оленем в пасти. В том, что на дороге не осталось никаких следов, не было ничего необычного, потому что и тигры и леопарды всегда, пересекая дорогу с жертвой в пасти, стараются нести ее повыше, чтобы не прикасаться к земле, и я думаю, это делается для того, чтобы не оставался запах, по которому их могут выследить медведи, гиены и шакалы.

Чтобы проверить правильность своих умозаключений, я пересек дорогу и посмотрел вниз по склону горы. Не было видно никаких следов, но в кустарнике в двадцати футах ниже по склону, на высоте около четырех футов я увидел что-то, блестевшее на листве в лучах утреннего солнца; спустившись вниз, чтобы понять, что это такое, я увидел большую каплю крови, даже еще не совсем засохшую. С этого места было легко проследить, что было дальше, и в пятидесяти ярдах ниже под прикрытием небольшого дерева, среди густого кустарника, я обнаружил жертву — читала-самца с такими рогами, что многие охотники захотели бы иметь подобный трофей. Тигр не мог рисковать своей добычей, от которой он уже отъел всю заднюю часть, — ведь ее могли обнаружить птицы или звери, поэтому он наскреб сухих листьев и веточек, собрав их с довольно большого участка, и засыпал ими свою жертву. Когда тигр так делает, это указывает на то, что его нет поблизости и он не лежит рядом, не сводя глаз с добычи.

Фред Андерсон и Хьюиш Эди рассказывали мне о крупном тигре, обитавшем в этой местности, которого миссис (а теперь леди) Андерсон окрестила Повальгарским холостяком. Долгое время я хотел увидеть этого знаменитого тигра, которого все охотники в провинции старались убить и который, как я знал, жил в глубоком овраге, начинавшемся недалеко от той пыльной полянки, где, как я заметил, любили валяться замбары. Поскольку рядом с жертвой не было никаких отпечатков, по которым я мог бы идентифицировать тигра, убившего читала, мне пришло в голову, что, вполне возможно, убитый олень был собственностью Холостяка. А если это так, мне предоставился реальный шанс убедиться, действительно ли он так огромен, как о нем говорят.

Узенькая прогалина, начинавшаяся неподалеку от жертвы, спускалась на сотню ярдов к небольшому ручью. За ручьем был участок, густо заросший диким лаймом.[11] Если Холостяк не отправился в свой овраг, то скорее всего он залег под покровом этих зарослей, поэтому я решил попытаться дождаться, когда тигр вернется к своей добыче. Я поднялся к дороге и засыпал свой белый сачок, которым ловил бабочек, опавшими листьями. Ширина прогалины в этом месте составляла около десяти футов, примерно на таком же расстоянии от ее правого края находилось дерево, под которым лежал убитый читал. А на противоположном, левом, ее крае напротив жертвы был сухой пень, почти полностью скрытый лианами. Прежде всего я убедился в том, что в этом пне нет дупел, где могли бы скрываться змеи, затем отгреб от его основания сухие листья, чтобы не встретиться со скорпионами, и наконец устроился

поудобнее на земле спиной к пню. Читал, лежавший в тридцати футах отсюда, был хорошо виден. Хорошо просматривалась вплоть до самого ручья и прогалина, на дальней стороне которой стайка обезьян поедала ягоды дерева пипал.[12]

Закончив все эти приготовления, я закричал, подражая реву леопарда. Случалось, леопарды (когда это, конечно, не представляло для них опасности) пожирали добычу тигров, и, естественно, тем это не нравилось. Поэтому я подумал, что если тигр меня услышит и примет мой крик за рев настоящего леопарда, то подойдет к прогалине. А рассмотрев его хорошенько, я как-нибудь обнаружу свое присутствие и потом улизну. Обезьяны отреагировали на мой крик, издав сигнал тревоги, а три из них взобрались на ветвь, отходившую от ствола дерева пипал под прямым углом на высоте около сорока футов над землей. Сигнал, поданный обезьянами, был мне на руку, хотя и длился только минуту или около того, поскольку меня они не видели. Если тигр был поблизости, крики обезьян подтвердили бы зверю, что его добычей собирается поживиться леопард. Я продолжал следить за тремя обезьянами и вскоре увидел, что одна из них повернулась, вглядываясь в джунгли за спиной, закивала головой и затем издала сигнал опасности. Минуту спустя и остальные две принялись кричать и вместе с еще несколькими обезьянами вскарабкались на более высокие ветки. Несомненно, тигр был рядом. Я очень пожалел, что не захватил с собой камеру, поскольку можно было заснять отличные кадры с изображением шествующего по прогалине тигра, освещенного лучами играющего в водах ручья и в листве дерева пипал солнца, и стайки встревоженных обезьян, сидящих на ветвях этого дерева…

Однако, как обычно бывает в подобных случаях, тигр повел себя совсем иначе, чем я ожидал. Он не показывался довольно долго, и я уже стал опасаться, что тигр пойдет за своей добычей прямо мимо меня, но тут увидел, как он мелькнул в прыжке через ручей и исчез в густых джунглях на правой его стороне. По-видимому, оценив ситуацию еще в кустарнике над ручьем, тигр решил, что если он пойдет по прогалине, то леопард его заметит. Поэтому он решил подобраться к своей добыче незаметно, не сомневаясь, что встретит вора около нее. Меня, собственно, это устраивало, хотя при таком раскладе тигр должен был оказаться от меня на меньшем расстоянии, чем мне хотелось бы.

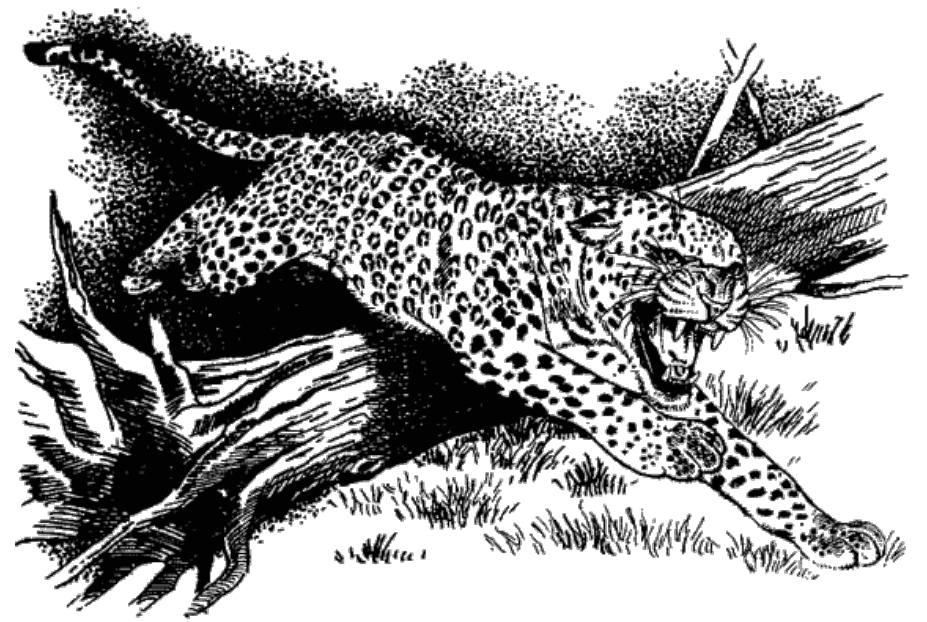
Земля была покрыта сухими листьями, но тигр шел так тихо, что я ничего не услышал. Вновь я увидел его уже стоящим над убитым читалом, но, к моему замешательству, перед моими глазами был не Холостяк, а огромная тигрица. И при благоприятных обстоятельствах на нрав тигрицы нельзя

полагаться, а уж эти-то вовсе не были «благоприятными», потому что я расположился слишком близко к ее добыче, и, кроме того, было весьма вероятно, что в зарослях лайма у нее остались детеныши. Если так, то мое появление рядом с добычей должно было ее взбесить. Правда, если бы она ушла тем же путем, что и подкралась, то все бы обошлось. Но тигрица поступила по-другому. Удовлетворившись тем, что леопард не тронул ее добычу, она вышла на прогалину, сократив наполовину расстояние между нами. Минута тянулась бесконечно, тигрица застыла в нерешительности, в то время как я затаил дыхание и, прикрыв глаза, подсматривал через щелочку, а затем спокойно спустилась по прогалине к ручью, легла в него, напилась и исчезла в густых зарослях.

В обоих этих случаях, которые я только что описал, начиная расследование, я понятия не имел о сути преступления. Именно полная неожиданность результатов, к которым тебя подводит маленькая зацепка, превращает детективное расследование в джунглях в интересное и захватывающее занятие.

Мало кто может сочинить достаточно занятный детективный роман, но те, чьи глаза способны видеть нечто большее, чем просто дорогу у себя под ногами, те, кто не думает, что знают все заранее, хотя на самом деле знают лишь некоторые детали, — все они смогут стать участниками увлекательных детективных расследований в джунглях.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ



Когда мне исполнилось десять лет, меня посчитали достаточно взрослым для того, чтобы я поступил в кадетскую школу военных стрелков-волонтеров в Найни-Тале. В те дни волонтерство, то есть добровольная служба в армии, было популярно в Индии и считалось очень серьезным занятием. Все здоровые мальчики и молодые мужчины с гордостью и наслаждением шли в армию. Наш батальон, состоявший из четырех кадетских рот и одной роты курсантов более старшего возраста, имел численность в пятьсот человек, что для шеститысячного населения означало, что волонтером был каждый двенадцатый.

Начальник нашей роты, в которой было семьдесят мальчиков, был одновременно и командиром кадетской роты численностью пятьдесят человек. Обладатель этого двойного поста был отставной военный. Самым страстным — и достойным одобрения — его стремлением было сделать свою роту лучшей в батальоне, и, чтобы удовлетворить его честолюбие, мы, маленькие мальчики, страдали, и страдали жестоко. Дважды в неделю мы проходили строевое обучение на школьной спортивной площадке, и один раз нас муштровали вместе с остальными четырьмя ротами на плацу, устроенном на ровном месте на берегу озера Найни-Тал.

Не было случая, чтобы наш капитан проглядел чей-либо

промах — и все ошибки на учебном плацу нам приходилось искупать после вечерних занятий. Обычно он брал четырехфутовую палку и занимал исходный рубеж в четырех футах от того, кого избирал своей жертвой… Мы называли его «Смертельный Дик» из-за меткости ударов. Уж не знаю, заключал ли он пари сам с собой, но мы-то, ребята, ставили об заклад игральные шарики, колпачки от ручек, перочинные ножи, а иногда и полученное на завтрак печенье, что в девяти случаях из десяти наш командир припечатает палкой точно по тому же месту, что и накануне, а то и за неделю до этого. И если случалось, что новичок рисковал принимать такое пари, он всегда проигрывал. Кадеты трех остальных рот горячо оспаривали нашу репутацию наиболее вымуштрованных, но им и в голову не приходило посягать на безупречность нашего обмундирования. И это было вполне обоснованно, поскольку всякий раз, прежде чем маршировать на плацу с другими ротами, мы проходили тщательный осмотр, в ходе которого выявлялись мельчайшие небрежности, как-то: грязь под ногтями или пылинка на форме.

Наша форма (а она год за годом переходила по наследству) была сшита из темно-синей саржи. Качество ткани позволяло выдерживать самые плохие погодные условия, но она натирала кожу, не говоря о том, что на ней была заметна любая пылинка. Мало того, что форма была жаркая и неудобная — полагавшийся к ней защитный шлем, такой же поношенный, как она, был еще хуже. Сделанное из какого-то тяжелого прессованного материала, это орудие пытки было увенчано четырехдюймовым металлическим шипом. Резьбовое крепление шипа выступало на дюйм, а то и больше, во внутреннюю часть шлема. Чтобы шип не просверлил нам в голове дырку, его покрывала бумажная прокладка. На голове шлем фиксировался с помощью проходившей под подбородком тяжелой металлической застежки, крепившейся на жестком кожаном ремне, и надетый, он охватывал голову, как тиски. После трех часов муштры под палящим солнцем мало кто из нас возвращался с площадки без ужасной головной боли, что очень затрудняло повторение выученных накануне уроков. В результате в дни строевой подготовки четырехфутовая трость употреблялась намного чаще, чем в другие.

В один из таких дней на квартирах наш батальон инспектировал приехавший офицер высокого ранга. После часа огневой подготовки, марша и контрмарша батальон походным порядком прибыл к стрельбищу Сука-Тал, устроенному на дне высохшего озера. Здесь кадетские роты расположили на склоне горы, в то время как рота старших курсантов демонстрировала

прибывшему инспектору свою стрельбу из винтовки «Мартини-450». Наш батальон славился лучшими в Индии стрелками, и каждый его солдат старался не ударить в грязь лицом. Мишень, стоявшая на каменной платформе, была изготовлена из тяжелого листового железа, и эксперты могли по звуку ударившей в железо пули сказать, попала ли она в центр мишени или ударилась о ее край.

Каждая кадетская рота болела за своего кумира из старших курсантов. И любое ядовитое замечание по поводу меткости того или иного героя, несомненно, вылилось бы в то утро в кровопролитную драку, не будь драки в форме под строжайшим запретом. После того как были объявлены лучшие результаты стрельб, кадеты получили приказ построиться и походным порядком двигаться с пятисотярдового стрельбища на двухсотярдовое. Здесь из каждой роты отобрали по четыре старших кадета, а нам, юнцам, приказали составить винтовки в козлы и убраться с огневых позиций.

Соперничество между отдельными ротами по всем видам спорта, и особенно в стрельбе, было очень острым. За каждым выстрелом, сделанным в то утро четырьмя соревнующимися ротами, ревниво наблюдали, и отовсюду неслись жаркие возгласы сторонников и противников. Счет был почти равный, поскольку командиры рот отбирали для этого состязания своих лучших стрелков. Вскоре, когда было объявлено, что наша команда завоевала второе место в соревновании и что мы проиграли всего одно очко команде, втрое превышающей нашу по численности, в наших рядах началось ликование.

В это время мы, рядовые и сержанты, комментировавшие последние достижения соревнующихся, увидели старшину, посланного к нам от группы офицеров и инструкторов, стоявших у огневой позиции, и кричавшего так, что было слышно за милю: «Корбетт, кадет Корбетт!» О небеса! Что я сделал такого, что заслужил наказание? Я, правда, сказал, что последний выстрел, выведший вперед команду соперников, был счастливой случайностью, и кто-то предложил побить меня, но драка не началась, потому что я не понял, кто это сказал. Но тут я снова услышал внушающий страх голос старшины, теперь уже совсем рядом: «Корбетт, кадет Корбетт!»

«Подойди», «Он зовет тебя», «Пошевеливайся, или ты схлопочешь», — послышалось со всех сторон, и наконец слабым голосом я ответил: «Да, сэр!» «Почему ты не отвечал? Где твой карабин? Принеси его немедленно», — на одном дыхании выпалил командир. Ошеломленный обилием команд, я стоял в нерешительности до тех пор, пока меня не подтолкнула дружески

рука и настойчивым «Беги же, дубина!» не отправила меня за карабином.

После сбора на двухсотярдовом стрельбище те из нас, кто не участвовал в соревновании, составили винтовки в пирамиды, и мой карабин использовали для того, чтобы запереть одну из них. Мои попытки освободить свой карабин из этой кучи оружия привели к тому, что она с грохотом обрушилась на землю, и, пока я пытался снова составить оружие, старшина закричал: «Оставьте эти карабины, вы один портите все дело». «Оружие на плечо, направо, быстро бегом!» — получил я следующий приказ. Меня, чувствовавшего себя гораздо хуже, чем ягненок, которого отправили на бойню, послали к командному пункту, и старшина шепнул через плечо, когда мы пошли: «Не вздумай опозорить меня».

На командном пункте инспектирующий офицер спросил, действительно ли я самый молодой кадет в батальоне, и после моего утвердительного ответа он сказал, что хотел бы посмотреть, как я стреляю. То, как это было сказано, и добрая улыбка, сопровождавшая его слова, вселили в меня чувство, что среди всех этих офицеров и инструкторов, стоявших вокруг, он был единственным, кто понимал, как одиноко и как неуютно должен себя чувствовать маленький мальчик, вдруг вынужденный показывать свое умение перед большим и внушительным собранием.

У карабина «Мартини-450», которым были вооружены кадеты, была самая сильная, по сравнению с любым другим мелкокалиберным стрелковым оружием, отдача, и курс стрелковой подготовки, который я недавно прошел, сделал мои неокрепшие плечи болезненными и уязвимыми. Сознание, что на плечо обрушатся новые удары, только усилило мою нервозность. Однако мне предстояло пройти через это и пострадать за то, что я оказался самым младшим из кадетов. Поэтому по команде старшины я лег, взял один из пяти предназначавшихся для меня патронов, зарядил карабин и, осторожно уперев его в плечо, выбрал цель и нажал на курок. Но приятный звон листа железа не донесся до моего напряженного слуха. Только тупой, приглушенный звук, а затем спокойный голос произнес: «Отлично, старшина, а теперь я попробую сам». И инспектирующий офицер в безукоризненно чистой форме подошел и лег рядом со мной на промасленный драгет.[13] «Позвольте мне взглянуть на ваш карабин», — сказал он и, когда я протянул ему карабин, твердой рукой установил мушку на двухстах ярдах — деталь, которую я совершенно упустил из виду. Затем карабин был передан мне с предписанием не спешить, и

после каждого из следующих четырех выстрелов со стороны мишени доносился желанный звон. Похлопав меня по плечу, офицер поднялся на ноги и спросил, сколько очков я выбил, и после ответа, что десять из двадцати возможных, считая первый промах, сказал: «Молодец! Очень хорошая стрельба». И повернулся к другим офицерам и инструкторам. Я же, окрыленный, отправился обратно к моим товарищам. Но радость длилась недолго, поскольку меня встретили возгласы: «Паршивый мазила», «Опозорил команду», «Я бы сделал лучше с закрытыми глазами», «Сопляк, где твоя первая пуля? Пойди поищи ее у той мишени, установленной на ста ярдах». Таковы уж все мальчишки. Они просто говорили вслух то, что было у них на уме, не думая, что это жестоко.

Инспектирующий офицер, поддержавший меня в тот день на стрельбище Сука-Тал, позднее стал национальным героем и закончил карьеру как фельдмаршал Эрл Робертс. Когда я подвергался искушению (а это случалось много раз) поторопиться с выстрелом или поспешить с решением, воспоминание о том спокойном голосе, советовавшем мне не торопиться, удерживало меня от непродуманного шага, и я всегда буду благодарен за совет этому великому солдату.

Старшина, в течение многих лет железной рукой руководивший волонтерами Найни-Тала, был невысокого роста и толстый, с бычьей шеей и золотым сердцем. После нашей последней в том семестре муштровки на плацу он спросил меня, не хочу ли я получить винтовку. Удивление и восторг лишили меня дара речи, однако ответа не требовалось, и он продолжил: «Зайдите ко мне, прежде чем уедете на каникулы, и я выдам вам служебную винтовку и все снаряжение, какое пожелаете, при условии, что будете содержать оружие в чистоте и вернете отстрелянные гильзы».

Вот потому-то той зимой я приехал в Каладхунги вооруженный и не зная забот о боеприпасах. Винтовка, которую добрый старшина выбрал для меня, была хорошо пристрелянной, и хотя 450-й калибр, возможно, не лучший для мальчика, она мне хорошо послужила. Лук со стрелами позволял мне заходить в джунгли дальше, чем это позволяла рогатка, шомпольное ружье давало мне возможность проникать еще дальше; теперь же, когда у меня появилась винтовка, джунгли были открыты для меня, чтобы бродить там, где мне заблагорассудится.

Страх обостряет чувства животных, держа их начеку, придавая остроту радостям жизни; страх может играть ту же роль и для человека. Страх научил меня бесшумно передвигаться, взбираться на деревья, улавливать источники звуков; и теперь,

чтобы проникать в самые укромные уголки джунглей и разгадывать новые тайны природы, было важно в равной степени научиться пользоваться глазами и ружьем.

У человека угол зрения — 180 градусов, когда же находишься в джунглях, где возможна встреча с любыми формами жизни, включая ядовитых змей и раненых животных, необходимо тренировать свои глаза, чтобы научиться видеть и за пределами поля зрения. Легко заметить движение прямо впереди себя и отреагировать на него, но на границе поля зрения очертания всегда нечеткие, смутные. Именно эти неясные, неотчетливые движения и представляют наибольшую опасность, их-то и следует остерегаться. Никто в джунглях не бывает намеренно агрессивен, но обстоятельства могут заставить некоторых существ напасть на вас, и, чтобы быть готовым к подобного рода случайностям, глаз должен быть тренирован. Однажды стремительные движения раздвоенного языка кобры в дупле дерева, а в другой раз движения кончика хвоста раненого леопарда, лежащего за кустом, вовремя предупредили меня, что кобра собирается нападать, а леопард прыгнуть. В обоих случаях я смотрел прямо перед собой, а эти движения происходили на самом краю моего поля зрения.

Шомпольное ружье научило меня экономить боеприпасы, и теперь, когда у меня была винтовка, я решил, что слишком расточительно практиковаться в стрельбе по неподвижным мишеням, поэтому я стрелял кустарниковых кур и павлинов и могу припомнить только один случай, когда птица была непригодна для обеда. Я никогда не жалел потраченного времени или усилий, когда подкрадываешься к птице или прицеливаешься, и, достигнув достаточной точности при стрельбе из винтовки, чтобы направить тяжелую пулю туда, куда задумал, я стал уверенно охотиться в тех уголках джунглей, в которые до этого боялся вторгаться.

Один из этих уголков, известный в семье как «Лесная ферма», представлял собой компактный участок деревьев и кустарников длиной в несколько миль, где, говорили, «кишат» кустарниковые куры и тигры. Что касается кур, это не было преувеличением — нигде я не видел этих птиц в таком количестве, как тогда на «Лесной ферме». Часть дороги Кота-Каладхунги проходила через «Лесную ферму», и, как рассказывал мне через несколько лет старый почтальон, именно на этой дороге он видел следы когтей Повальгарского холостяка.

Я обходил «Лесную ферму» во времена лука и дробовика, но так было до тех пор, пока я не вооружился винтовкой 450-го калибра, что позволило мне набраться достаточно храбрости и

раскрыть секреты этих густых джунглей, заросших подлеском. Через джунгли тянулось глубокое и узкое ущелье. Идя как-то вечером по ущелью с намерением подстрелить на обед птицу или же дикую свинью для наших крестьян, среди шороха сухих листьев в джунглях я различил царапанье кустарниковой курицы, донесшееся справа. Взобравшись на торчащий среди ущелья большой камень, я присел и, осторожно приподняв голову над краем, увидел около двадцати или тридцати кормящихся кур, которые двигались ко мне, возглавляемые старым петухом в полном оперении. Выбрав петуха как мишень, я ждал, держа палец на спусковом крючке, пока его голова не окажется на одной линии с деревом (я никогда не стрелял в птицу, не будучи твердо убежден в том, что пуля не пролетит мимо цели), когда слева услышал шаги крупного зверя и, повернув голову, увидел большого леопарда, спускавшегося по склону холма в мою сторону. Дорога на Кота пролегала здесь через холм, на двести ярдов возвышавшийся надо мной, и было совершенно ясно, что леопард испугался чего-то на дороге и теперь стремительно мчался в поисках какого-либо укрытия. Куры тоже увидели его, и, как только они взлетели, громко хлопая крыльями, я развернулся на камне, чтобы оказаться к леопарду лицом. Не заметив во всеобщем переполохе моего движения, зверь несся прямо на меня. Оказавшись совсем рядом, он замедлил бег и направился к дальнему от меня краю ущелья.

В этом месте ширина ущелья была около пятнадцати футов, а высота крутых склонов — двенадцать и восемь футов. Рядом с восьмифутовым краем, двумя футами ниже его, и находилась верхушка камня, на которой я сидел; леопард, таким образом, оказался немного выше и на дистанции ширины ущелья от меня. Поднявшись на край обрыва, он повернул голову, чтобы оглядеть путь, которым пришел, тем самым давая мне возможность незаметно вскинуть к плечу винтовку. Прицелившись в грудь, я нажал на спусковой крючок как раз в тот момент, когда зверь посмотрел в мою сторону. Облако дыма от патрона, набитого черным порохом, затмило мое поле зрения, и я успел заметить только стремительный прыжок леопарда, промелькнувшего над моей головой и приземлившегося на склоне позади меня. На камне, где я сидел, и на одежде остались пятна крови.

Абсолютно уверенный в винтовке и в своей способности послать пулю именно туда, куда хочу, я рассчитывал убить леопарда наповал и теперь был обескуражен. Что леопард был тяжело ранен, я мог судить по обилию крови, но мне не хватало опыта, чтобы знать — по ее количеству и характеру раны, — смертельно ли ранение или нет. Опасаясь, что если я немедленно

не последую за леопардом, то он заберется в недоступную пещеру или чащу, где его не найти, я перезарядил винтовку и, спустившись с камня, отправился по кровавому следу.

Примерно на сотню ярдов земля была ровной, с одиночными деревьями и кустами, росшими там и сям, затем шел пятидесятиярдовый обрыв, вслед за которым поверхность снова выравнивалась. На этом крутом склоне обильно рос кустарник и торчали большие камни, за любым из которых мог скрываться леопард. Двигаясь с предельной осторожностью и исследуя каждый фут земли, я наполовину спустился по склону, как вдруг примерно в двадцати ярдах увидел высовывавшийся из-за большого камня хвост леопарда и одну из его задних лап. Не зная, жив леопард или мертв, я стоял как вкопанный, пока лапа не дернулась и в поле зрения не остался лишь хвост. Леопард был еще жив, и, чтобы застрелить его, мне необходимо было обойти камень справа или слева. Попав вначале в тело леопарда и не убив его, теперь я решил стрелять в голову и поэтому дюйм за дюймом начал продвигаться влево до тех пор, пока не стала видна голова зверя. Он лежал, прижавшись к камню, и смотрел в противоположную от меня сторону. Я не издал ни малейшего шума, но леопард почувствовал мое присутствие. Когда он повернул голову, чтобы взглянуть на меня, я послал пулю ему в ухо. Стрелял я с близкого расстояния, не торопился и теперь был уверен, что на этот раз леопард мертв, поэтому, подойдя к нему, я схватил его за хвост и вытащил тело из лужи крови.

Нет слов, чтобы описать чувства, овладевшие мной, когда я стоял и смотрел на своего первого леопарда. С того момента, когда я впервые увидел его, скачками спускавшегося с крутого склона, и до тех пор, пока я не оттащил его в сторону, чтобы кровь не пропитала шкуру, я был спокоен и руки мои не дрожали. Но теперь у меня тряслись не только руки — я весь дрожал: дрожал от страха при мысли о том, что могло бы случиться, приземлись леопард не на склон позади меня, а на мою голову. Я трепетал и от восторга, глядя на великолепное животное, которое только что собственноручно застрелил, но больше всего я дрожал от предвкушения удовольствия, какое я получу, рассказывая о своей победе домашним, которые будут так же гордиться моим достижением и радоваться, как я сам. Я был готов кричать, визжать, танцевать и петь одновременно. Но я не делал всего этого — я только стоял и трясся, поскольку мои чувства были слишком сильны, чтобы их выразить в джунглях: чтобы разрядиться, их необходимо было разделить с другими людьми.

Я совершенно не представлял, насколько тяжел леопард, но решил, что мне надо дотащить его домой; поэтому, положив

винтовку, я побежал назад к ущелью, где росла лиана баухиния, [14] и отделил длинную плеть, чтобы сделать крепкую веревку. Возвратившись, я связал вместе передние и задние лапы леопарда. Затем, присев на корточки, взвалил его на плечи, но обнаружил, что не могу встать, поэтому я втащил леопарда на скалу, попробовал снова — и вновь безрезультатно. Понимая, что леопарда необходимо утащить отсюда, я поспешно сломал несколько веток и, забросав его, отправился в трехмильное путешествие до дома. Новость об убитом леопарде вызвала большое волнение и веселье. Через несколько минут мы с Мэгги, сопровождаемые двумя дюжими слугами, были на пути в «Лесную ферму», намереваясь принести домой моего первого леопарда.

По счастью, Провидение не взыскивает за ошибки новичков, иначе моя первая встреча с леопардом могла стать последней: я допустил ошибку, стреляя в зверя, когда он был выше меня и на расстоянии прыжка, и не зная, куда надо попасть, чтобы убить его наверняка. Вся моя добыча до этого момента состояла из одного читала, убитого из шомпольного ружья, трех свиней и одного каркера, убитых из карабина 450-го калибра. Свиней и каркера я убил наповал и думал, что так же смогу убить и леопарда, стреляя в грудь, — и здесь я сделал ошибку. Впоследствии я узнал, что хотя леопарда и можно убить наповал, но крайне редко это может быть сделано выстрелом в грудь.

Если леопарда ранили не смертельно, а при этом и не сильно покалечили, то он в ярости прыгает, и хотя леопарды умышленно никогда не нападают сразу после того, как в них стреляли, всегда есть риск их случайного столкновения с охотником, особенно когда животные находятся выше и на расстоянии прыжка. И такой риск увеличивается, когда раненый зверь не знает расположения своего противника. То, что леопард в своем диком прыжке оказался у меня за спиной, а не на моей голове, было счастливым случаем для меня, поскольку, не зная, где я нахожусь, он мог ненароком задеть меня, что было бы так же неприятно, как и преднамеренная атака.

В качестве примера того, как неосмотрительно стрелять в грудь, я приведу еще один случай моего неожиданного столкновения с леопардом. Однажды зимой мы с Мэгги стояли лагерем близ Манголиа-Кхатта, скотоводческой фермы, в которую отправляли скот из нашей деревни, когда пастбище в Каладхунги оскудевало. Однажды утром, в то время когда мы завтракали, по кашлю стада читалов я догадался, что одного из них задрал леопард. Я отправился в Манголиа-Кхатта, чтобы постараться убить леопарда, который брал дань со стада наших коров, и коль теперь появился шанс его застрелить, я оставил Мэгги доедать

свой завтрак, а сам, вооружившись винтовкой 275-го калибра, отправился в путь.

Олени кричали в четырехстах ярдах на запад от нас, но я сделал крюк, чтобы дойти до них, избежав непроходимых зарослей тростника и болотистого участка земли. Подойдя к ревущим животным с юга, когда ветер дул мне в лицо, я увидел около пятидесяти самцов и самок, стоявших на открытом участке выжженной земли и смотревших в направлении зарослей тростника. На болотистом участке между тростником и открытым местом росла полоса травы шириной около двухсот ярдов, а за открытым участком на расстоянии шестидесяти ярдов от меня был леопард, пытавшийся утащить читала-самца к этой полосе травы. Не было никакой возможности подойти к леопарду поближе, чтобы не быть замеченным стадом, которое предупредило бы хищника о моем присутствии, поэтому я присел и взял на изготовку оружие, выжидая момент, чтобы выстрелить в леопарда.

Убитый самец был крупным и тяжелым, и леопард с большим трудом тащил его по неровной поверхности. Немного времени спустя он отпустил тушу и повернулся грудью ко мне. Белая грудь леопарда, покрытая черными пятнами, — превосходная мишень для пристрелянного ружья при расстоянии в шестьдесят ярдов, и, когда я нажал курок, я был уверен, что пуля попадет именно туда, куда я хочу. После моего выстрела леопард подпрыгнул высоко в воздух и, приземлившись на все четыре лапы, скрылся в зарослях травы. Направившись к месту, где стоял леопард, я увидел следы крови, ведущие в траву, которая здесь была высотой по пояс. Сломав несколько веток с росшего рядом дерева, я прикрыл ими тушу читала, чтобы не дать стервятникам добраться до нее, поскольку шкура самца была бархатистой и первого сорта и я знал, что наши люди были бы рады ее получить. Вернувшись в лагерь, я окончил свой завтрак и затем, в сопровождении четырех наших арендаторов,[15] отправился назад, чтобы прихватить тушу читала и выследить раненого леопарда. Когда мы подошли к месту, откуда я стрелял, один из мужчин тронул меня за плечо и показал направо, где кончалась выжженная земля и начиналась полоса травы. Приглядевшись, я увидел, на что он указывал. Это был леопард — на расстоянии двухсот пятидесяти ярдов, — стоявший у самой границы травяных зарослей.

Наши арендаторы, расположившись в лагере с нами, решительно отказались от какой-либо платы за свои услуги, но, оказавшись в джунглях, мы начали соревноваться, кто же первый заметит животное, на которое можно охотиться, и если я проигрывал, они с ликованием принимали рупию в качестве

штрафа. Заплатив штраф двоим мужчинам, заявившим, что увидели леопарда одновременно, я сказал им, чтобы они присели, поскольку леопард развернулся и двигался в нашем направлении. Совершенно очевидно, это была подруга недавно раненного зверя, и ее привлекал к тому месту, где я стоял, запах убитого сородичем животного. В сотне ярдов от нас на открытую местность языком в несколько ярдов длиной вытянулась полоса травы. Дойдя до этого места, с которого самка уже могла видеть жертву, она остановилась на несколько минут, подставив грудь под выстрел. Но я предпочел не торопиться, ведь на моем счету уже был один раненный в грудь хищник.

Самке показались очень подозрительными ветки, которыми я прикрыл убитого читала; однако, внимательно осмотрев все вокруг, она осторожно приблизилась к жертве. Когда она встала ко мне боком, я послал пулю на дюйм или два ниже ее левого плеча. Леопард упал и лежал без движения. Подойдя ближе, я убедился, что зверь мертв. Приказав мужчинам привязать леопарда к бамбуковому шесту, который они захватили с собой, отнести в лагерь и вернуться за самцом, я призадумался над чрезвычайно неприятной задачей преследования раненого леопарда в высокой траве.

Неписаный закон, что раненое животное должно быть обнаружено любой ценой, принят всеми охотниками, и — когда дело касается хищников — у каждого имеется свой метод доведения его до конца. Те, у кого есть обученные слоны, посчитают эту задачу легкой, но те, кто, как я, охотится на своих двоих, должны опытным путем найти наилучший метод избавления раненых хищников от страданий и при этом не пострадать самому. Поджигание джунглей для этой цели, по-моему, и жестоко и расточительно, потому что, если животное способно передвигаться, есть вероятность, что оно выберется и умрет в другом месте, возможно, через несколько дней или даже недель, а если оно ранено слишком тяжело, чтобы передвигаться, то просто сгорит заживо.

Идти по кровавому следу раненого хищника, оставленному им в высокой траве, совсем не безопасно, и метод, который я применял для подобных случаев, заключался в том, чтобы, не принимая во внимание следы крови, дюйм за дюймом следовать в направлении, в котором скрылось животное, надеясь на лучшее, но готовый к худшему. Заслышав малейший звук, раненое животное либо будет нападать, либо выдаст свое местоположение каким-либо движением. Если оно не нападало, то приходилось наблюдать и ожидать движения, даже спровоцировать его, бросив камень, палку или же шляпу, и расправиться со зверем в момент

атаки на этот предмет. Но такой метод приемлем только тогда, когда трава не шелестит от ветра и когда у охотника есть определенный навык стрельбы в траве, поскольку хотя раненые хищники громко рычат, если их потревожить, но при этом они прижимаются к земле и не показываются до самого последнего момента.

В тот день в Манголиа-Кхатта не было ни малейшего ветерка, и после того, как мои люди ушли, я отправился по следам крови на выжженной земле и скрывавшимся в траве. Убедившись, что мое ружье заряжено и что оно исправно работает, я очень осторожно вошел в траву и тут же услышал свист позади меня. Обернувшись, я увидел моих людей, подзывавших меня к себе. Когда я возвратился к ним, они показали мне на теле убитого леопарда три пулевых отверстия, обнаруженных во время привязывания его к бамбуковому шесту. Одно находилось позади левого плеча и было смертельным; из двух других одно было в центре груди, а второе — сквозное — находилось в двух дюймах от основания хвоста.

У самки, к сожалению, была причина, чтобы вернуться к своей жертве, и когда я понял, что это была за причина, меня стали мучить угрызения совести. Детеныши леопарда могут заботиться о себе с очень раннего возраста, ловя небольших птиц, крыс, мышей и лягушек, и я мог только уповать на то, что детеныши этой доблестной матери, которая, уже раненная, рисковала своей жизнью, чтобы добыть пищу своим малышам, были достаточно взрослыми, чтобы позаботиться о себе, поскольку все мои попытки найти их потерпели неудачу.

Мое утверждение о том, что перед тем, как войти в траву и преследовать раненого леопарда, я проверил, заряжено ли мое ружье и исправен ли механизм, может показаться странным охотнику, учитывая, что минутой ранее я подходил к только что убитому мной леопарду и, очевидно, не стал бы делать этого с незаряженной винтовкой, не будучи до конца уверен, жив леопард или мертв. Что же мне было сомневаться, заряжена ли моя винтовка или нет? Я поясню, почему я так поступал — не только в этот раз, но и каждый раз, когда моя жизнь зависела от того, заряжено было оружие или нет. По счастью, этот урок я получил, когда был еще сравнительно молод, чем и объясняю то, что я жив и могу поведать вам эту историю.

Вскоре после того, как я начал работать в Мокамех-Гхате, о чем писал в «Моей Индии», я пригласил двоих друзей отправиться со мною на охоту в Каладхунги. Оба парня, Сильвер и Манн, лишь недавно приехали в Индию и никогда еще не охотились в джунглях. На следующее утро после их приезда я

повел их охотиться. Пройдя пару миль по дороге на Халдвани, я услышал, как в джунглях справа от дороги леопард убивает читала. Зная, что мои друзья не смогут подкрасться к леопарду, я решил, что один из них заберется на дерево около места убийства, и сказал, чтобы они тянули жребий. У Сильвера была винтовка 500-го калибра, которую он у кого-то одолжил, а у Манна — винтовка 400-го калибра, заряжавшаяся черным порохом и тоже взятая на время. Я был вооружен магазинной винтовкой калибра 275. Хотя Сильвер был немного старше и лучше вооружен, Манн благородно отказался участвовать в жребии, и мы втроем отправились на поиски убитого животного. Читал, красивый самец, еще агонизировал, когда мы его нашли, и, выбрав дерево для Сильвера, я велел Манну помочь ему туда взобраться, а сам двинулся в сторону леопарда, чтобы отвлечь его и помешать увидеть, как Сильвер карабкается на дерево. Леопард был очень голодный и не испытывал ни малейшего желания куда-то уйти; однако, делая зигзаги перед ним, я вынудил его отойти и затем вернулся к жертве. Сильверу никогда прежде не доводилось лазать по деревьям, и выглядел он очень несчастным. Вряд ли его настроение улучшилось, когда я сказал, что мы имеем дело с крупным леопардом-самцом, и предупредил, чтобы он целился тщательно. Затем, сообщив, что ждать придется не дольше пяти минут, я ушел, забрав Манна с собой.

В сотне ярдов от убитого читала проходила пожарная просека, пересекавшаяся с дорогой на Халдвани под прямым углом. Выйдя через джунгли к этой просеке, мы с Манном успели пройти совсем немного, как Сильвер два раза подряд выстрелил. Возвращаясь по своим следам, мы увидели леопарда, стремительно мчавшегося через просеку. Сильвер не знал, попал он в зверя или нет, но, подойдя к месту, где мы с Манном заметили пересекавшего просеку леопарда, мы обнаружили следы крови. Я отправился на поиски леопарда, сказав компаньонам, чтобы они остались и ждали меня. В этом не было ничего героического, как раз наоборот, поскольку, когда преследуешь раненого хищника, необходимо сосредоточить внимание именно на преследовании, а это трудно, когда на хвосте у тебя идут другие охотники, держащие пальцы на спусковых крючках задранных вверх ружей. Когда я уже немного отошел, Сильвер двинулся за мной и предложил свою помощь, но когда я отказался, он стал умолять взять его ружье, сказав, что никогда не простит себе, если леопард нападет на меня, а я не смогу защититься своим легким оружием. Поэтому, чтобы его не обидеть, мы обменялись оружием. Сильвер ушел обратно на просеку, а я снова отправился на поиски леопарда, но перед этим

я опустил боек и приоткрыл затвор: там было два патрона.

Поверхность на протяжении сотни ярдов была относительно открытой, а потом след вел в густые заросли. Дойдя до этого места, я по звукам понял, что леопард где-то передо мной, и на секунду подумал, что он готовится к атаке. Однако звук не повторился, поэтому очень осторожно я вошел в заросли и через двадцать ярдов обнаружил место, где он лежал и откуда уходил, что я и услышал. Теперь надо было снова двигаться шаг за шагом, и я был счастлив, когда через полторы сотни ярдов следы вновь вышли на более открытое место. Здесь я мог идти побыстрее. Я прошел очередную сотню ярдов и, подойдя к большому дереву адины, заметил кончик хвоста леопарда, свисавший с правой стороны дерева. Обнаружив, что его выслеживают, леопард совершенно правильно решил, что наилучшая позиция для нападения — забраться на дерево; а что он нападет, я больше не сомневался.

Решив, что для меня будет выгодна встреча с ним лицом к лицу, я подвинулся влево от дерева. Когда голова леопарда оказалась в поле зрения, я увидел, что он лежит распластавшись, опустив подбородок на вытянутые лапы. Его глаза были открыты, а кончики ушей и усы подрагивали. Леопард мог прыгнуть на меня в тот момент, когда я обогнул дерево, но он не шевельнулся, и это заставило меня не стрелять. В мои намерения не входило изуродовать его голову с расстояния в несколько футов, но, напротив, стрелять в туловище и таким образом избежать порчи трофея Сильвера. Посмотрев внимательнее, я увидел, что его глаза закрыты, и я решил, что леопард мертв, что в действительности так и оказалось: он умер, когда я смотрел на него. Чтобы убедиться в правильности своего вывода, я кашлянул, и когда ответа не последовало, я поднял камень и кинул ему в голову.

На мой крик подошли Сильвер с Манном, и перед тем как вернуть Сильверу ружье, я открыл патронник, извлек два латунных патрона и, к моему ужасу, обнаружил, что оба были пустыми. Многие охотники пострадали из-за того, что нажимали на спусковые крючки незаряженных ружей, и не задержись я, продираясь сквозь густые заросли, то стал бы очередной жертвой. С того дня, когда я выучил этот урок, к счастью без ущерба для себя, я никогда не подходил к опасному месту, не убедившись, что мое оружие заряжено. Если я бывал вооружен двустволкой, я перекладывал патрон из одного ствола в другой, а если это было оружие с одним стволом, я вытаскивал патрон, чтобы убедиться, что затвор работает плавно, и лишь затем возвращал его обратно.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Кунвар Сингх, о котором я писал в книге «Моя Индия», не любил охотиться в джунглях близ Каладхунги, говоря, что там слишком много ползучих растений и поэтому трудно спасаться от ретивых егерей или свирепых тигров. Он предпочитал браконьерствовать в лесу поближе к Гаруппу. Хотя Сингх был редким знатоком леса и превосходным стрелком, чем я восхищался, но он был лишен чрезмерного спортивного азарта, — возможно, оттого, что в местах, где он охотился, дичи было полным-полно. Зная все тропинки, прогалинки и опушки, где можно было повстречать оленя, Кунвар Сингх даже не пытался подкрасться к дичи незаметно, соблюдая тишину. И случись ему спугнуть оленя на какой-либо поляне, он с полным хладнокровием говорил, что на другой наверняка их будет больше. Тем не менее я многому от него научился и остаюсь ему благодарным за то, что Сингх помог мне избавиться от многих моих тогдашних страхов перед неизведанным. Одним из этих страхов была боязнь лесных пожаров. Зная о том, как они опасны, и не раз встречая их последствия в лесу, я подсознательно все время боялся, что когда-нибудь такой пожар застигнет меня и я сгорю заживо. Именно Кунвар Сингх развеял мои опасения.

В деревнях в предгорьях Кумаона каждый интересуется делами и жизнью соседа. Для людей, которые не читают газет и жизнь которых более или менее ограничена лесом, окружающим

их деревню или группу деревень, каждая крупинка новостей интересна, обсуждается и добросовестно передается из уст в уста, и при этом не теряются даже мельчайшие подробности. Неудивительно поэтому, что Кунвар Сингх был наслышан о том, как я убил леопарда в Фарм-Ярде, прежде, чем тот успел остыть. Верный своим охотничьим принципам, он пришел меня поздравить. Он знал о винтовке, одолженной мне старшиной, но не думаю, что он верил в мою способность пользоваться ею, до тех пор пока я не убил леопарда. Однако теперь, получив такое конкретное доказательство, он обнаружил ко мне и к ружью живой интерес. Прежде чем он покинул наш дом в тот день, я пообещал встретиться с ним наутро в пять часов на четвертой миле дороги на Гаруппу.

Стояла кромешная тьма, когда я, выпив чашку чая, приготовленного Мэгги, отправился на встречу с Кунвар Сингхом, имея не меньше часа времени в запасе. Мне много раз приходилось ходить этой пустынной лесной дорогой, и темнота меня не пугала. Подойдя к четвертому мильному столбу, я увидел неподалеку, под деревом у костра, самого Кунвар Сингха, который пришел раньше меня. Когда я присел к огню, чтобы согреться, мой спутник заметил: «Смотри-ка, ты так спешил, что позабыл надеть брюки!» Я пытался было убедить его, что дело не в забывчивости, а в том, что я впервые надел на себя новомодное изобретение под названием «шорты», но это не возымело действия. Хотя Кунвар Сингх ограничился лишь краткой репликой о том, что трусы — не самая подходящая одежда для джунглей, весь его вид показывал, что одет я неприлично и что он постеснялся бы появиться со мной на людях. После такого неудачного начала атмосфера оставалась напряженной до тех пор, пока с соседнего дерева не донесся крик петуха кустарниковой курицы, при звуке которого Кунвар Сингх загасил костер и предложил трогаться, так как путь предстоял неблизкий.

Джунгли пробуждались. Мы вышли из-под дерева и зашагали по дороге. Петух, криком возвестивший о наступлении утра, разбудил волну звуков. Каждая птица, большая и малая, пробудясь от дремы, вплетала свой голос в нарастающую мощь лесного оркестра. Хотя наш петух и подал голос раньше, первым слетел на землю не он. Первого червяка в то утро поймал гималайский свистящий бюльбюль, известный больше как «синяя птица». Бесшумно перепархивая на своих крыльях с дерева на дерево в полумраке, он оглашает лес своим дивным пением, которое невозможно забыть, услышав хотя бы раз. Этот певец провожает уходящий день или встречает новый. Утром и ночью он всегда исполняет свою песнь на лету, а днем часами сидит в

густой кроне деревьев, высвистывая в минорном ключе своим нежным, сладким голосом нескончаемую мелодию. Следующим встречает рассвет ракетохвостый дронго, а еще через мгновение — павлин. После того как он издал свой пронзительный крик с вершины гигантского симула, в джунглях уже никто не смеет спать. Ночь умерла, настал день, и тысячи пульсирующих глоток лесного оркестра заливают джунгли все нарастающим потоком мелодий.

Задвигались и звери. Небольшое стадо читалов пересекло дорогу прямо перед нами, а в двухстах ярдах впереди прямо у обочины пощипывает короткую траву самка замбара со своим малышом. Вот к востоку от нас подал голос тигр, и все павлины в пределах слышимости завопили ему в унисон. Кунвар Сингх полагал, что тигр был от нас на расстоянии четырех полетов пули, в сухом русле, где его когда-то и повстречал сам Кунвар Сингх, что чуть было не окончилось для него плачевно. Очевидно, на этот раз тигр возвращался после охоты и не собирался скрываться. О его присутствии возвестили каркер, два замбара и, наконец, целое стадо читалов. Мы добрались до Гаруппу, когда солнце уже касалось верхушек деревьев. Перейдя деревянный мост и вспугнув более полусотни кустарниковых курочек, кормившихся на лужайке у разрушенного каретного сарая, мы свернули на тропинку, приведшую нас через полосу невысокого подлеска к сухому руслу, через которое и был переброшен тот мост, по которому мы только что прошли. Русло оставалось сухим почти всегда, кроме сезона муссонных дождей, и поэтому служило дорогой для всех зверей, желавших утолить жажду у кристально чистого источника, бьющего прямо из сухого русла тремя милями ниже. Позднее это сухое русло стало излюбленным местом моей охоты с ружьем или камерой, потому что тянулось оно среди мест, кишащих дичью, где человеческий след на поверхности мог бы стать предметом столь же серьезных раздумий, как след Пятницы на острове Робинзона Крузо.

В течение полумили русло тянулось через джунгли, перемежавшиеся кустарником, а потом проходило через полосу травы шириной в четверть и длиной в многие мили. Местное название этой травы — «нал». Это травянистое растение типа бамбука, достигающее высоты четырнадцати футов и состоящее из полых колен. Если заросли нала оказываются неподалеку от какой-нибудь деревни, то жители часто используют ее при строительстве хижин. Когда жители Гаруппу принимаются выжигать окрестные леса, чтобы дать место пастбищам для скота, вся окрестная дичь обычно укрывается в зарослях нала, потому что трава эта растет на влажных почвах и остается зеленой

круглый год. Но в исключительно засушливые годы, случается, высыхает и может вспыхнуть и нал. Заканчивается это ужасающим пожаром, поскольку стволы нала обычно густо оплетены ползучими растениями, а каждое колено нала при нагреве взрывается со звуком, напоминающим пистолетный выстрел. Оглушительный шум от одновременного выстреливания тысячи колен слышен за милю и более в округе.

Когда мы с Кунвар Сингхом в то утро шли по руслу, я увидел черное облако дыма, и вскоре до моего слуха донеслись отдаленный рев и треск большого пожара. В этом месте протока шла прямо на юг, и пожар, бушевавший на восточном, левом берегу русла, быстро приближался к нам, движимый сильным ветром. Кунвар пошел впереди, бросив мне через плечо, что нал загорелся первый раз за последние десять лет. Он шел точно по прямой, и на повороте взору нашему открылась вся картина пожара. Его отделяло от русла не более сотни ярдов. Огромные языки пламени взвивались к небу и закручивались в кольца черного дыма по краям. А на границе этого пожарища сотни скворцов, сизоворонков, дронго, minas вовсю кормились летающими насекомыми, захваченными потоками горячего воздуха. Спасаясь от птиц, многие насекомые пытались найти убежище на песчаном дне русла, но здесь их подстерегали павлины, кустарниковые куры и черные куропатки. И среди всей этой пернатой братии стадо из двадцати читалов невозмутимо поедало красные цветы, сорванные обжигающим ветром с верхушки гигантского симула.

Я впервые наблюдал лесной пожар и сильно испугался, что отношу на счет обычного человеческого страха перед неизвестным. Но, видя, как рядом с бушующим пламенем беззаботно поглощают пищу птицы и звери, я понял, что, кроме меня, никто не боится и что причина страха — в моем невежестве. Следуя за Кунвар Сингхом по руслу, я чувствовал соблазн повернуть обратно и сбежать. Меня останавливало только то, что Кунвар Сингх мог счесть меня трусом. И вот я стою на песчаном дне высохшего ручья шириной около пятидесяти ярдов, прислушиваюсь к нарастающему треску приближающегося огня и смотрю на черные облака дыма, клубящегося над головой. Мы ждем, когда из охваченных пожаром зарослей нала выбежит зверь, которого можно будет подстрелить. Я почувствовал, как страх покидает меня, уходит навсегда… Жар от пожара ощущался все сильнее. Теперь уже олени, павлины, кустарниковые куры и кеклики перебрались на правый берег и скрылись в джунглях. Мы вернулись к своим следам и пошли обратно в Гаруппу.

Травяные пожары доставили мне массу захватывающих

впечатлений и в последующие годы. Прежде чем рассказать об одном из них, напомню, что нам, тем, кто живет у подножия Гималаев, правительство разрешает выжигать траву в лесах, не входящих в число заповедных, для того чтобы использовать выжженные пустоши под пастбища. В этих лесах трава бывает нескольких видов, а поскольку каждый из них начинает сохнуть не одновременно, то и выжигают их поэтапно, начиная с февраля и заканчивая в июне. Все это время огонь можно встретить на любой опушке, поскольку каждому дозволено чиркнуть спичкой, проходя мимо высохшего травянистого участка.

Вместе с Уиндхемом мы охотились на черных куропаток в Биндукере близ Тераи. Однажды рано утром Бахадур, мой старый друг, тридцать лет бывший старостой нашей деревни, и я отправились в двадцатипятимильный путь к нашему дому в Каладхунги. Мы преодолели около десяти миль по территории, на которой большая часть травы была уже сожжена, но кое-где встречались иногда отдельные уцелевшие участки зеленого покрова. Когда мы приблизились к одному из них, прямо на дорогу со старой колеей от телег, по которой мы шли, вышел зверь и долго стоял, повернувшись к нам боком. В глаза нам светило яркое утреннее солнце, но по расцветке и размерам мы решили, что это был тигр. Однако, когда зверь пересек дорогу и вошел в заросли, по длине хвоста мы поняли, что это был леопард. «Сахиб, — обратился ко мне Бахадур, — жаль, что сахиб уполномоченный со своими слонами находится в десяти милях отсюда. Ведь это самый крупный леопард в Тераи, и стоило бы его подстрелить».

В том, что на леопарда имело смысл поохотиться, я не сомневался. И несмотря на то что Уиндхем со слонами действительно был далеко, я решил рискнуть. Зверь шел со стороны загона для скота, и, судя по тому, что шел он не скрываясь, охота его была удачной. Когда я изложил свой план — выкурить леопарда из травяных зарослей, — Бахадур выразил готовность мне помочь, хотя он и сомневался в успехе. Для начала следовало определить, насколько велик был участок травы, где скрылся леопард. Сойдя с тропы, мы двинулись по кругу и обнаружили, что участок имел форму конуса площадью около десяти акров. Колея проходила вдоль его основания.

Ветер был благоприятным. Дойдя до самого дальнего края участка, отстоящего от тропы на двести ярдов, я срезал два пучка травы, зажег их и, вручив один Бахадуру, послал его поджечь участок справа. Сам я поджег траву с левой стороны. На участке росла так называемая «слоновья трава», доходившая высотой до двенадцати футов, сухая, как трут. Так что через минуту все

вокруг пылало. Бегом вернувшись к колее, я залег в ней и, прижав к плечу свое ружье модели «Риджби-275», стал следить за внешним краем дороги, держа прицел на такой высоте, чтобы пуля попала в тело леопарда, когда он попытается дорогу пересечь. Я лежал в десяти ярдах от границы травы, приблизительно в пятидесяти ярдах от того места, где леопард вошел в ее заросли. Ширина дороги составляла не более десяти футов, и единственным шансом попасть в леопарда было спустить курок в ту же секунду, как он появится. Я был уверен, что зверь решится покинуть траву в самый последний момент и будет стараться сделать это на большой скорости. При этом я никак не должен был задеть Бахадура, так как велел ему залезть на дерево, стоявшее достаточно далеко от дороги, после того, как он подожжет траву на своей стороне.

Выгорела уже половина участка. Огонь грохотал, как экспресс, мчащийся по эстакаде. Вдруг около своего правого плеча я заметил босую человеческую ногу. Подняв голову, я увидел человека, в котором по одежде и внешности узнал Махомедана, пастуха, искавшего, возможно, пропавшего буйвола. Приподнявшись, я повалил его, прошептав на ухо, чтобы он лежал тихо. Для верности я забросил на него свою ногу. Огонь приближался, и когда до него оставалось всего двадцать пять ярдов, леопард ринулся через дорогу. Нажав курок, я только и заметил, как взметнулся хвост зверя. Трава слева от нас была выжжена несколько дней назад, и в лесу обгоревших стеблей я видел уходящего леопарда и по его движению понял, что он ранен. Но по тому, как при выстреле взлетел кверху его хвост, я не мог с уверенностью сказать, что рана зверя была смертельной. Я поднялся с земли и, крепко держа пастуха за руку, побежал вместе с ним по дороге через густые клубы дыма. Языки пламени угрожающе извивались над нашими головами. Мы увидели лежащего на земле леопарда, только подойдя к нему почти вплотную. Не теряя времени, ибо жара была чудовищной, я подбежал и вложил хвост леопарда в руку пастуха, положил сверху свою, и вместе мы поволокли зверя прочь от огня. Вдруг, к моему ужасу, леопард открыл пасть и оскалил клыки. На наше счастье, пуля прошла через шею и парализовала зверя, и к тому моменту, когда ярдов через пятьдесят мы остановились, леопард был уже мертв. Но как только я разжал свою руку, мой невольный помощник отпрыгнул от меня в сторону, как если бы я его ударил, и, сорвав с головы свой бурнус и прижимая его к себе, бросился бежать так, как не бегал до него еще ни один местный пастух.

Жаль, что я не видел, как он добежал до пункта своего

назначения. Индийцы — большие умельцы рассказывать байки о своих приключениях, и рассказ моего приятеля о том, как он спасся из лап сумасшедшего англичанина, наверняка мог привлечь немало слушателей. Бахадур видел все со своего «насеста» и, присоединившись ко мне, сказал: «Этому человеку много лет будут рады у всех бивуачных костров. Но никто не поверит в его историю».

Если условия неблагоприятны для того, чтобы подобраться к так называемым опасным зверям на расстояние выстрела, чаще всего их выгоняют из зарослей, пользуясь услугами слонов или загонщиков либо тех и других вместе. Три таких охоты живы в моей памяти. Они стоят того, чтобы их описать хотя бы потому, что первые две были организованы с минимальным числом участников, а третья преподнесла мне урок, при воспоминании о котором у меня и сегодня замирает сердце.

Случай первый

Робин, наш шпрингер-спаниель, и я отправились как-то утром прогуляться по пожарной просеке в полумиле к западу от моста через реку Боар. Робин бежал впереди. У места, где наша малохоженая тропка пробегала между чахлой порослью травы, он вдруг остановился, принюхался и оглянулся на меня через плечо. Подойдя ближе, я не увидел никаких следов и знаком показал, чтобы Робин шел по запаху, который уловил. Он с готовностью повернул налево, добежал до края просеки и снова тщательно обнюхал траву. Затем он снова быстро на меня оглянулся, как бы говоря: «Все точно, я не ошибся». После этого Робин нырнул в траву, доходившую здесь до восемнадцати футов. Шаг за шагом пес шел по запаху, пока ярдов через сто, там, где была небольшая впадина с влажной землей, я увидел, что Робин преследовал тигра. Обследовав траву вдоль утоптанного места, он обнаружил пятно крови. По опыту, который я приобрел, выслеживая подраненных кем-то зверей, знаю, что пятна крови на следе тигра могут быть тревожным знаком. Однако в данном случае опасения могли быть излишними, так как кровь была явно свежей, а выстрелов в этой стороне в то утро слышно не было. Значит, тигр просто волок за собой тушу оленя или большой свиньи. Еще чуть дальше был участок, густо поросший клеродендронами и занимавший площадь около пятидесяти ярдов, дойдя до которого Робин снова остановился, ожидая дальнейших инструкций.

Я опознал тигра по отпечаткам его лап на мокрой земле. Это был крупный зверь, устроивший себе логово в густых зарослях на

противоположном берегу реки Боар, тот самый, который доставил мне немало неприятностей с тех пор, как тремя месяцами раньше мы спустились с гор. Две дороги и одна просека, по которым мы с Мэгги имели обыкновение прогуливаться по утрам и вечерам, проходили как раз через эти заросли, и несколько раз, когда я отсутствовал, пути Мэгги с Робином и этого тигра пересекались. И всякий раз зверь обнаруживал все меньшую готовность уступить путь. Дело дошло до того, что Робин уже не мог считать, что Мэгги в безопасности, когда находится на дороге без меня, и категорически отказывался сопровождать ее дальше моста. Опасаясь, что однажды может случиться непоправимое, я решил при первой возможности застрелить тигра, и теперь этот самый зверь залег рядом со своей жертвой в зарослях. Вот она, возможность, которую я ждал. Робин шел за тигром по ветру, а я, сделав широкий полукруг, подобрался к клеродендронам с противоположной стороны. Когда между нами было ярдов тридцать, Робин остановился, поднял морду, понюхал воздух, несколько раз мотнул головой вверх и вниз и снова посмотрел на меня. Отлично. Тигр в логове. Мы вернулись на просеку и зашагали домой.

После завтрака я послал за Бахадуром. Рассказав ему о тигре, я попросил его разыскать двух наших арендаторов — Дханбана и Дхарманада. Оба они были надежные парни в том смысле, что могли точно выполнять указания и умели лазать по деревьям не хуже нас с Бахадуром. К полудню они поели и пришли к нашему коттеджу на совещание. Убедившись, что в карманах у них нет ничего, что могло бы греметь, заставив их снять обувь и вооружившись винтовкой калибра 400/450, я отправился в путь. Индийцы знали лес не хуже меня, и когда я объяснил им, где залег тигр и что они должны делать, они охотно согласились выполнять приказания. Я хотел рассадить всех троих на деревья с трех сторон от зарослей, а сам караулить зверя с четвертой. Бахадур должен сидеть на дереве напротив меня. По моему сигналу — крику леопарда — он начнет постукивать по ветке. Если тигр направится не в мою сторону, ближайший к нему человек должен захлопать в ладоши. Главное, сохранять тишину, потому что между людьми и тигром было около тридцати — сорока ярдов и малейший шум на подходе к выбранным деревьям или во время подъема мог испортить все дело. Усадив Дханбана и Дхарманада на землю там, где Робин впервые учуял запах, я вначале проводил Бахадура и посадил его на дерево, стоящее в двадцати ярдах от зарослей и напротив того места, где решил засесть сам. Затем, по очереди, я отвел обоих мужчин на их места слева и справа от Бахадура. Все трое видели друг друга, и сверху

им был хорошо виден участок клеродендронов и они могли следить за любыми перемещениями зверя, но от меня их закрывала полоса деревьев. После того как последний из моих помощников бесшумно разместился на дереве, я вернулся на просеку и прошел по ней сотню ярдов до того места, где она пересекалась с другой, опоясывающей подошву длинного низкого холма. Эта вторая просека и была границей зарослей с четвертой стороны. Напротив дерева, на котором засел Бахадур, по склону холма сбегал мелкий и узкий овраг. В нем водилось много дичи, и я был уверен, что потревоженный тигр направится сюда. На правом краю оврага, ярдов на десять возвышаясь, стояло большое дерево джамун.[16] Планируя охоту, я предполагал, что буду сидеть на нем и выстрелю в тигра, когда он будет подниматься по оврагу. Но, подойдя к дереву, я понял, что не смогу на него взобраться с тяжелым ружьем в руках. Других деревьев поблизости не было, и я решил устроиться на земле. Итак, расчистив корни дерева от сухих листьев, я сел, опершись спиной о его ствол.

Я решил кричать леопардом не случайно. С одной стороны, это был понятный сигнал для Бахадура, а с другой — такой крик не должен был вызвать у тигра подозрений. Удобно устроившись на земле и сняв ружье с предохранителя, я подал сигнал. Через несколько секунд Бахадур начал стучать. Едва только раздался этот шум, как кусты раздвинулись, величественный тигр вышел на просеку и остановился. Десять лет я пытался заснять тигров на пленку, и, хотя я неоднократно видел их вблизи, ни разу мне не удавалось осуществить задуманное. А теперь на открытом месте в двадцати ярдах от меня, не закрываемый ни единым листочком или травинкой во всем сиянии освещаемой ярким солнцем шкуры стоял в своем зимнем наряде изумительный зверь. Случалось, что я выслеживал зверя часами и днями, а подобравшись, вскидывал ружье, прицеливался и вдруг нарочно спугивал его взмахом шляпы, доставляя себе удовольствие видеть, как животное удаляется невредимым. И сейчас я сделал бы то же самое с большим удовольствием, но это вряд ли было бы правильно. Дело было не только в Мэгги. Шер Сингх и другие мальчишки пасли свой скот в этих джунглях, а деревенские женщины и дети собирали там хворост. Этот тигр пока еще не нападал на людей, но его демонстративное поведение внушало страх и настораживало — так было недалеко и до несчастья.

Стоя на просеке, тигр минуту или две то смотрел по сторонам, то оглядывался в сторону Бахадура. Потом он лениво пересек просеку и двинулся вверх по склону вдоль левой стороны оврага. Я сопровождал его, держа на прицеле с того момента,

когда голова тигра раздвинула кусты, и нажал на спуск, как только она оказалась на одном со мной уровне. Не думаю, что тигр успел что-то подумать или услышать выстрел. Лапы зверя подогнулись, он осел назад и затих у моих ног.

Случай второй

После смерти его высочества магараджи[17] Джинда, ушедшего в расцвете сил и всеми любимого, Индия лишилась одного из лучших своих охотников. Магараджа управлял территорией в 1299 квадратных миль, на которой проживало 324.700 жителей. Имея огромные доходы от сдачи земель и угодий в аренду, магараджа был одним из самых непритязательных людей, с которыми мне посчастливилось встречаться. Он увлекался выучкой охотничьих собак и охотой на тигров. И в том и в другом деле ему практически не было равных. Когда мы впервые повстречались, на его псарне насчитывалось четыреста собак. Я не уставал восхищаться его терпением и добротой, когда он их обучал, а потом натаскивал в поле. Лишь однажды я слышал, как магараджа повысил голос и ударил собаку арапником. Вечером за обедом магарани[18] спросила магараджу, все ли собаки работали в поле хорошо, на что он ответил: «Нет, Санди не слушался, пришлось задать ему хорошую трепку».

В тот день мы с магараджей охотились на птиц. По длинной полосе джунглей, перемежавшихся кустарником, развернутым строем двигались люди и слоны. Производя максимальный шум, они гнали дичь в нашем направлении. В конце этой полосы был открытый участок шириной около пятидесяти ярдов. Мы с магараджей стояли на его краю неподалеку друг от друга, а позади нас росла невысокая трава. Слева от магараджи в ряд сидели три молодых лабрадора — золотистый Санди и два черных. Загонщики подняли черного кеклика, и магараджа, подстрелив его над открытым пространством, послал за птицей одну из черных собак. Тут низко над нашими головами пролетела кустарниковая курица, и я уложил ее на траву позади себя. Вторая черная собака бросилась за ней. Неожиданно откуда-то вылетели несколько павлинов; услышав выстрелы, они метнулись влево и скрылись из виду. Из своего укрытия выскочил заяц и бросился прямо на магараджу, который в тот момент отвернулся, чтобы что-то приказать слуге. Заяц круто повернул под прямым углом и промчался прямо передо мной. Подождав, когда он отбежит как можно дальше, так как, когда охотишься с молодыми

собаками, нежелательно портить дичь, я выстрелил. Заяц развернулся и, проскакав перед нами, упал в тридцати ярдах справа от магараджи. Как только он упал, Санди рванулся вперед. «Санди, Санди», — пытался удержать его магараджа, но пес ничего не слышал. Два его товарища принесли птиц, и теперь он считал, что настал его черед. Ничто не могло его остановить. Пес мигом домчался до зайца и принес его мне. Потом он снова вернулся на место у ног хозяина. Но ему было приказано взять зайца снова с того места, куда я его положил, и отнести магарадже. Магараджа не принял зайца. Он заставлял Санди класть все правее и правее от того места, где стоял, до тех пор, пока заяц не оказался на той же точке, откуда собака взяла его первый раз. Тут Санди было приказано положить добычу на место. С обвисшими ушами Санди снова вернулся к хозяину, и за зайцем послали другую собаку. После этого магараджа отдал свое ружье слуге, взял у него арапник, взял Санди за загривок и «задал ему трепку». Правда, эта трепка была не для Санди, поскольку ни один удар ему не достался, а для травы вокруг него. Когда вечером магараджа рассказывал жене о прегрешениях Санди и наказании, которое тот понес, я взял у интенданта блокнот (магараджа был совершенно глух) и написал: «Хотя Санди сегодня посмел вас ослушаться, это лучшая собака Индии, и он выиграет следующий открытый чемпионат среди охотничьих собак». В конце того же года я получил телеграмму от магараджи, которая гласила: «Вы были правы. Санди выиграл открытый чемпионат».

Дни становились длиннее, а солнце припекало все жарче. Однажды утром, поднявшись очень рано, я прошел десять миль и прибыл в лагерь магараджи в Мохане как раз в тот момент, когда он вместе со всей семьей собирался завтракать. «Вы пришли вовремя, — сказал магараджа, когда я сел за стол, — мы как раз собираемся поохотиться на старого тигра, который водит нас за нос вот уже три года». Я уже слышал об этом тигре и знал, как сильно магараджа желал перехитрить и убить этого зверя. Поэтому, когда он предложил мне самый лучший из трех маханов, сооруженных на этот случай, и винтовку, я отказался, сказав, что предпочту быть зрителем. В десять часов магараджа с магарани, двумя дочерьми и их подругой и я поехали на автомобилях по той же дороге, которой я пришел в то утро, к месту, откуда должна была начаться облава.

Участок, на котором было решено ее устроить, представлял собой долину, глубоко вдававшуюся в предгорья. По ней, извиваясь, протекал небольшой ручей, а с обеих сторон тянулись холмы высотой до трехсот футов. В нижней части, там, где ее

пересекала дорога, ширина долины составляла около пятидесяти ярдов, полумилей выше она тоже сужалась до пятидесяти, а между двумя этими точками долина расширялась до трехсот — четырехсот ярдов. На этом густо заросшем участке земли площадью в несколько сотен акров, как предполагалось, и залег тигр с тушей убитого им накануне буйвола. В возвышенной части долины с правого холма спускался небольшой отрог, здесь на дереве был устроен махан, с которого просматривалась вся долина и склоны холмов по обе стороны от нее. Два других находились тоже на деревьях, расположенных в тридцати ярдах друг от друга на противоположном берегу ручья, делавшего в этом месте поворот почти под прямым углом.

Оставив машины на дороге, мы направились к лощине пешком, сопровождаемые главным шикари и егерем, ответственным за организацию охоты. Так мы дошли до места, справа от которого находилось предполагаемое логово тигра. Магараджа с оруженосцем засели в махане на отроге, а четыре дамы и я перешли ручей и расположились на двух других. Шикари и егерь вернулись обратно, чтобы начать облаву.

Махан, в котором я находился с двумя принцессами, был мощным сооружением, устланным коврами и подушками для сидения. Я не привык сидеть на мягком, в такой роскоши. Кроме того, после долгой утренней прогулки меня разморило, и я чуть было не заснул. Меня взбодрил звук далекого рога — травля началась. В ней принимали участие десять слонов, егеря, стражники, слуги магараджи, шикари со своими людьми и еще двести крестьян из окрестных деревень. Сквозь густые заросли в нижней части лощины двигались слоны, на которых восседали егеря и свита, а крестьяне шли справа и слева от них. Часть этих людей должна была идти цепью по гребням холмов, чтобы тигр не мог там проскочить.

Все, что было связано с организацией охоты, было мне интересно, так как я впервые оказался зрителем на спектакле, в котором обычно принимал участие сам. Придраться было не к чему. Правильно было выбрано время суток; мы лежали на маханах абсолютно бесшумно, а то, что лес прочесывают очень тщательно, было ясно по огромному числу птиц, включая фазанов, кустарниковых кур и павлинов, вспугнутых загонщиками. В таких облавах всегда много непредсказуемого, так как уже после первых сигналов рога, например, тигр может сняться со своего места. Глухота, конечно, была сильной помехой для магараджи, но он был окружен надежными людьми, и вскоре я заметил, как один из них указывает своему повелителю направо. Обернувшись в ту сторону, магараджа несколько секунд

безмолвствовал, но затем отрицательно покачал головой. И в самом деле, к ручью выбежал замбар-самец, но, учуяв магараджу, вихрем пронесся мимо нас вверх по долине.

Слева на гребне уже показались бредущие цепочкой люди — пора было показаться и тигру. Загонщики приближались, громко крича и хлопая в ладоши, но с каждым их шагом надежды на то, что тигр появится и магараджа сумеет его подстрелить, выполнив свое заветное желание, таяли: ни одна птица, ни один зверь не подавал сигнала тревоги. Мои юные спутницы держали свои ружья на взводе, наготове был и магараджа, так как, появись тигр внезапно, стрелять в него нужно было бы немедленно. Однако все оказалось напрасно: тигра внутри кольца не оказалось.

Слуги принесли лестницы, и все, кто сидел наверху, очень расстроенные, спустились вниз к еще более удрученным загонщикам. Никто из участников тигра не заметил, и никто не мог понять, где же была допущена ошибка. Ясно было только одно: что-то было упущено, ведь пока мы двигались к лощине, мы отчетливо слышали тигриный рев. Я подозревал, что уже понял, в чем дело. Но ведь я был только зрителем и поэтому предпочитал помалкивать. После небольшого пикника мы вернулись в лагерь, и пока все отдыхали, я решил отправиться на берег реки Коси на вечернюю рыбалку, поскольку стоял апрель, а это самое подходящее время для рыбной ловли.

В тот вечер во время обеда, да и после него, обсуждалась неудачная облава того дня, равно как и пять предыдущих попыток выследить этого тигра. В попытках выяснить причину постоянных провалов старались не упустить ни малейшей детали. В первый раз тигр выскочил прямо на сидевшего на махане магараджу, и тот, не вставая с места, выстрелил в него из неудобного положения и промахнулся. В ходе следующих попыток, возобновлявшихся в течение трех лет, тигра вообще не удавалось выгнать, хотя следы ясно показывали, что он находился в долине до начала охоты. Пока все присутствующие писали свои соображения в блокноте и показывали их магарадже, я обдумывал ситуацию. Магараджа был хорошим охотником, почему бы, собственно, мне было и не помочь ему добыть этого тигра, раз уж ему так страстно этого хотелось? В то утро единственная ошибка состояла в том, что магараджу повели к его месту в махане мимо предполагаемого логова тигра. Но дело было, собственно, даже не в этом, потому что тигр ушел из долины именно в то время, когда магараджа начал свой путь к укрытию. Единственный тревожный крик каркера, который я услышал, еще когда мы выходили из автомобиля на дороге, возбудил во мне подозрение, что тигр покидал долину как раз в этот момент. Позднее, когда стало ясно,

что облава проходит в пустых джунглях, я решил осмотреть окрестности и проверить, нет ли другого пути, проходящего в стороне от маханов. За маханами, начинаясь на гребне холма, прямо в долину спускалась земляная осыпь. Именно с верха этого оползня и донесся до меня крик каркера. Если бы там оказалась звериная тропа, ведущая к зарослям, можно было допустить, что этим-то путем тигр и уходит всякий раз от облавы.

План, который я составил, пока другие разговаривали, состоял в том, чтобы устроить засаду как раз на гребне, разместить там магараджу и выгнать тигра прямо на него. Повторять облаву на следующий день, по всеобщему мнению, было бессмысленно, так как к старой добыче зверь, конечно, не вернется, а о новой пока не было ничего слышно. Так что, если бы мой план не удался, вреда от него не было бы все равно никакого, ведь к облаве на следующий день все равно готовиться было не нужно. Взяв блокнот у одного из секретарей, я написал: «Если вы сможете быть готовым завтра в пять утра, я осмелюсь предложить вам охоту на этого тигра, организованную силами всего одного человека». Прочитав написанное, магараджа передал записку секретарю, и далее она пошла по рукам всех присутствующих в комнате. Я предвидел, что свита станет возражать, и не ошибся. Но магарадже мой план понравился, и придворным пришлось подчиниться. Было решено, что все условности будут отставлены и магараджа отправится на охоту в сопровождении только двух оруженосцев.

Ровно в пять утра магараджа с двумя слугами и я сели в автомобиль и проехали по дороге три мили до того места, где для нас был приготовлен слон с маленьким маханом на спине. Магараджа и два его телохранителя разместились на слоне, а я пошел пешком впереди через лес, тянувшийся на несколько миль. Раньше в этом лесу мне не приходилось бывать, но, к счастью, у меня хорошо развито чувство направления и, несмотря на темноту, я сумел выбрать более или менее верный курс, и к рассвету мы вышли на гребень, с которого начиналась осыпь. Здесь я с большим удовлетворением обнаружил хорошо нахоженную звериную тропу, ведущую из долины вверх по склону холма. Махан установили на дереве возле тропы, и на нем разместились сам магараджа и один из оруженосцев. Погонщика со слоном отослали обратно. Второму оруженосцу я приказал засесть на дереве у дальнего края гребня. Сам я отправился выгонять тигра.

Спуск в долину был крутым и обрывистым, но ружье я с собой не брал и спустился благополучно. Миновав наши вчерашние засады, я стал осторожно приближаться к лесу. Приблизившись к

предполагаемому логову зверя на двести ярдов, я повернул обратно и пошел по своим же следам, тихо разговаривая сам с собой. У того места, где тигр втаскивал тушу убитого им буйвола в заросли, лежало старое поваленное дерево. Я закурил сигарету и присел на него, вслушиваясь в джунгли. Все было тихо. Я кашлянул несколько раз и постучал каблуками по дуплистому стволу. Затем я пошел посмотреть на останки буйвола, чтобы понять, возвращался ли к ним тигр. Туловище буйвола было спрятано между кустами, и я был рад убедиться, что тигр завтракал всего несколько минут назад, так что земля, на которой он лежал, еще не успела остыть. Вернувшись бегом к дуплистому дереву, я заколотил по нему камнем и принялся орать что было сил — таким образом я подавал знак оруженосцам магараджи, что тигр снялся с места. Через пару минут наверху прогремел выстрел, а выйдя к гребню, я увидел магараджу возле распростертого у его ног тигра, с интересом рассматривающего свою добычу.

Во дворце Джинда, где теперь живет его старший сын, висит шкура тигра, на которой написано: «Тигр Джима». А в последней охотничьей книге магараджи есть запись с указанием точной даты, места и обстоятельств, при которых был убит старый тигр.

Случай третий

Эта охота было особенно знаменательной. Не только для нас, тех, кто удостоился чести принять в ней участие, но и для администрации провинции: впервые в истории вице-король Индии[19] свернул со своего обычного охотничьего маршрута, чтобы провести несколько дней в джунглях близ Каладхунги.

Никто другой в Индии не был так привержен традициям, как вице-король. И отклонение от привычного было для него чем-то чрезвычайным, что нельзя было предвидеть и к чему нельзя было подготовиться заранее. Неудивительно, что когда лорд Линлитоу, незадолго до этого удостоенный титула вице-короля, объявил о своем решении изменить маршрут, которым следовали его предшественники, это вызвало переполох по всей стране. По традиции правитель Индии объезжает южные провинции именно в те десять дней, что отделяют закрытие законодательных учреждений в Дели от их открытия в Симле. Но лорд Линлитоу поступил вопреки этому веками освященному правилу, чем вызвал бешеное трепыхание крыл в правительственной голубятне.

Я, человек с улицы, не имевший ни малейшей связи с правительственными сферами, пребывал в счастливом неведении

о том, как вращаются колеса административного механизма. Дело было в конце марта. Однажды я вышел из нашей усадьбы в Каладхунги, собираясь порыбачить в надежде поймать что-нибудь к обеду. Тут я увидел Рам Сингха, в чьи обязанности входило забирать нашу ежедневную почту в отделении связи, отстоящем от нашего дома на две мили. Он примчался, держа в руках телеграмму, которая, по словам почтмейстера, была очень срочной. Телеграмма, пересланная из Найни-Тала, была от Хью Стейбла, секретаря вице-короля Индии по военным вопросам. Он сообщал, что визит в южные провинции отменен, и просил порекомендовать место, где вице-король мог бы провести десять дней и поохотиться, прежде чем переберется на летнее время в Симлу. В конце телеграммы выражалась надежда на быстрый ответ, так как дело было важное, а времени оставалось мало. Рам Сингх не говорил по-английски, но, прослужив нам тридцать лет, понимал язык. Пока я читал телеграмму Мэгги, он стоял рядом в ожидании поручений, после чего сказал, что быстро сбегает что-нибудь поесть и через несколько минут будет готов отправиться с моим ответом в Халдвани. Халдвани — ближайший от нас телеграфный пункт и телефонная станция — находился в четырнадцати милях от Каладхунги. Послав ответ с Рам Сингхом, а не с обычным курьером, я выигрывал по крайней мере сутки. В моем ответе Хью Стейблу говорилось: «Позвоните мне, пожалуйста, в Халдвани завтра в одиннадцать утра». Отправив его с Рам Сингхом, я во второй раз взялся за свою удочку. Во время рыбной ловли хорошо думается, а рыба к обеду все равно нужна. Телеграмма Хью Стейбла была сигналом SOS, и мне надо было понять, чем же я могу ему помочь.

Пройдя две мили по дороге на Кота, я повернул на Фарм-Ярд, где маленьким мальчиком убил своего первого леопарда, и пошел к речной заводи, где водились мои старые знакомые — трехфунтовые махсиры. Подойдя к ней, я увидел на мокрой глине четкие отпечатки лап тигра, переходившего реку рано утром. У верхнего края заводи, где было глубже и поток стремительнее, над водой возвышались три больших камня, постоянно мокрые от брызг и скользкие, как лед. Леопарды прыгали по ним, как по ступенькам, перебираясь через реку. Однажды я видел, как то же самое пытался сделать и тигр. В тот день я шел за тигром целую милю так, что тот этого даже не подозревал. Дважды я был от него на расстоянии выстрела, но не решился стрелять, не будучи уверенным, что убью наповал. Кроме того, я видел, что зверь направляется к реке, и предпочел не упускать его из виду, рассчитывая выстрелить, когда тигр будет переходить реку вброд. Но когда зверь подошел к берегу, стало ясно, что лезть в воду он

не собирается, а рассчитывает перебраться на противоположный берег по камням. Это было мне на руку, так как спуститься к воде тигр мог только по двадцатифутовой расщелине в обрывистом высоком береге. Когда зверь стал в нее спускаться, я бросился вперед и залег на верхнем краю обрыва у него над головой.

Все три камня располагались таким образом, что только олимпийский чемпион при хорошем разбеге сумел бы совершить тройной прыжок и пересечь реку. Как грациозно проделывали это упражнение леопарды, я видел. Тигр успешно прыгнул первый раз, я в этот момент пригнул голову и спрятался за краем обрыва, но со вторым прыжком ему повезло меньше — поскользнувшись на мокром камне, зверь кувырком полетел в бурные, глубокие воды. Из-за шума воды я не слышал, что он говорил по этому поводу, но думаю, что приблизительно то же самое, что и я, когда немногим ранее пытался перебраться через реку таким же образом. На противоположном берегу стремнины был небольшой песчаный пляж. Выбравшись на него, тигр встряхнулся, лег и начал перекатываться, обсушивая свою роскошную зимнюю шубу о горячий песок. Потом он поднялся на ноги, еще раз отряхнулся и спокойно удалился безо всяких препятствий с моей стороны, потому что в джунглях не принято досаждать зверю, если он тебя развлек. И вот теперь на песке снова были отпечатки лап того же тигра, хотя и было ясно, что на этот раз он сумел благополучно преодолеть каменную переправу, так как следы были сухими.

Напротив трех камней, служивших переправой, с дальнего берега глубоко в воду вдавалась скала, образуя маленький заливчик. Это было излюбленное место моих приятелей, трехфунтовых рыбок. Уже дважды я забрасывал леску у скользкого утеса, и оба раза, недолго поводив, махсиры срывались. Забрасывать приходилось далеко, что было не просто, так как над водой низко нависали ветки деревьев, а удочкой можно было пользоваться только растянувшись на земле: махсир, у которого полно врагов и в воздухе, и в воде, и на суше, очень осторожен. Он внимательно следит за тем, как на воду ложатся тени, и подобраться к нему не просто. Миновав место, где на берегу виднелись отпечатки лап, я прошел немного вверх по реке, положил удочку и присел покурить, пока моя десятифутовая леска, изготовленная в то утро из тщательно отобранных кишок, размокала под камнем. Когда все было готово, я отмотал с барабана достаточно длинный, на мой взгляд, кусок лесы и, крепко зажав его в руке, пополз к тому месту, с которого было удобно забросить ее за скалу сбоку, так как сделать это прямо с берега было нельзя. Моя леска, заброшенная в честь трехфунтовок, упала точно в то место, которое я наметил, и,

когда я стал осторожно выводить ее из-за скалы на открытое место, послышались всплески, леску стало вести из стороны в сторону, и вскоре я понял, что третий за последнее время приятель надежно и правильно насажен на мой крючок. Когда пользуешься легкой снастью, нельзя сразу же тянуть, надо сначала вытравить столько лесы, сколько возможно, чтобы не дать рыбине возможности доплыть до какой-нибудь коряги на противоположном берегу. Я ловил у правого берега, а у левого, в тридцати ярдах ниже по течению, с берега в воду выступал кривой корень. В двух предыдущих случаях рыба цеплялась за этот корень и уходила, но на этот раз я сумел провести махсира в нескольких дюймах от корня. Очутившись в заливчике, рыба почувствовала себя в безопасности. Я дал ей немного погулять, а затем вытащил на песчаный берег и прижал рукой, поскольку не захватил с собой подсачника. Мои расчеты на трехфунтовую добычу оказались заниженными на полфунта, так что пунтиуса хватило на обед не только нам, но и больному мальчику, за которым Мэгги ухаживала в деревне и который обожал рыбу.

Следуя данному мне в детстве на стрельбище совету, я послал Хью Стейблу уклончивый ответ, обеспечив тем самым себе время для размышлений. Не знаю, в какой мере на меня подействовали четкие отпечатки лап и удачная рыбалка, но только к тому времени, когда я пришел домой, я уже решил, что единственное место, которое могу предложить для охоты вице-короля, — это Каладхунги. Мэгги приготовила чай на веранде, и мы как раз с ней все это обсуждали, когда пришел Бахадур. Он умел держать язык за зубами, когда было надо, и поэтому я рассказал ему про телеграмму, полученную из Дели. Когда Бахадур бывал взволнован, глаза его буквально плясали на лице, но таких танцев, как в тот вечер, мне видеть еще не приходилось. Возможно ли, сам вице-король пожалует в Каладхунги! Неслыханное дело! Позднее, когда о приезде вице-короля было уже точно известно, обрадованы и польщены были все жители деревни. Они не надеялись извлечь какую-либо выгоду из этого визита. Они просто желали помочь сделать визит успешным.

Было еще темно, когда следующим утром я отправился в свой четырнадцатимильный путь в Халдвани, потому что до разговора с Хью Стейблом мне хотелось повидать Джефа Хопкинса, стоявшего лагерем в Фатехпуре. Первые семь миль дорога шла через джунгли, в это время безраздельно принадлежавшие лишь лесным обитателям и мне. Когда я был в миле от базара в Каладхунги, стало светать и на дорожной пыли я увидел свежие следы леопарда, шедшего в том же направлении, что и я. А на изгибе дороги я увидел и его самого в двухстах ярдах впереди.

Похоже, он уже знал о моем присутствии, потому что не успел я выйти из-за поворота, как он оглянулся. Однако с дороги зверь не сошел, а продолжал идти, поглядывая изредка через плечо. Только когда дистанция между нами сократилась до пятидесяти ярдов, он свернул в невысокую траву. Продолжая идти, глядя прямо перед собой, я краем глаза видел, как леопард залег в траве в нескольких футах от дороги, а пройдя еще ярдов сто, я обернулся и увидел, что он снова вернулся на нее и продолжает идти. Для него я был просто путником, которому он уступил путь. Еще через несколько сотен ярдов зверь свернул с дороги и направился в глубокую лощину. Где-то с милю я прошел один, а потом слева на дорогу из леса выбежали пять красных волков. Быстроногие и бесстрашные, они передвигаются по джунглям с легкостью бабочек и кормятся, когда голодны, только лучшей пищей. Из всех известных мне животных никто не живет лучше, чем индийские красные волки.

Джеф и Зилла Хопкинс как раз сели завтракать, когда я появился на пороге их лесной хижины. Узнав, по какому поводу я пришел, они очень разволновались и обрадовались. Джеф был в ту пору старшим охотничьим инспектором правительственных угодий в Тераи и Бхабаре, и без его помощи и согласия я не мог делать никаких конкретных предложений Хью Стейблу. Джеф по-деловому и с благородством подошел к решению проблемы. Для успешного проведения охоты в лесу надо было выделить два участка, где разрешена охота. К счастью, в тот момент оказались свободны два приглянувшихся мне участка, и Джеф пообещал зарезервировать их для меня. Кроме того, он любезно предложил мне воспользоваться еще участком Дачаури в прилегающем правительственном лесу, который он оставил для себя. Все шло отлично, начиная с четких отпечатков на берегу и удачной рыбалки и кончая беседой с Джефом. Я даже не замечал, как мелькали мили у меня под ногами по дороге до Халдвани.

Хью Стейбл был у телефона ровно в одиннадцать. И мы в течение часа непрерывно вели с ним переговоры по трехсотмильной линии. Я сказал Хью, что у подножия Гималаев есть маленькая деревушка Каладхунги, окруженная кишащими дичью лесами, и что я не знаю в Индии другого места, где можно было бы так славно провести отпуск. От Хью, в свою очередь, я узнал, что компания вице-короля будет состоять из их превосходительств лорда и леди Линлитоу, трех их дочерей — леди Анны, леди Джоаны и леди Дорин (Банти) Хоуп. С ними будет следовать свита, потому что даже в отпуске вице-король целый день работает. Наконец мне сказали, что на все приготовления мне дано пятнадцать дней. Маус Максвелл,

суперинтендант двора, прибыл из Дели в Каладхунги на автомобиле на следующий же день, а вслед за ним пожаловали начальники полиции и службы безопасности, руководители гражданской администрации, лесного департамента и множество другого начальства. Но самое ужасное состояло в том, что явился гвардейский офицер, сообщивший мне, что с ним прибыли солдаты для охраны особы вице-короля.

Бахадур был прав, когда говорил, что потребуется серьезная подготовка, но ни он, ни я не представляли, насколько серьезной она окажется. Благодаря искреннему стремлению каждого сделать свое дело хорошо, работа продвигалась дружно, без единого сбоя или отступления от правил. Было выслежено четыре тигра, и всех их удалось застрелить с минимальными затратами — при том, что большинство участников охоты никогда не видали хищников на воле. Только знающий человек поймет, насколько сложно организовать облаву на тигра. Наступил заключительный день охоты. Лишь самая молодая участница экспедиции еще не сделала свой выстрел. Облаву наметили провести на полукруглой площадке, образовавшейся на месте старого русла реки Боар, теперь же густо поросшей девственным лесом и кустарниками, перемежавшимися небольшими островками нала и рощицами диких апельсиновых деревьев. На деревьях, растущих на том, что когда-то было берегом реки, было устроено пять маханов, на которые и предполагалось выгнать тигра из чащи.

Поскольку охотники часто спугивают зверей, пока с ружьями крадутся мимо них к своим маханам, я повел свою партию в обход и подвел ее к платформам с тыла. Сопровождающие нас люди расселись по деревьям в соответствии с моими указаниями веером слева и справа от платформ. Питер Борвик (один из офицеров вице-короля), Бахадур и я развели охотников по их позициям. На первый махан я поместил Анну, на второй — вице-короля. Третья платформа стояла на единственном в том месте низкорослом дереве лесной сливы, и я собирался посадить туда для страховки Бахадура на тот случай, если тигр бросится в эту сторону. Тогда Бахадур мог бы остановить его выстрелом и заставить повернуть налево. С учетом этого я посадил на четвертый махан Банти, единственную, кому еще не приходилось стрелять в тигра. Звериная тропа из зарослей, где, как было известно, залег зверь, шла вверх по берегу и проходила как раз под маханом номер три. Я был уверен, что тигр пойдет именно этим путем. А поскольку площадка была устроена всего в шести футах над землей, я решил, что будет вполне безопасно поместить там опытного стрелка, но недостаточно надежно для

начинающего. Однако теперь, когда две девушки, Питер, Бахадур и я дошли до этого махана и Бахадур уже начал карабкаться наверх, я, под влиянием момента, решил изменить план. Положив руку на площадку, которая была вровень с моей головой, я шепнул Банти, что хотел бы оставить ее здесь вместе с Питером для компании. Я сразу же предупредил ее о всей опасности такого решения, но она согласилась без тени сомнения. Я также просил ее не стрелять до тех пор, пока зверь не дойдет до указанного мною места, и тщательно целиться прямо в горло. Банти пообещала следовать этим рекомендациям, и мы с Питером подняли ее на махан. Потом я усадил Питера и дал ему свою винтовку калибра 450/400, такую же, как была у Банти. (Питер ведь был без ружья, потому что собирался вместе со мною начинать гнать зверя.) Затем, спустившись на берег, я прошел по звериной тропе и в двадцати ярдах от махана, на котором сидела Банти, положил поперек тропы сухую палку. Обернувшись на Банти, я видел, как она покивала мне головой в знак понимания.

Леди Джоан, Бахадур и я пошли к дереву, на котором был установлен махан номер четыре. Этот помост находился в двадцати ярдах от земли, и от него до третьего было около тридцати ярдов. Видимость между двумя этими платформами была идеальной, так как ничего не заслоняло их друг от друга. Я забрался на помост вместе с Джоан и, вручив ей ружье, попросил не пропускать тигра к махану номер три, если Питеру и Банти не удастся остановить тигра. «Я постараюсь, — ответила она и добавила: — Не беспокойтесь». Кустов вокруг не было, лишь несколько чахлых деревьев на ближнем берегу. Тигр был бы виден прекрасно из обеих засад в момент, когда он выйдет из зарослей в шестидесяти ярдах отсюда, до того самого момента, как его убьет, как я надеялся, Банти. Посадив на всякий случай Бахадура на пятый помост, я сделал круг по наружной стороне кольца и вышел к реке Боар.

Шестнадцать слонов, которые должны были начать облаву, собрались четвертью мили ниже по течению возле заводи, где я ловил махсиров. Ими распоряжался старый Мохан, мой давнишний приятель, около тридцати лет служивший старшим шикари у Уиндхема. Он знал о тиграх больше, чем кто-либо другой в Индии. Мохан уже поджидал меня, и, как только я вышел из леса и махнул ему шляпой, он сразу же дал команду слонам двигаться вдоль русла. Построившись в линию, шестнадцать животных отправились в путь по усыпанной галькой и валунами почве. Им потребовалось время, чтобы пройти эти самые четверть мили, и все это время, сидя на валуне и покуривая, я раздумывал. Но чем больше я думал, тем тревожнее

мне становилось. Впервые я рисковал жизнью другого человека, а может быть, двоих. И то, что это происходило впервые, меня совсем не утешало.

Еще до прибытия в Каладхунги лорд Линлитоу просил составить для него свод правил. Потом он с точностью им следовал, и несмотря на то что в лагере ежедневно триста человек упражнялось в стрельбе с ближнего и дальнего расстояния, никто не получил ни царапины. И вот в последний день я, человек, которому все доверяют, совершил поступок, достойный самого серьезного сожаления. На хрупкий помост всего в шесть футов высотой от земли, которому я бы не доверил жизнь ни одного из своих знакомых, я посадил молодую девушку чуть старше шестнадцати лет, заставив ее стрелять в тигра, когда он выскочит прямо на нее, — самый опасный выстрел, который только можно себе представить, когда имеешь дело с тигром.

И Банти, и Питер были, конечно, отважные люди, о чем можно было судить по тому, с какой решимостью они взбирались в засаду, хотя и понимали опасность затеи. Но одной отваги без точности мало, и можно только гадать, смогут ли они унять дрожь, прицеливаясь. Мохан со слонами прибыл, когда я все еще не решил, начинать ли облаву или лучше все отменить. Я рассказал ему о своей промашке. Он втянул в себя воздух (индийский эквивалент европейского свиста), зажмурил глаза, затем открыл их и изрек: «Не бойся, саиб, все будет в порядке».

Загонщикам я объяснил, что очень важно гнать тигра так, чтобы не испугать его. Они должны были выстроиться цепью на берегу и ждать моего сигнала. Было установлено, что, когда я махну шляпой, они разом все закричат, а потом начнут хлопать в ладоши до тех пор, пока я не надену шляпу снова. Эта комбинация будет повторяться с небольшими интервалами. Если так выгнать тигра не удастся, то я дам им сигнал идти вперед. Но двигаться надо будет молча и очень медленно. Наш первый крик должен поднять тигра и одновременно предупредить тех, кто сидит на маханах.

Загонщикам предстояло пройти полосу джунглей шириной триста и длиной пятьсот ярдов, и, когда слоны выстроились в ряд с обеих сторон от меня, я снял шляпу и взмахнул ею. Издав радостный вопль, люди стали хлопать в ладоши. Минуты через три-четыре я водрузил шляпу обратно. Замбары, каркеры, читалы, павлины и кустарниковые куры в тех местах водились, и я стал прислушиваться, надеясь уловить сигнал тревоги. Но ничего не было слышно. Через пять минут я снова снял шляпу и помахал ею минуту-другую, после чего раздался выстрел. Я стал считать секунды, так как на тигриной охоте многое можно понять по

интервалу между выстрелами. «Один, два, три, четыре, пять», — считал я, однако свой следующий вздох я смог сделать только тогда, когда услышал еще два выстрела, которые прогремели почти одновременно. Опять «один, два, три, четыре», и послышался четвертый выстрел. Первый и четвертый выстрелы были сделаны из оружия, направленного в мою сторону, второй и третий — из оружия, обращенного от меня. Это могло означать только одно: случилась беда и Джоан пришлось идти на помощь, так как с помоста, на котором располагался вице-король, махан Банти не был виден.

Сердце мое бешено колотилось, меня переполняли страхи, которые было невозможно выразить. Я передал управление группой слонов Мохану и велел Ахмату, погонщику моего слона, гнать как можно скорее на звук выстрелов. Ахмат, вышколенный Уиндхемом, был бесстрашным человеком и лучшим погонщиком слонов из тех, кого мне доводилось видеть. Слон его был прекрасно выдрессирован и приучен не бояться выстрелов. Мы неслись напрямик по колючим кустарникам, через валуны и ямы, под низко свисавшими ветвями деревьев, и все это время тяжелые мысли мчались еще быстрее и впереди нас.

Когда мы вломились с ходу в заросли нала двенадцатифутовой высоты, слониха вдруг замедлила ход и приостановилась. Ахмат обернулся ко мне и прошептал: «Она учуяла тигра. Держитесь крепко, сахиб, вы ведь не вооружены». Оставалось пройти еще ярдов сто. От сидящих в засаде не было слышно никаких сигналов, хотя им было велено свистеть в кондукторский свисток, если бы кому-то понадобилась помощь. Но отсутствие свиста меня не успокаивало, потому что я по опыту знал, что уронить с помоста такую мелкую вещь, как свисток, проще простого. Наконец сквозь деревья я увидел Джоан и вскрикнул от радости и облегчения, так как она беззаботно сидела на помосте с винтовкой на коленях. Увидев меня, она развела руки широко в стороны, из чего я заключил, что тигр был большим, а потом указала на что-то под помостом Банти.

Сейчас я доскажу эту историю, от которой и сегодня, спустя пятнадцать лет, кровь моя стынет в жилах, историю, которая окончилась благополучно исключительно благодаря отваге троих молодых людей и потрясающей точности выстрела.

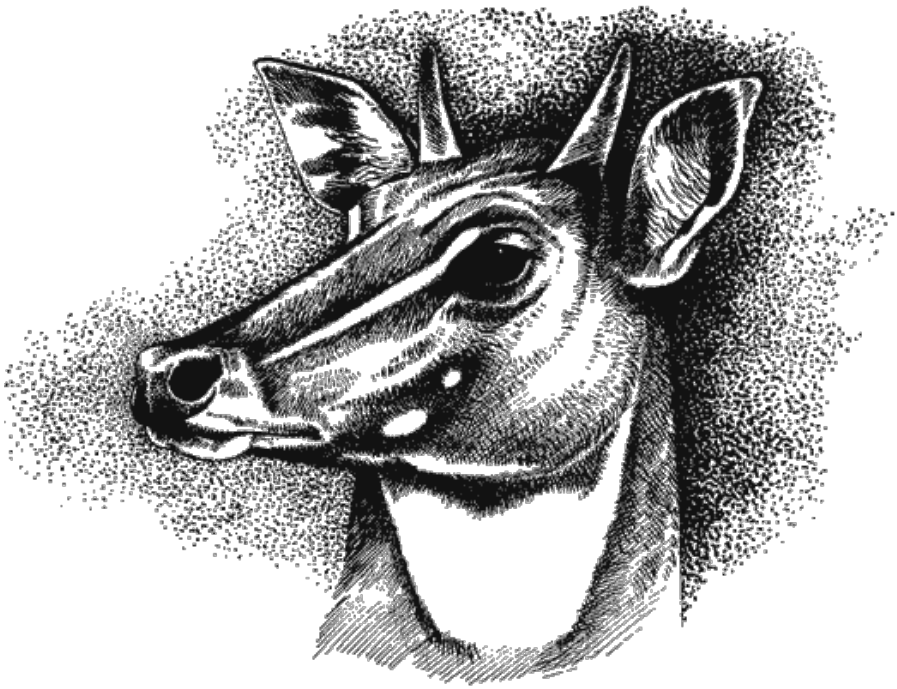
Сидевшие в засаде прекрасно слышали наши крики и хлопки. Вскоре после того, как звуки смолкли, тигр действительно выскочил из своего укрытия в шестидесяти ярдах от махана номер три и медленно двинулся по тропе. Он достиг подножия крутого берега реки, когда мы закричали во второй раз. Остановившись, тигр обернулся на этот шум. Убедившись, что

можно не спешить, он постоял минутку, прислушиваясь, и стал подниматься вверх по склону. Когда он оказался в том месте, где я положил палку, Банти выстрелила, но попала в грудь, так как голову тигр держал опущенной и горла видно не было. Раненный хорошим выстрелом тигр с рыком ринулся снизу прямо на махан прежде, чем Банти и Питер успели выстрелить во второй раз.

Хрупкий тростниковый помост, устроенный на низком дереве, мог просто развалиться под ударами зверя. Пока Банти и Питер пытались просунуть ружья сквозь щели в настиле, Джоан со своей платформы, находившейся в тридцати ярдах от них, свалила тигра с первого выстрела и выпустила в него вторую пулю, когда он упал. После второй пули Джоан тигр побрел вниз по берегу, явно намереваясь скрыться в густых зарослях. Но Банти выстрелила ему вдогонку в затылок.

Это был первый визит вице-короля в Каладхунги, но не последний. И во всех последующих случаях, когда он удостаивал нашу деревню своим присутствием, мне ни разу не приходилось беспокоиться о его безопасности или безопасности его сопровождающих. Потому что никогда больше я не рисковал так, как в последний день той незабываемой охоты.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ



С ноября по март в предгорьях Гималаев стоит бесподобная погода. Февраль — самый лучший из этих пяти месяцев. Свежий воздух бодрит; повсюду множество пернатых, спустившихся сюда с верховий в ноябре в поисках пищи и тепла и пока еще не улетевших обратно. Деревья, всю осень и зиму стоявшие без листвы нагими и исхудалыми, оживают, зацветают и начинают одеваться нежным кружевом листвы всех оттенков зеленого и розового. В феврале весь воздух напоен весной, она играет в соках растений и в крови у зверей. И в северные горы, и в южные равнины, и в укромные уголки предгорий весна приходит непременно ночью. Ложишься спать зимой, а просыпаешься, когда уже наступила весна и природа вокруг тебя ликует в предчувствии предстоящих удовольствий — еды, тепла и продолжения жизни. Перелетные птицы сбиваются в небольшие стайки, эти стайки сливаются с другими, и в назначенный день по команде вожака все голуби, длиннохвостые попугаи, дрозды и другие птицы, питающиеся плодами, трогаются в сторону облюбованной для гнездовий долины. Насекомоядные тоже начинают перепархивать с дерева на дерево, двигаясь в том же направлении и повинуясь тому же инстинкту. Но они будут

покрывать от силы несколько миль в день.

Пока перелетные готовятся к отлету, а постоянные обитатели предгорий заняты выбором пары и мест для строительства гнезда, все остальное население джунглей участвует в вокальных состязаниях, начинающихся на рассвете и продолжающихся без перерыва до позднего вечера. Хищные птицы — непременные участники этих конкурсов, лучший певец среди них — орел-змееяд, посылающий на землю свой пронзительный клекот с высоты, где на фоне голубого неба он кажется лишь маленьким пятнышком.

В бытность свою армейским инструктором по операциям в условиях боевых действий в лесу я отправился однажды в джунгли Центральной Индии вместе с группой мужчин, которые интересовались птицами. Высоко над нашими головами кружил орел-змееяд, издававший свой пронзительный клекот. Отряд наш состоял из новобранцев разных частей Соединенного Королевства, которым предстояло отправиться в Бирму. Этот вид орла был им совершенно не известен. Когда мы оказались на открытом пространстве, я показал им на пятнышко в небе. Полевые бинокли были немедленно настроены, но, увы, птица была слишком высоко и далеко и рассмотреть ее было невозможно. Приказав солдатам стоять тихо и не шевелиться, я достал из кармана трехдюймовую тростинку и подул в нее. Если такую тростинку расщепить с одного конца и зажать пальцем с другого и подуть в нее, то получается звук, очень напоминающий крик попавшего в беду молодого оленя. Я учил молодых солдат пользоваться этим сигналом, так как крик оленя — это единственный звук, естественный в джунглях днем и ночью, если, конечно, в этом лесу вообще водятся олени. Поэтому он не должен привлечь внимание противника.

Едва заслышав мой сигнал, орел перестал кричать, ибо змееяд, хотя и питается пресмыкающимися, не брезгует и другой пищей. Сложив крылья, он в свободном падении пролетел несколько сотен футов и стал кружить. С каждым моим криком он приближался, пока не оказался прямо над верхушками деревьев, под которыми мы стояли. Теперь его можно было рассмотреть с близкого расстояния. Помнит ли кто-нибудь из тех пятидесяти, если они уцелели после Бирманской кампании, тот день в джунглях близ Чиндвара и то, как солдаты были расстроены оттого, что я не смог заставить орла сесть на ближний сук, на котором его можно было бы сфотографировать? Не важно. Давай пойдем в лес сегодня, в это весеннее утро, и мы увидим массу интересных вещей, ничуть не худших, чем тот орел-змееяд.

С того дня в Чиндваре по дороге знаний пройден большой

путь. Самосохранение научило тебя видеть все, что происходит вокруг в радиусе 180 градусов. Теперь тебе кажется совершенно естественным, что ты можешь точно определить направление, откуда донесся звук, — раньше тебе это казалось таким трудным. В детстве ты научился отличать по запаху розу от фиалки, а теперь ты можешь, принюхавшись, издали узнать любое дерево или растение по аромату его цветов, даже если цветы на самой верхушке в чаще веток и не видны с земли. Ты узнал немало, это добавило тебе смелости, уверенности и удовольствия от пребывания в джунглях. Но многое еще предстоит узнать. И в это дивное утро мы добавим кое-что в копилку наших знаний.

Как я говорил, северной границей нашей усадьбы был канал, где обычно купались девочки и через который был переброшен мост. Канал этот назывался «Биджли-Дант», что означает «светящаяся вода». Первый мост был построен сэром Генри Рамзеем и сгорел во время пожара много лет назад. Из-за местных суеверий, по которым пожарище всегда привлекает злых духов, обычно в виде змей, фундамент старого моста при строительстве нового использовать не стали. Вместо этого рядом был возведен новый акведук, который успешно выполняет свои функции уже более пятидесяти лет.

Если лесные звери, проходящие через деревню в джунгли в северном направлении, не хотят перепрыгивать через поток шириною десять футов или переходить его вброд, то они перебираются на противоположный берег по мосту. От него мы и начнем сегодня утром.

На песке внизу, у арки моста, видны следы зайца, оленя, кабана, дикобраза, гиены и шакала. Мы проследим только следы дикобраза, потому что они были оставлены уже после того, как легла вечерняя роса и стих ночной ветер, и поэтому не занесены песком. На каждом отпечатке четко видны оттиски пальцев и подушечки: дикобраз не крался и не ставил ноги след в след. Перед каждым следом видны отпечатки сильных длинных когтей, которыми животное добывает пищу. Подушечки на задних лапах у дикобраза продолговатой формы. Пятка у него вытянута не так сильно, как у медведя, но достаточно, чтобы ее отпечаток можно было отличить от следов других животных. Если возникают сомнения, то надо присмотреться: между следами или параллельно им можно заметить множество точно прочерченных линий. Это следы от длинных иголок, свисающих со спины зверя и волочащихся по земле. Дикобраз не сбрасывает свои иглы и не вонзает их во врага. Его оборона выражается в том, что животное ощетинивает иголки и начинает задом наступать на противника. Иглы на кончике хвоста дикобраза — полые, немного похожие на

ножки стеклянных рюмок. Они нужны для того, чтобы греметь и отпугивать врагов, а также приносить воду в свою нору. Когда дикобраз залезает в воду, иглы быстро заполняются водой, а эта вода нужна зверю, чтобы в его норе всегда было прохладно и чисто. Дикобразы — вегетарианцы и питаются кореньями, фруктами и семенами. Они едят и сброшенные оленями рога или рога животных, убитых леопардом, тигром или дикими собаками. Может быть, они это делают, чтобы восполнить в организме запасы кальция, которого мало в их обычной пище. Хотя дикобраз животное не крупное, сердце у него мужественное и он готов сразиться с противником, даже если тот превосходит его силами.

Вверх от моста русло становится каменистым, и на протяжении нескольких сотен ярдов следов мы не увидим, пока не дойдем до полосы жирного ила, намытого сбегающими с возвышенностей потоками. На иле хорошо видны отпечатки следов всех зверей, которые пользуются сухим руслом как шоссе. По обе стороны от этой полоски ила — заросли лантаны,[20] где днем можно встретить оленя, кабана, павлина и кустарниковую курицу. Ночью здесь рискуют появляться только леопарды, тигры и дикобразы. Слышно, как в зарослях кустарниковая курица копошится в сухой листве, а в нескольких сотнях ярдов от нее на суку высохшего дерева сидит самый опасный ее враг — хохлатый орел. Орел этот — враг не только кустарниковой курицы, но и фазана. Это его естественная добыча, и то, что в лесу тем не менее численность и молодых пернатых, и старых остается высокой, свидетельствует о том, что они вполне в состоянии о себе позаботиться. Поэтому я никогда не мешаю орлам. Вернее, не мешал до одного случая. Как-то раз, услышав испуганный крик оленя и прибежав на него, я увидел, как хохлатый орел свалил наземь месячного олененка, вцепившись когтями ему в голову, в то время как обезумевшая мамаша кругами носилась по поляне, пытаясь брыкнуть птицу копытами. Кровь и ссадины на голове орла показывали, насколько отважно отчаявшаяся олениха защищала малыша, но орел был для нее слишком велик. Я мог бы избавить их от врага. Но помочь олененку было нельзя иначе как избавить его от дальнейших страданий, ибо даже если бы мне и удалось залечить его раны, то вряд ли я смог бы вернуть ему зрение. Этот случай стоил жизни многим орлам, которые попадались мне потом в джунглях. Замечу, что подкрасться к ним на расстояние выстрела из обычного ружья трудно, но зато они прекрасная мишень для стрельбы из дальнобойного.

Та птица, что сейчас расположилась на дереве, может нас не опасаться: мы пришли смотреть, а не сводить счеты с врагами олененка. В дни моего увлечения рогаткой самая грандиозная

схватка с участием хохлатого орла произошла на песчаном берегу немного ниже моста через реку Боар. Возможно, приняв по ошибке за зайца рыбьего кота, орел налетел на него. То ли он потерял самообладание, то ли просто не смог сразу высвободить свои когти, но началась смертельная схватка. Оба противника были прекрасно вооружены для боя — кот зубами и клыками, а орел клювом и когтями. Жаль, что фотосъемка в те годы еще не вышла за рамки студий, а киносъемка была неизвестна вовсе, так что запечатлеть эту долгую и отчаянную битву было невозможно. У кота, казалось, было девять жизней, но и у орла их оказалось не меньше десяти, и ставкой в их споре была сама жизнь. Унося в когтях девятую жизнь кота, орел бросил на песке труп своего врага и, волоча сломанное крыло, поплелся к воде, чтобы, утолив жажду, расстаться там со своей десятой жизнью.

От зарослей к открытой лужайке тянулось несколько звериных троп, и пока мы разглядывали орла, молодой олень читал вышел из чащи и направился к воде, намереваясь пересечь поток в пятидесяти ярдах от нас. Если мы замрем и будем оставаться без движения, он не обратит на нас внимания. Из всех лесных жителей читал производит впечатление наиболее пугливого, осторожного, боязливого. Даже здесь, на открытой поляне, он идет словно на цыпочках, аккуратно подгибая задние ноги, готовый на полном ходу умчаться прочь при первом же признаке опасности — шорохе или запахе. У этого оленя в джунглях плохая репутация. Считается, что это коварное и трусливое маленькое животное, сигналам об опасности, которые он подает, будто бы нельзя доверять. Я с этим не согласен.

Коварным нельзя назвать ни одно животное, так как способность к предательству присуща исключительно человеку, а именовать трусливым создание, которое, подобно читалу, живет в лесной чаще по соседству с тиграми, и вовсе нельзя. Что же касается того, стоит или не стоит полагаться на сигналы читала, то я вообще не представляю, может ли у человека, идущего по джунглям, быть друг лучший, чем этот олень. Он мал и беззащитен, а врагов у него много. И если на бегу читал залает на питона или лесную куницу, а не на тигра, как вы можете подумать, то это еще не основание считать его сигналы ложными. Ведь для него и ему подобных оба этих безжалостных зверя представляют собой реальную угрозу, и читал лишь выполняет свой долг лесного часового, предупреждая джунгли об их присутствии.

У читала в верхней челюсти имеется два длинных клыка. Они очень остры, и это единственное его оружие, так как концы его коротких рожек завернуты вовнутрь и в обороне от них мало

проку. Несколько лет назад в индийской прессе прошла длинная и неубедительная статья о странных звуках, которые иногда издает читал. Этот звук более всего похож на трещотку европейских менестрелей. Некоторые утверждают, что звук этот бывает слышен только в то время, когда олень бежит, и что поэтому его следует считать треском суставов животного на крутых поворотах. Другие полагают, что странный звук — не что иное, как результат того, что выступающие клыки читала трутся друг о друга, необъяснимым образом вступая в соприкосновение. Обе эти и все остальные гипотезы ошибочны. Читал издает этот звук ртом, так же как и все остальные звуки. Он делает это во многих случаях: например, когда сталкивается с неизвестным предметом, или если его вспугнула охотничья собака, либо он преследует соперника. Сигнал тревоги у читала — это звонкий отрывистый лай, похожий на лай обычной собаки среднего размера.

Пока олень переходил канал, справа от него показалась большая стая плодоядных и насекомоядных птиц. Среди них и перелетные, и те, что живут в предгорьях постоянно. Если мы останемся на месте, птицы станут летать у нас над головами и их можно будет хорошо рассмотреть, пока они кормятся на деревьях и кустарниках по обе стороны русла или перелетают с дерева на дерево. Издали трудно различить сидящих птиц по оперению, которое сливается с окружающим. Зато они прекрасно видны в полете, на фоне синего неба, когда каждый вид можно определить по силуэту и маху крыльев. В той стае, что к нам приближается, я вижу два вида личинкоедов: одни — короткоклювые, с алым оперением, другие — небольшие, с оранжевыми грудками. Личинкоеды устраиваются на самых верхних ветвях дерева или куста и со своих командных позиций стрелой взмывают в воздух за крылатыми насекомыми, потревоженными их сородичами или другими птицами, летающими поблизости. Рядом с личинкоедами мы видим:

шесть видов синиц — серая, желтоголовая, лазоревка, красноклювая, белоглазая и обычная зеленая;

четыре вида мухоловок — белолобая, белошеяя, серая и *verditer*;

шесть видов дятлов — золотистый, зеленый, рыжий, карликовый дятелок {*так*}, желтоголовый и острокрылый;

четыре вида бюльбюлей — золотистый, белокрылый, белощекий и коричневый;

три вида нектарниц — гималайская красная, фиолетовая и малая зеленая.

Помимо этих двухсот — трехсот птиц видна еще пара

золотистых иволг, которые гоняются друг за другом над деревьями; рядом и дронго, не столь активный и крупный, как его собратья, он следит за тем, чтобы вовремя перехватить лакомый кусочек (в данном случае это жирная личинка, которую добыл трудолюбивый дятел), не забывая о своем долге охранять стаю. Птицы взлетели и скрылись в джунглях слева от нас. Слышно только, как ворошит листву кустарниковая курица. Единственная птица, которую мы видим, — хохлатый орел, терпеливо и с надеждой ждущий своего часа на верхушке дерева.

Справа от нас на открытой лужайке растет несколько больших сливовых деревьев. С этой стороны звучит тревожный крик рыжей обезьяны, и через мгновение появляется целое стадо из пятидесяти или более озабоченно гомонящих и лающих обезьян разного размера и возраста. Вслед за ними показывается леопард. Он идет по более или менее открытому пространству, и не похоже, чтобы он выслеживал добычу; значит, он направляется в одну из глубоких лощин у подножия холма, где в жаркое время дня встреча с леопардом не редкость. Между сливовыми деревьями вьется тропа, по которой ходят и люди, и звери. Она пересекает сухое русло в двухстах ярдах от того места, где мы находимся. Я почти не сомневаюсь, что леопард пройдет по этой тропе. Стоит поспешить, пройти ярдов сто пятьдесят и засесть на высоком берегу спиной к обрыву. Ширина русла здесь всего пятьдесят ярдов, а на деревьях на противоположном берегу видно стадо лангуров. Все слышали сигнал, который подали рыжие обезьяны, поэтому все настороже, самки поглядывают на малышей, и все взоры обращены туда, откуда донесся сигнал тревоги.

За тропой можно не следить, молодой лангур на краю ветки соседнего дерева позаботится о том, чтобы предупредить нас, когда зверь появится. При виде леопарда лангуры ведут себя иначе, чем рыжие обезьяны. Возможно, оттого, что они лучше организованы или просто не так смелы, как их рыжие родственники. Если рыжие обезьяны увидят леопарда, то все стадо начнет галдеть и лаять, а если условия позволят, то обезьяны будут следовать за зверем, перебираясь по верхушкам деревьев. Лангуры совсем другие. Увидев леопарда, молодой дозорный издает крик «кхок-кхок-кхок», и тогда вожак стаи принимает руководство на себя. Вожак встает в полный рост, а дозорный замолкает. Теперь подавать сигнал тревоги, похожий на кашель, имеет право только вожак и самые старые самки. Никому и в голову не приходит следовать за леопардом по пятам. Молодой страж рядом со мной вытягивает морду вперед и, стоя на четырех лапах, начинает поводить ею во все стороны. Теперь

уже нет сомнений, что он заметил леопарда. Вот он отрывисто лает, и этот лай подхватывают две или три другие обезьяны из тех, что оказались рядом с ним. Теперь врага видит и вожак, он тоже подает голос, которому через секунду вторит одна из старых самок, чей крик похож на чихание. Молодые животные замолкают, они тревожно крутят головами и гримасничают. Похоже, что инстинктивно стадо чувствует, что на этот раз леопарда можно не бояться, он не голоден и не ищет добычу. Иначе он не вышел бы так открыто на сухое русло, а пересек бы его выше или ниже лужайки, чтобы подкрасться к ней незаметно. Хотя леопард и тяжелее лангура, он такой же проворный, так что поймать обезьяну для него не такая уж проблема. Иное дело справиться с рыжей обезьяной, которая непременно заберется на самую верхушку дерева, где ветки слишком тонки, чтобы выдержать вес леопарда.

Высоко подняв морду и сияя на ярком солнце своей красивой шубой, леопард не спеша пересекает русло, не обращая ни малейшего внимания на лангуров, гроздьями висящих на деревьях, к которым он направляется. На минуту он останавливается, чтобы окинуть взглядом русло, но, не заметив нас (мы неподвижно сидим, прижавшись спинами к склону обрыва), он продолжает свой путь. Взобравшись на высокий берег, зверь скрывается из глаз, но старые самки и вожак все еще продолжают подавать тревожные сигналы до тех пор, пока он не скрывается и от их взоров.

Теперь скорее к следам — там, где они четко отпечатались в красной глине на дне утоптанного босыми ногами русла. Поверх глины — слой превосходной белой пыли, так что видно все идеально. Допустим, мы не видели зверя и проходили по треку {*так*} случайно. Первое, на что мы обратили бы внимание, так это на свежесть следов — они выглядят так четко, как будто их только что здесь кто-то оставил. Это впечатление усиливается тем, что частицы земли и пылинки лежат плоско и ровно; от этого отпечатки когтей и подушечек отчетливы и расположены более или менее перпендикулярно. Пройдет немного времени, и под влиянием ветра и горячего солнца придавленные пылинки поднимутся и края следов начнут расползаться. Муравьи и другие насекомые, пробегающие по отпечаткам, нанесут на них травинок, где-то на следы упадут опавшие листья, и через какое-то время вообще они начнут стираться. Точно определить день и час, когда был оставлен след, нельзя, чей бы след это ни был — тигра, леопарда, змеи или оленя. Но если приглядеться и задуматься над тем, как расположен след, оставлен ли он на открытом месте или на скрытом от глаз участке; днем или ночью

(ведь все насекомые активны в разное время суток); сделать поправку на обычные для данной местности ветры и, наконец, прикинуть, когда примерно с деревьев и трав начинает стекать роса, — можно прийти к более или менее правильному заключению о том, насколько давно здесь проходило интересующее тебя животное. В нашем случае мы довольствовались внешним осмотром отпечатков и убедились, что он {*след*} свеж. Но это не единственное интересное, что мы узнали. Нужно еще было установить, молодым был зверь или старым, самцом или самкой, крупным или мелким. Круглая форма лапы свидетельствовала о том, что леопард был самцом. На подушечках не было шрамов и складок, сами отпечатки были довольно компактными, значит, зверь был молодой. Научиться понимать, насколько велик обладатель лапы, оставившей след, можно только с опытом, но зато когда опыт уже пришел, то размеры тигра или леопарда можно определять с точностью до одного-двух дюймов. Представители народности коал из Мирзапура, если надо определить размеры зверя по отпечатку лапы, прикладывают к следу травинку, а потом измеряют шириной ладони. Не могу сказать, насколько точен их метод. Сам я предпочитаю догадываться о высоте или длине зверя по внешнему облику следа. Но ответ, конечно, всегда бывает предположительным.

Немного ниже того места, где русло пересечено тропой между высоким берегом и утесами, есть участок твердого песчаного наста. Здесь только что прошло стадо читалов. Всегда бывает занятно сосчитать животных в стаде, будь то читалы или замбары, или наблюдать за каким-то одним животным. Так можно научиться узнавать стадо при новой встрече и оценить, стало оно больше или меньше; у тебя даже появляется какое-то теплое чувство к «знакомому» стаду. Когда животные пасутся на открытом месте, сосчитать самцов не трудно. По длине и форме рогов легко определить самок и молодняк. Но бывает, что видна только половина стада, а другая скрыта в зарослях. Тогда нужно выманить животных на открытое место, и для этого есть способ, который оказывается эффективным в девяти случаях из десяти. Подобравшись к читалам на расстояние, с которого их можно хорошо рассмотреть, ложишься за деревом или кустом и кричишь голосом леопарда. Животные мгновенно понимают, с какой стороны донесся звук. И когда олени начинают смотреть в твою сторону, ты осторожно высовываешь из-за дерева плечо или трясешь ветку кустарника. Заметив движение, олени начнут подавать сигналы, заслышав которые невидимая тебе часть стада выбежит из укрытия, готовая мчаться в противоположном

направлении. Иногда таким образом я выманивал стадо численностью до пятидесяти животных и успевал заснять их на пленку. Правда, здесь придется сделать одну существенную оговорку. Не стоит кричать леопардом или каким-нибудь другим животным, если ты не имеешь возможности просматривать всю прилегающую территорию. Но даже если такая возможность и имеется, надо быть очень внимательным. И вот почему.

Однажды я слышал несколько раз за ночь отдаленный рев зверя. По оттенкам звука я понял, что с леопардом что-то не так. Поэтому еще до света я отправился поглядеть, что там стряслось. За это время зверь перешел на другое место, и по реву я понял, что он кричит с холма, находящегося неподалеку от меня. Выбрав место, где тропа проходила по открытому участку, я залег за придорожным столбом и «откликнулся» на рев. Леопард стал медленно и очень осторожно двигаться в мою сторону. Уж сам не знаю почему, я перестал подавать голос, когда нас разделяло всего ярдов сто. Я лежал на животе, уперев подбородок в опертые о локти руки, и был уверен, что зверь появится с минуты на минуту. Вдруг за своей спиной я уловил какой-то шорох и, обернувшись, уткнулся прямо в мушку взведенного ствола. Накануне вечером Кассель, заместитель комиссара округа Найни-Тал, вместе с полковником Уардом решили поохотиться и, остановившись в одной из охотничьих хижин, убили детеныша леопарда, о чем я не знал. Ночью они слышали голос матери, и на заре Уард, снарядив слона, решил застрелить и ее. На земле лежала роса, а погонщик был хорошо обучен, поэтому слон подошел ко мне чуть ли не вплотную, пока я его услышал. Уард заметил меня, но не мог разглядеть, так как был уже не молод, да и в лесу было темновато. Пожалуй, только поэтому, уже прицелившись, он так и не рискнул выстрелить, а приказал погонщику подъехать ближе. Погонщик тоже был уже не молод, и не мог объяснить Уарду его ошибку. Полковник спустился на землю и стал прицеливаться во второй раз. По счастью для всех нас, когда слон стал в нескольких ярдах от меня обламывать ветки, мешавшие Уарду целиться, я наконец повернул голову и заглянул прямо в ружейное дуло.

Стадо читалов, следы которого мы сейчас видим и которое собираемся пересчитать, прошло по полосе твердого песчаного наста вчера вечером. Это ясно из того, что ночные насекомые уже успели поползать по их следам; кроме того, на следах заметны капли росы, упавшие с нависающих веток деревьев. Животные, возможно, находятся где-нибудь в одной или пяти милях отсюда, объедая траву на открытом месте или в зарослях. Но несмотря ни на что, мы сумеем узнать их количество, я покажу вам, как это

можно сделать. Представьте себе стоящего оленя. Расстояние между его передними и задними копытами составляет около тридцати дюймов. Возьмем палку и проведем ею по песку линию под прямым углом к следу. Теперь отмерим от нее тридцать дюймов и проведем еще одну. Пересчитаем число следов между двумя линиями, отмечая каждый отпечаток палкой или тростинкой. Допустим, всего их оказалось тридцать. Разделив это число на два, мы с разумной долей уверенности можем считать, что животных, которые вчера здесь прошли, было пятнадцать. Этот способ точен для учета небольших стад, скажем до десяти особей. Если животных больше, результат бывает приблизительным, конечно, при условии, что нам известно расстояние между копытами соответствующего вида. У мелких животных типа волков, кабанов, овец и баранов расстояние это составляет менее тридцати дюймов, у более крупных — замбаров, домашнего скота — несколько больше.

Для тех, кто не бывал со мной в лесу во время прохождения военной службы, замечу, что по отпечаткам следов человека в джунглях можно получить массу полезной информации независимо от того, где попались отпечатки — на дороге, тропинке или вообще в любом другом месте, где можно разглядеть отпечаток ноги человека. Допустим, ради интереса, что мы оказались в чужой враждебной стране и нам нужно пройти по охотничьей тропе, где вдруг оказываются чужие следы. По внешнему виду отпечатков, их размеру и форме, наличию или отсутствию шипов, железных подков, по форме оттисков кожаных или резиновых каблуков и т. п. можно, например, заключить, что это следы не наших, а вражеских солдат. Определившись с этим, важно понять, когда прошла партия и сколько в ней было людей. Теперь вы уже знаете, как это можно сделать. Чтобы узнать количество людей, нарисуем линию перпендикулярно отпечатку носка, отсчитаем тридцать дюймов и проведем еще одну. Число отпечатков на этом отрезке и даст нам количество людей в группе. По следам можно узнать и многое другое, например скорость движения партии. Когда человек идет нормальной походкой, вес его распределяется равномерно по всему следу, длина которого в зависимости от роста составляет тридцать — тридцать пять дюймов. По мере ускорения шага на пятку приходится все меньшая доля веса, который переносится на носок, отчего тот отпечатывается в земле глубже, чем пятка. Разница в степени четкости следа у пятки и носка тем заметнее, чем быстрее идет человек. А если совсем перейти на бег, то отпечатываться будут вообще только самые края носка и пятки. Если в группе человек десять — двенадцать, то, бывает, можно

понять, хромал ли кто-нибудь при движении, а кровь на следах может указать на то, что кто-то был ранен.

Если случится, что вы поранитесь в джунглях, я укажу вам маленькое, скромное растение, которое не только утолит вашу боль, но и залечит рану лучше любого другого известного мне средства. Растение это можно встретить в любом лесу. Высотой оно всего двенадцать дюймов, с цветами, похожими на маргаритки, и длинным тонким стеблем, листья мясистые и зазубренные, как у хризантемы. Надо сорвать несколько листков, обмыть их в воде, если она есть под руками, затем растереть листья между пальцами и смазать рану выжатым соком. Иного лечения не потребуется, и если рана неглубока, через пару дней она заживет. У этого растения красивое название — Брахм Бути — «божественный цветок».

Тем, кто проходил обучение под моим руководством в джунглях Индии и Бирмы в годы войны, приходилось нелегко, ведь времени было очень мало. Надеюсь, они уже успели меня простить за это. Но хочется верить, что они не забыли всего того, чему мы учились вместе: как отыскать съедобные коренья и клубни, какие цветы и плоды могут заменить чай или кофе, кора и листья каких деревьев спасают от лихорадки, нарывов и ангин, как соорудить носилки из лиан и древесной коры, из чего сделать канаты, чтобы можно было переправить через поток или овраг тяжелое вооружение, как не натереть ногу и избежать солнечного удара, как добыть огонь и сухое топливо в сыром лесу или заварить чай без металлической посуды либо обойтись без соли, что делать при змеином укусе или расстройстве желудка. И наконец, в джунглях было просто необходимо не терять над собой контроль и мирно сосуществовать со всеми их обитателями. Всему этому я учился вместе с парнями, собравшимися с гор и равнин Индии, из городов и сел Соединенного Королевства, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии и других стран. Мы делали это не оттого, что собирались провести остаток своей жизни в лесах, но ради того, чтобы поверить в себя и друг в друга, избавиться от страхов перед неизвестным и доказать противнику, что мы лучше его. Конечно, в те годы боевого товарищества мы только прикоснулись к знанию, ибо книга природы бесконечна.

В тот весенний день утро еще только занималось. Мы подошли к предгорьям, где растительность сильно отличается от равнинной. Здесь растут фикусы и сливовые деревья, привлекающие массу плодоядных птиц, из которых самая замечательная — большой индийский носорог. Птицы эти обычно гнездятся в дуплах и имеют странную привычку замуровывать в них самку на все время насиживания яиц. Такое обыкновение

налагает на самца тяжкое бремя. Ведь во время инкубационного периода самка линяет и невероятно много прибавляет в весе, так что пока насиживаются яйца и подрастают птенцы (обычно два), она не в состоянии летать. Поэтому самцу приходится усердно добывать пищу для всего семейства. Глядя на его неуклюжую внешность и огромный клюв с наростом, на то, как тяжело он летает, можно подумать, что этот вид опоздал на автобус эволюции. И его привычка прятать самку в дупле, оставляя лишь маленькое отверстие, через которое он подает ей пищу, возможно, восходит к тем временам, когда у этих птиц были более могучие враги, чем сегодня. У всех птиц, и у тех, что вьют гнезда, и у тех, что живут в дуплах, враги общие. Некоторые из них, например синицы, малиновки, удоды, совершенно беззащитны. Почему же именно носорог, у которого такой мощный клюв, пригодный для самозащиты, остается единственной птицей, которая считает необходимым замуровывать свое гнездо?

Другая привычка носорога, которая тоже отличает его от других известных мне пернатых, состоит в том, что он раскрашивает свои перья специальным пигментом. Этот желтый пигмент легко стирается с перьев даже носовым платком. Носорог носит свою краску в специальном складчатом мешочке над хвостом и наносит ее при помощи клюва поверх белых полос, которые проходят у него по обоим крыльям. Зачем ему раскрашивать белые перья в желтый цвет, который все равно будет смыт при первом же дожде? Я могу это отнести только на счет желания замаскироваться от врагов, которые были у него в прежние дни. Ведь единственный враг, от которого сегодня иногда страдает птица-носорог, — это леопард. Но леопард нападает ночью, и светомаскировка против него бессмысленна.

Кроме носорога на фикусе и сливовнике полно других птиц. Среди них два вида голубей — бенгальский и острохохлый. Два вида бородастиков — красногрудый и обычный зеленый. Четыре вида бюльбюлей — гималайский черный, обычный бенгальский, краснобородый и белощекий. Три вида длиннохвостых попугайчиков — ожереловый, александрийский и пестроголовый. Роясь в опавшей листве и кормясь спелыми плодами, которые уронили вниз другие птицы, среди корней копошится стая из пятидесяти или более белоголовых дроздов-пересмешников. Они последними спустились из своих высоко расположенных гнезд на землю и первыми туда вернутся.

Неподалеку от фикусовых деревьев тянется просека, которую пересекает натоптанная звериная тропа, тянущаяся вдоль холма к солончаку, рядом с маленьким зеркальцем водоема, питаемого

родником. Между солончаком и озерцом стоит пень. Когда-то он был низкорослым деревом, в ветвях которого браконьеры устраивали засады. Стрелять в животных возле солончаков и водоемов запрещено. Но браконьеры не соблюдают правил. Я несколько раз разрушал их засады, но это не помогало, поэтому в конце концов я просто срубил дерево. Приходилось слышать, будто хищники никогда не нападают возле водопоев или солончаков. Но, вероятно, такие разборчивые звери встречаются в каких-нибудь других странах, но не в Индии, где хищники не брезгуют охотиться на солончаках. На самом деле вблизи таких мест они чаще всего и подкарауливают свои жертвы, что нетрудно заметить по обилию полуобъеденных дикобразами рогов, валяющихся поблизости, равно как и около всех других солончаков, окруженных лесами.

Теперь поднимемся на холм, возвышающийся над солончаком, чтобы оттуда, с высоты птичьего полета, осмотреть простирающиеся окрестности. Перед нами лес, через который мы только что прошли к тому месту, откуда начали путь к каналу. Лес этот остался первозданным — в нем мало коммерческой древесины, и поэтому он не очень пострадал от опустошающей руки человека. Светло-зеленые участки у ближнего края — это молодая поросль дерева шисам, проросшая из семян, смытых потоками муссонных дождей с возвышенных мест. Когда этот подлесок подрастет, из него получатся превосходные колеса для повозок. Темно-зеленые участки деревьев с кистями красных ягод — это деревья руни, дающие порошок, известный торговцам под названием «камала». Когда бедняки так же, как и птицы, спускаются зимой с гор в предгорья в поисках пищи и тепла, стар и мал идет в джунгли на сбор камалы. Камала — это красная пудра, содержащаяся в ягодах дерева руни. Обычно люди обламывают ветки, обрывают с них ягоды, высыпают их в большие неглубокие корзины и начинают растирать ягоды о стенки. Порошок просеивается сквозь плетенку, и его собирают в оленью шкуру или тканевую подстилку. Супружеская пара и трое детей, работая с утра до ночи, могут таким образом при хорошем урожае собрать за день четыре фунта пудры, стоимость которой, в зависимости от рыночного курса, составляет одну-две рупии. Пудру эту используют в Индии и странах Ближнего Востока при крашении шерсти. Ее когда-то широко применяли в США для подкрашивания масла, однако этому был положен конец, когда оказалось, что недобросовестные торговцы-посредники стали добавлять в порошок тертый кирпич. Еще камала применяется в медицине, а если ягоды вскипятить в горчичном масле, то можно получить средство от ревматизма.

Здесь же можно встретить и дерево кхаир. Из его древесины окрестные жители делают лемехи для плугов. Но кроме того, кхаир обеспечивает работой десятки и тысячи бедняков по всем Соединенным провинциям, поскольку из него получают важное сырье для производства другого красителя, местное название которого «кач», а коммерческое — «сатечу». Это работа, рассчитанная на всю зиму. Четыре месяца днем и ночью люди трудятся, чтобы в конце концов изготовить средство, способное окрашивать одежду и рыболовные сети в цвет хаки. Я подозреваю, что мой знакомый по имени Мирза был первым, кто обнаружил, что в этот цвет можно окрашивать при помощи сырья из дерева кхаир. Получилось это у него случайно. Однажды, наклонившись над чаном, где кипятились щепки, из которых предполагалось делать «кач», он уронил туда свой носовой платок. Выудив платок палкой, Мирза отправил его в стирку. Когда платок вернули обратно, Мирза увидел, что он остался того же цвета, что и был. Прачка получила выговор, и ей было велено выстирать платок заново. Однако вскоре Мирза получил ответ, что удалить с ткани краску невозможно, хотя для этого были испробованы все известные средства. Тут-то он понял, что открыл новый способ быстрой окраски тканей. Теперь по этой методике ткани красят на его фабрике в Изатнагаре.

Все оттенки зеленого — ведь листва каждого дерева имеет собственный цвет — перемешаны с золотым и оранжевым, сиреневым, розовым и красным. Деревья с оранжевыми цветами — это дханк, из которого получают рубиновую смолу для окраски шелка лучших сортов. А те, с гирляндами цветов до трех футов длиной, называются амалтас. В цилиндрических семенных коробочках этого дерева, которые бывают величиной до двух футов, содержится сладкая желеобразная субстанция, которую во всем Кумаоне применяют в качестве слабительного. Дерево с большими фиолетовыми цветами — качанар. А розовое рядом с ним — это дерево кусум, на котором играют все оттенки цвета — от бледно-розового до насыщенного. Но оно розовое не от цветов, розовые у него молодые листья. Весь красный стоит симул, цветы которого обожают все птицы, питающиеся нектаром, попугаи и обезьяны, поедающие мясистые цветы, олени и кабаны, подбирающие все, что падает наземь. Через некоторое время вместо цветов на ветках симула появятся большие деревянистые семенные коробочки. Когда задуют горячие апрельские ветры, эти коробочки начнут раскрываться, выстреливая, как зенитки, белые облачка шелковистой ваты, которая используется для изготовления страховочных ремней безопасности. Семена из каждой коробочки подхватываются ветром, и таким образом

осуществляется возрождение сада природы. Все семена, кроме тех, которые переносятся животными, могут плавать по воде, либо они снабжены устройством вроде паруса или пропеллера, чтобы ветру было легко переносить их с места на место. Правда, есть и исключения. Одно из них — *gotail*, плод которого похож на небольшое зеленое яблоко, не съедобное для зверей и птиц. Дерево это растет вдоль берегов рек, и вода делает для него то, что для других — звери, птицы и ветер. Еще одно исключение — кокосовый орех, плод которого, одетый в легкую скорлупу, плавает по поверхности океана и переносится волнами от одного берега к другому.

Наша деревня располагается несколько выше того места у канала, откуда мы начали прогулку. Участки ярко-зеленых и золотистых посадок указывают, где зреет молодая пшеница, а где цветет горчичное поле. Белая полоса у края деревни — это стена — граница, за которой начинается тянущийся за горизонт массив девственного леса. К востоку и западу, насколько хватает глаз, лежат беспредельные леса, примеряющие весеннее одеяние, и каждый порыв ветра доносит сладкий запах цветов; все наполнено пением множества птиц. Здесь действительно можно на время забыть о напряженной жизни, стрессах и приобщиться к миру лесных обитателей. Здесь правит закон джунглей. Закон, который старше и бесконечно лучше тех, что придуманы человеком. Закон, позволяющий каждому жить своей собственной жизнью и который никому не предвещает назавтра беды или горя. Здесь для всех существует опасность, но она лишь добавляет прелести каждодневному существованию. Каждый настороже и в состоянии постоянной готовности, но жизнь от этого не лишается своего очарования. Зато вокруг царит радость — в этом можно убедиться по звукам, прислушиваясь к птичьим и звериным голосам и размышляя над тем, что хотят сообщить друг другу лесные жители.

Слева от нас пронзительно кричит павлин, и по его голосу понятно, что он, распустив хвост, совершает танец вокруг восхищенных курочек. Совсем рядом задиристо подает голос петух кустарниковой курицы, и соперники со всех сторон отвечают ему с не меньшим вызовом. Но лишь немногие вступают в драку — начавшие поединок беззащитны перед опасностью.

Справа замбар-самец сообщает лесу о том, что леопард, которого мы видели час назад, залег на открытой поляне, подставив солнцу бока и спину. Самец будет трубить до тех пор, пока, скрываясь от полуденного зноя, зверь не переберется в чащу, где его не увидят зоркие глаза часового. В зарослях над нашими головами двадцать или даже больше белоглазых синиц,

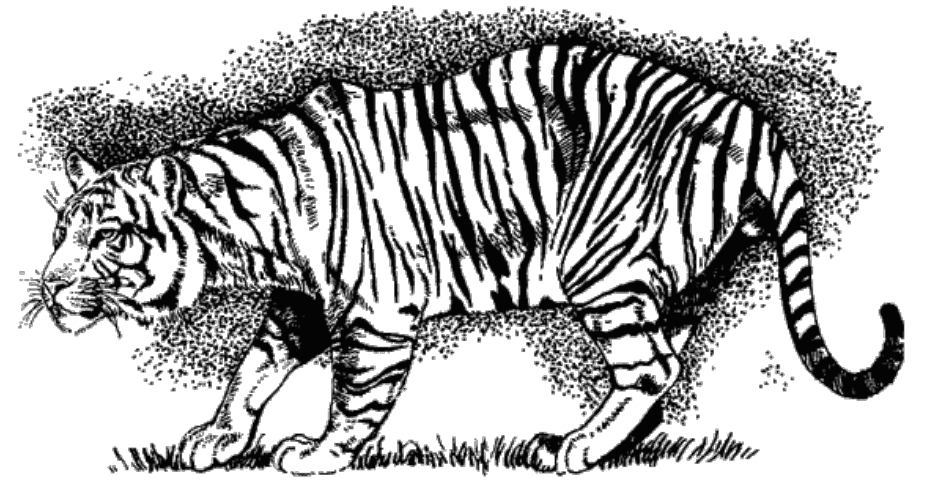
белокрылых дроздов и сероголовых мухоловок обнаружили пятнистую сову, которая задремала в будуаре из листьев, и теперь они громко созывают своих собратьев полюбоваться на находку. Они знают, что можно подлететь к сове и кричать прямо у нее под ухом. Это вполне безопасно: днем сова нападает, только если у нее есть маленькие птенцы. А сова, в свою очередь, знает, что, как бы ни ненавидели ее маленькие мучители, они все равно скоро устанут от своей забавы и оставят ее мирно досыпать. Воздух наполнен звуками, и все они несут какой-то смысл. Плавные мелодии песни шама, который ухаживает за своей подругой, наверное, самые красивые из лесных песен. «Тап-тап-тап», — дает о себе знать лесной дятел, строящий дупло в стволе сухого дерева. Резок и неприятен крик читала-самца, вызывающего на бой соперника. С высоты подает клекот орел-змееяд, а над ним небо бороздят терпеливые грифы. Вчера сначала сорока, а потом и пара ворон навели грифов на тушу убитого буйвола, которую тигр спрятал в зарослях возле того места, где танцует павлин, и сегодня они кружат в надежде, что им снова удастся чем-нибудь поживиться.

Когда так вот сидишь один или в сопровождении единомышленника и прислушиваешься к джунглям, то можешь оценить, как много ты успел узнать. И это знание прибавляет тебе уверенности. В лесу для тебя нет ничего страшного, ты знаешь, что бояться джунглей нечего. Если потребуется, ты сможешь прожить в лесу или устроиться на ночлег, не испытывая неудобств. Ты умеешь определять направление движения, ориентируясь по ветру, и уже никогда не заблудишься ни днем, ни ночью. Глаз твой хорошо натренирован, и ни одно движение в радиусе 180 градусов от него не укроется. Ты всегда в курсе жизни своего леса, ты изучил его язык и по звукам можешь понять, что в нем происходит. Теперь ты умеешь бесшумно передвигаться и метко стрелять, и, если придется снова повстречать в лесу врага, ты не будешь испытывать колебаний: ты все знаешь, ты лучше обучен, тебе нечему у него учиться, а значит, и бояться его тоже не стоит.

Пора домой. Мы забрались далеко, и Мэгги, наверное, уже поджидает нас к завтраку. Назад пойдем старым путем, через песчаный участок, на котором видели следы читалов, по тропинке, где пробегал леопард, мимо нагромождений жирного ила, намытого с окрестных холмов, через проход под акведуком. За собой мы будем тащить по земле ветку, чтобы стереть наши и все прочие следы, увиденные сегодня утром: когда мы снова придем в лес завтра или, может быть, послезавтра, то можем быть уверены, что все новые следы появились здесь не раньше того

часа, когда мы отсюда ушли.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ



Познавая лес, можно развить в себе чувство, которое, наверное, было у всех первобытных людей. Я бы назвал его инстинктом джунглей. Он может выработаться, если только ты постоянно соприкасаешься с дикой природой, и она, воздействуя на твое подсознание, вырабатывает обостренное ощущение опасности.

Не раз мне удавалось избежать беды, действуя совершенно бессознательно, руководствуясь непонятно откуда взявшимся наитием, которое предупреждало меня о грозящей опасности. Это предчувствие отвращало меня от прогулки по улице, где через минуту взрывалась бомба; оно заставляло меня отойти от угла здания, которому было суждено через секунду рассыпаться на куски, или выйти из-под кроны дерева, в которое в следующую же минуту ударяла молния. Какова бы ни была опасность, избежать ее человеку помогал инстинкт, который позволял как бы предчувствовать беду.

Правда, это были ситуации, когда человек был настроен на то, что ему предстоит встретиться с неожиданным. В истории о тигре-людоеде из Чоугара я уже приводил два таких примера. Тогда меня тоже спас инстинкт. Но все же мое внимание с самого начала уже было сконцентрировано на необходимости не быть застигнутым врасплох. Я понимал, что тигр подкарауливает меня, инстинкт только подсказал мне, что он устроил засаду над скалой, под которой мне предстояло пройти. Теперь я хочу рассказать о случае, когда инстинкт джунглей позволил избежать случайной опасности, о существовании которой я даже не мог подозревать.

Обычно зимой я охотился на замбаров и читалов для жителей нашей деревни. Однажды днем к моему дому явилась делегация индийцев, которые напомнили мне, что я уже очень давно не позволял им полакомиться дичиной, и попросили добыть им оленью тушу к какому-то местному празднику, который они собирались отметить на следующее утро.

Погода стояла сухая, и подобраться к дичи было не просто. Поэтому я выследил и подстрелил оленя, только когда уже стало темнеть. Решив, что время позднее и тащить его в деревню не стоит, я прикрыл тушу ветками, чтобы ее не уволок леопард, медведь или кабан, и пошел домой, намереваясь вернуться наутро с носильщиками.

В деревне был слышен мой выстрел, и когда я подошел к своему дому, перед ним уже стояло десять или двенадцать мужчин с веревками и бамбуковыми шестами. Я сказал им, что убил оленя, и предложил встретиться наутро у окраины деревни, чтобы пойти за ним в лес. Но люди горели желанием принести оленя немедленно. Они сказали, что готовы пойти за ним сами, если я объясню поточнее, где спрятана туша. Обычно, если я выслеживал оленя для деревни, а не для себя, я делал по дороге заметки, по которым потом можно было найти тушу. Жители деревни прекрасно знали лес, и стоило мне только назвать им место на просеке или на звериной тропе, как они отправлялись по следу и находили мясо. Эта система не подводила меня никогда. Однако именно в этот раз, оттого что ночь была темной и безлунной, я поленился оставить вешки. Люди же мечтали разделать тушу еще сегодня, чтобы к утру приготовить угощение для праздника, и мне не хотелось их обижать. Поэтому я велел им идти к просеке Повальгар в двух с половиной милях от деревни и ждать меня у подножия старого дерева, служившего всем известным ориентиром. Мужчины вышли из моего двора, а я присел выпить приготовленную Мэгги чашку кофе.

Когда идешь по лесу один, двигаешься гораздо быстрее, чем в компании. Поэтому я не очень торопился, и когда взялся за ружье снова, было уже совсем темно. В тот день я уже успел «намотать» несколько миль по лесу, но уставшим себя не чувствовал и был готов пройти еще миль пять или шесть. Мужчины из нашей деревни шли быстро, но все же я догнал их еще до того, как они дошли до старого дерева. Найти оленя труда не составило; его подвесили на шесты, и я повел всю партию кратчайшим путем, надеясь сократить полмили. Домой я вернулся только к ужину. Я попросил Мэгги сразу же накрыть на стол, решив, что приму ванну перед самым сном.

Раздеваясь для купания, я страшно удивился, обнаружив, что

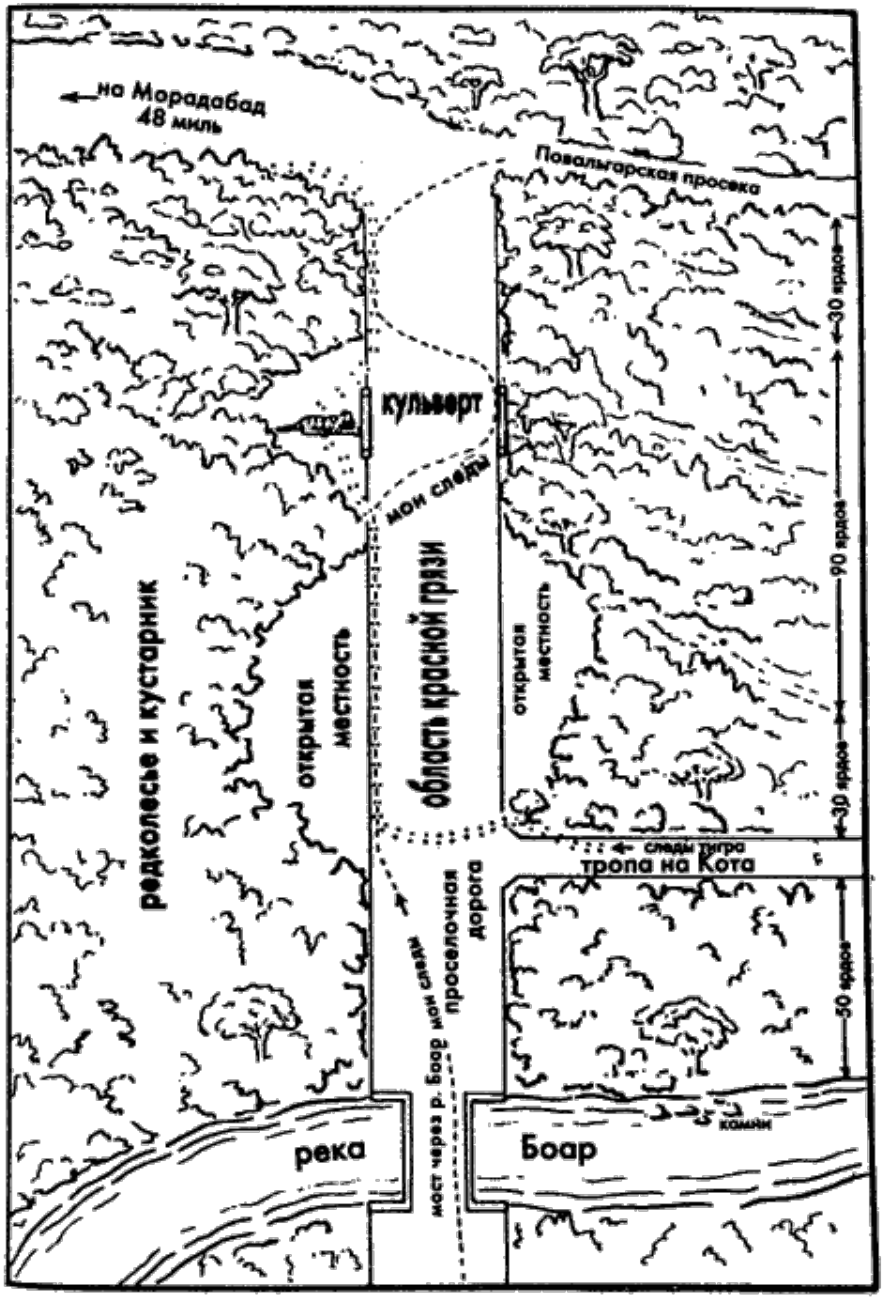
мои легкие прорезиненные ботинки, так же как и ноги, перемазаны красной грязью. Я слежу за ногами, поэтому было ясно, что поранить их и не заметить этого я не мог. Мелочи имеют свойство иногда оседать в памяти, не будучи осознанными, а память, в свою очередь, сигналит нервам и мозгу, в котором хранится информация. Поэтому в самый неожиданный момент нужная информация, повинуясь какому-то бессознательному усилию с нашей стороны, вдруг всплывает — имя какого-то человека, название населенного пункта или, как в этом вот случае, объяснение того, где я испачкал ноги.

В те дни, когда железная дорога до станции Катгодам еще не была построена, главный путь к горам проходил по проселочной дороге мимо нашего дома и через мост над рекой Боар. В трехстах ярдах выше моста дорога сворачивала влево. А справа от поворота в то время, которое я описываю, на этот проселок выходила просека Повальгар. Еще через несколько сотен ярдов проселок выходил на линию, по которой сегодня проложено Повальгарское шоссе. В пятидесяти ярдах от моста вправо от проселка уходила тропа, поднимавшаяся к северу в сторону Кота. Участок проселка между поворотом и развилкой пролегал по низинке. Тяжелые повозки разъездили колею в этом месте так сильно, что она буквально утопала дюймов на шесть в красной глиняной жиже. Чтобы не идти по грязи, пешеходы протоптали слева от проселка, между колеей и лесом, тропинку. На протяжении тридцати ярдов дорога и тропинка проходят над водопропускной трубой — кульвертом — частью старого канала. Для того чтобы повозки не свалились с дороги в канал, проселок в этом месте огорожен небольшим парапетом шириной один фут и высотой восемнадцать дюймов. Канал давно уже не используется по назначению, а у нижнего его края, который ближе к узкой пешеходной тропинке, имеется ровный песчаный участок в восемь — десять квадратных футов, расположенный на одном уровне с дорогой.

Я вспомнил, что, догоняя мужчин из нашей деревни, я, как обычно, стал обходить грязный участок по тропинке. Однако, дойдя до канала, почему-то сошел с нее, пересек дорогу слева направо, шлепая по жидкой грязи, взобрался на правый край проселка и двинулся по нему. Пройдя канал, я пересек дорогу еще раз и вернулся на тропинку. Почему я так маневрировал? С момента выхода со двора и до самой встречи с нашими людьми возле дерева я не слышал ничего, что давало хоть малейшее основание подозревать что-то неладное. Видеть я тоже ничего не мог, так как было темно. Но почему я все-таки обошел канал справа, а не слева, по тропинке?

Я уже писал выше, что с тех пор, как мне удалось обнаружить источник страшных звуков, которые так пугали в лесу Дансая, я взял за правило доискиваться до причин всего, что кажется мне в джунглях таинственным и непонятным. Здесь было явно что-то не так, и я решил отыскать разгадку. Поэтому рано утром, еще до того, как по дороге снова двинулись повозки, я отправился к каналу.

Отправляясь вчера без меня за оленем, мужчины шли по дороге толпой. У окраины деревни к ним присоединилось еще трое. Тогда их стало четырнадцать. Дальше они пошли гуськом через мост над рекой Боар до грязного участка. Они обошли его по тропинке, пройдя мимо канала, и сошли с проселочной дороги у поворота, направляясь к просеке. Вскоре вслед за тем на тропе, идущей со стороны Кота, появился тигр, разрывший землю у кустов рядом с развилкой. Он пересек проселок и пошел по тропинке. В этом месте следы тигра накладывались на следы людей. Когда тигр подходил к каналу, я как раз вступил на мост. Мост был железным, и тигр не мог не слышать моих шагов: шел я быстро и шаги гулко разносились в округе. Когда тигр убедился, что я не сворачиваю на дорогу к Кота, а догоняю его, он ускорил ход, свернул с тропинки и залег на песчаном участке у нижнего края канала слева от него всего в одном ярде от тропы. Я двигался прямо по следам тигра, и всего в пяти ярдах от того места, где залег зверь, мне вдруг пришло в голову перейти по грязи на правую сторону проселка и по ней пересечь канал. Затем я опять вернулся на тропинку. И все эти манипуляции я проделал совершенно бессознательно, даже не подозревая, что ухожу от опасности оказаться всего в ярде от его носа.



Правда, я думаю, что, если бы я и продолжал идти по левой стороне, я вполне мог бы пройти мимо зверя целым и невредимым. Тигр видел, что: 1) я уверенно шел своей дорогой; 2) я не подавал звуковых сигналов; 3) я не делал угрожающих движений. А сам тигр не имел намерения на меня нападать. Но если бы, проходя мимо, я остановился, чтобы прислушаться к лесным шорохам, кашлянул бы или чихнул, высморкался или

перебросил ружье с одного плеча на другое, тигр мог бы не удержаться и броситься вперед. Мое подсознание не было готово рисковать, и, повинуясь инстинкту джунглей, я избежал встречи с опасностью.

Не могу сказать точно, сколько раз этот инстинкт спасал меня. Но, судя по тому, что за все годы, что я провел в джунглях, мне пришлось лишь однажды столкнуться со зверем лоб в лоб, полагаю, что инстинкт джунглей всякий раз срабатывал вовремя, чтобы обеспечить мою безопасность, или, скажем, мой ангел-хранитель всегда был со мной.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЖИВОТНЫХ, УПОМИНАЕМЫХ В КНИГЕ

Антилопа четырехрогая (*Tetracerus qudricornis*) — обитает в Индии. У самцов помимо пары нормальных, тонких рогов на передней части лба имеется вторая пара коротких, до 3 см, рожек. Эти небольшие антилопы держатся поодиночке или парами вблизи воды. Очень осторожны, при малейшей опасности скрываются в чаще кустов.

Беркут (*Aquila chrysaetus*) — крупная, до 7 кг весом, хищная птица. Обитает в лесах, горах и пустынях. Широко распространен в Северном полушарии, однако всюду редок. В нашей стране занесен в Красную книгу.

Буйвол азиатский (*Bubalus bubalis*) — семейство полорогие, отряд парнокопытные. Единственный одомашненный вид из четырех видов буйволов. Масса тела до 1000 кг. И самки и самцы имеют широкие в основании рога, серповидно изогнутые назад и внутрь. Окраска от темно-серой до черной. Широко распространен во всех странах Юго-Восточной Азии. Продолжительность жизни до 25 лет.

Бюльбюль белошапочный (*Pycnonotus leucogenus*) — птица серо-бурой окраски величиной с дрозда. Обитает в Афганистане, Пакистане, Индии. Питается семенами и насекомыми.

Выдра (*Lutra lutra*) — хищный зверь весом 6–10 кг. Обитает в реках и озерах Европы, Азии и Северной Африки. Питается преимущественно рыбой. В последние годы во многих районах редка и нуждается в охране.

Гриф бенгальский (*Pseudogyps bengalensis*) — птица-падальщик темной окраски, размах крыльев около двух метров. Многочислен в странах Южной Азии, нередко встречается на окраинах поселков, выполняя функцию «мусорщика».

Дикобраз индийский (*Hystrix indica*) — семейство дикобразовые, отряд грызуны. Все тело покрыто длинными иглами, окрашенными в бурые или желтоватые тона, часто с черными или белыми кольцами. Ведут сумеречный и ночной образ жизни. Питаются различными частями дикорастущих и культурных растений. Живут в сложных норах, пещерах. В неволе живут до 20 лет. Мясо дикобразов употребляется в пищу.

Дронго (*Dicruridae*) — насекомоядные птицы величиной с дрозда. Окраска обычно черная, хвост удлиненный. Обитают в лесах и саваннах от Африки до Австралии. Ракетохвостый дронго (*Dictrus paradiseus*) распространен от Гималаев до Явы и Борнео.

Длина птицы от клюва до конца рулевых перьев до 68 см.

Замбар (*Cervus unicolor*) — олень темной окраски, весом 200–300 кг. Самцы имеют ветвистые рога. При опасности издает громкий трубный звук. Обитает в лесах от Пакистана до Вьетнама.

Зимородки (*Alcedinidae*) — семейство птиц отряда ракшеобразных. Размеры тела варьируют для разных видов (всего 88 видов) от 15 до 45 см. Голова массивная, клюв длинный, прямой, черного или красного цвета. Окраска тела — сочетания белого, серого, черного, рыжего, синего и голубого цветов. Распространены главным образом в тропических зонах. Питаются мелкой рыбой, насекомыми и даже грызунами и пресмыкающимися.

Иволга обыкновенная (*Oriolus oriolus*) — один из 34 видов семейства иволговых (*Oriolidae*), населяющих лесную и лесостепную зоны Старого Света, по преимуществу его тропический пояс. У самца ярко-желтое брюшко, резко контрастирующее с черными крыльями и хвостом. Самка не столь ярка — в основном желто-зеленого цвета.

Кабан (*Sus scrofa*) — парнокопытное животное весом до 290 кг. Окраска от светло-бурой до почти черной. Питается различными кормами, преимущественно растительными. Обитает в тростниковых и кустарниковых зарослях, лесах, горах Европы, Азии (кроме Севера), Северной Африки. Является предком домашней свиньи.

Каркер — местное название оленя-мунтжака (*Muntiacus muntjak*). Животное размером с косулю (вес до 35 кг), с небольшими рогами. Обитает в кустарниковых зарослях от Индии до о-ва Калимантан. При опасности и во время гона издает громкий лающий звук.

Кеклик (*Alectorus graeca*) — птица, родственная серой куропатке. Обитает на каменистых горных склонах от Южной Европы до Гималаев, в Закавказье и Средней Азии. Служит объектом охоты.

Кобра — скорее всего, речь идет о виде *Naja kaouthla* семейства аспидовые (*Elapidae*). Яд кобры относится к категории нейротоксинов. Короткие ядовитые зубы неподвижно закреплены в верхней челюсти; чтобы поразить добычу, кобра должна вцепиться в нее и нанести несколько ран. Предупреждая об опасности, высоко поднимает переднюю часть тела и раскрывает устрашающий капюшон с характерным рисунком.

Красный волк (*Cuon alpinus*) — хищник семейства волчьих. Длина тела около 100 см, масса тела около 17 кг. Окраска меха однотонная рыжая. Питается в основном крупными копытными, в

летнее время употребляет растительные корма. Охотится стаями, долго преследуя жертву. Вне периода размножения широко мигрирует в поисках добычи. Распространен в некоторых районах Китая и Монголии, на п-овах Индостан, Индокитай, о-вах Ява, Суматра, на Корейском п-ове, на Дальнем Востоке, на юге Восточной и Средней Сибири, на востоке Средней Азии.

Крокодил болотный (*Crocodilus palustris*) — обитает в реках и озерах Южной и Юго-Восточной Азии. Длина до 4,5 м. Питается рыбой, реже водоплавающими птицами, рептилиями и млекопитающими. Крупные экземпляры могут представлять опасность для человека.

Куропатки — птицы средней величины, принадлежат к семейству фазановых (*Phasianidae*). Ведут наземный образ жизни, прекрасно бегают. Питаются в основном растительной пищей. Относятся к категории ценной дичи.

Куры кустарниковые (род *Gallus*) — несколько видов, обитающих в Индии и Юго-Восточной Азии. Наиболее известен банкивский петух (*Gallus gallus*) — родоначальник домашних кур. Большую часть времени проводят на земле. При опасности быстро убегают или взлетают на деревья.

Лангур, или гульман (*Presbytis entellus*), — обезьяна рода тонкотелых, семейства мартышковых. Вес тела до 20 кг. Обитает в различных ландшафтах в Пакистане и Индии. Считается священным животным у индуистов, часто живет в городах и поселках. *Langoor* на хинди — длиннохвостый. Лангурами называют также некоторые другие виды рода тонкотелых обезьян и обезьян рода *Pygathrix*.

Леопард (*Panthera pardus*) — хищник весом до 100 кг, пятнистой, иногда черной окраски. Питается преимущественно копытными. В районах с высокой численностью тигров или львов активен по ночам, в других местах иногда и днем. Обитает в лесах, саваннах, горах, зарослях по берегам рек. Распространен в Африке и Азии. Сохранился в Туркмении, единичные экземпляры — на Кавказе, на юге Узбекистана, в России в Приморском крае. Занесен в Красную книгу. Случаи людоедства на территории бывш. СССР достоверно не отмечались.

Личинкоеды (семейство *Campephagidae*) — древесные птицы тропиков и субтропиков Восточного полушария. Характерен сильный, слегка изогнутый клюв с маленьким крючком на конце. Питаются насекомыми и их личинками, которых собирают на ветвях деревьев, осматривая их одну за другой.

Махсир, **индийский усач** (*Tor tor*) — рыба длиной до 1,5 м. Обитает в горных реках Северной Индии. Объект местного промысла.

Медведь гималайский (*Ursus thibetanus*) — черной, реже бурой окраски с белой полосой на груди. Обитает в горных лесах в Гималаях, Тибете, Восточной Азии, в Приморье, изредка на Памире. В северной части ареала зимой впадает в спячку. Берлога обычно в дупле крупного дерева.

Нильгау (*Boselaphus tragocamelus*) — крупная индийская антилопа. У самцов короткие прямые рога, самки безрогие. Держатся в кустарниковых зарослях, питаются молодыми побегами и листьями. Поедая листву, часто встают на задние ноги.

Олень болотный, барасинга (*Cervus duvaicelli*) — олень золотистой окраски. Вес 230–280 кг. Обитает во влажных лесах и болотистых саваннах. В настоящее время сохранился только в нескольких национальных парках Индии и Непала. Как вид, находящийся под угрозой полного уничтожения, занесен в международную Красную книгу.

Орел-змееяд, **змееяд обыкновенный** (*Circaetus gallicus*) — гнездится от Центральной Европы до Индии. Кормится главным образом змеями, реже другими пресмыкающимися, лягушками, мелкими зверьками.

Павлин обыкновенный (*Pavo cristatus*) — широко известен благодаря роскошному «хвосту» самцов, образованному удлиненными перьями надхвостья. Обитает в лесах Индии, Шри Ланки. В южных странах часто разводится как домашняя птица.

Питон тигровый (*Python molurus*) — неядовитая змея длиной до 8 м. Обитает в лесах по берегам водоемов от Пакистана до Зондских о-вов. Питается птицами и мелкими млекопитающими. Крупные экземпляры могут представлять опасность для человека, хотя случаи подобных нападений достоверно известны только для более крупного сетчатого питона.

Полоз большеглазый (*Ptyas mucosus*) — крупная неядовитая змея, обитающая в Южной Азии, на севере Туркмении, где изредка встречается в долине реки Мургаб.

Сапсан (*Falco peregrinus*) — крупный сокол весом до 1,5 кг. Питается птицами, которых ловит, на большой скорости пикируя на них сверху. Распространен по всему миру, однако повсюду очень редок. Занесен в Красную книгу.

«Синяя птица», ирена (род *Irena*) — близкие родственники бюльбюлей. Обитают в лесах Индокитая, питаются тропическими плодами и ягодами. Самцы имеют великолепное черно-синее оперение, самки окрашены тусклее.

Слон индийский (*Elephas maximus*) — второе по величине после африканского слона млекопитающее суши. Вес до 5 т. Обитает в лесах от Пакистана до о-ва Суматра. Используется как

верховой и рабочий скот. В неволе размножается очень плохо. Самцы в период гона могут представлять опасность для человека. В последние годы численность сильно сократилась. Занесен в Международную Красную книгу.

Тигр (*Panthera tigris*) — один из крупнейших хищников суши. Вес до 300 кг. Обитает в лесах, кустарниковых и тростниковых зарослях. Питается преимущественно копытными. Распространен в Южной и Юго-Восточной Азии, на Дальнем Востоке. В бывш. СССР ранее был широко распространен в низовьях Дона, Закавказья, Средней Азии, на юге и востоке Казахстана. В настоящее время сохранился только на юге Дальнего Востока. Занесен в Красную книгу. Тигр-людоед на территории бывш. СССР достоверно был отмечен один раз — убит около Тбилиси в 1907 году.

Фазан-калиджи — местное название индийского темноспинного серебряного фазана (*Gennaeus hamiltoni*), птицы яркой черно-белой окраски, величиной с крупную курицу. Обитает в лесах Северной Индии и Непала.

Филин рыбный (*Ketupa zeylonensis*) — крупная птица, обитающая от северного побережья Охотского моря до Индокитая. Держится в лесистых местностях около водоемов. Основная пища — рыба, также ловит раков и крабов, мелких птиц, змей ящериц и лягушек. Активен не только в сумерках, но и днем.

Читал (*Chital*) — местное название оленя-аксиса (*Cervus axis*), весом до 100 кг. Животное имеет пятнистую окраску, обитает в лесах от Пакистана до Вьетнама. У самцов большие ветвистые рога. При опасности издает громкий свистящий звук.

Шакал (*Canis aureus*) — млекопитающее, похожее на волка, но мельче него: длина тела 70–85 см. Окраска рыжевато-серая. Распространен в Юго-Восточной Европе, Южной, Средней и Передней Азии, Северной Америке. Обитает в предгорьях, в прибрежных зарослях, реже в пустынях. Почти всеяден.

Шама (*Copsychus malabaricus*) — один из лучших пернатых певцов с необычайно чистым и сильным голосом и склонностью к импровизациям. Для жителей Индии имеет то же значение, что и соловей для европейцев. Хорошо переносит неволю и даже размножается.

Ястреб-перепелятник малый (*Accipiter gularis*) — мелкая хищная птица величиной с голубя. Обитает в лесах, от Индии до Сахалина. Питается в основном мелкими птицами, которых ловит обычно в ветвях деревьев и кустарников.

ПЕРЕВОД АНГЛИЙСКИХ МЕР И КАЛИБРОВ РУЖЕЙ В МЕТРИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ МЕР

Английская миля — 1609 м
Ярд — 91,439 см
Фут — 30,48 см
Дюйм — 2,54 см
Акр — 0,405 га
Фунт — 453,593 г

Автор упоминает об использовании различных видов оружия, отличия которых не всегда видны из контекста. В ряде случаев упоминается гладкоствольное охотничье ружье — дробовик, но в основном Дж. Корбетт применял нарезные двуствольные штуцера больших калибров или многозарядные винтовки (обычно пятизарядные). У штуцера оба ствола могут иметь одинаковый калибр или же различный, например 450/400. В книгах Дж. Корбетта перечислены следующие калибры нарезного оружия:

222 — 5,59 мм
240 — 5,99 мм
256 — 6,30 мм
275 — 6,98 мм
400 — 10,16 мм
405 — 10,28 мм
450 — 11,43 мм
500 — 12,70 мм
577 — 14,65 мм.

Примечания от выполнившего OCR и корректуру

В электронное собрание «Все книги Джима Корбетта на русском языке» (в нескольких каталогах) входят пять из шести написанных им книг. Последний изданный посмертно труд («Tree Tops», 1955) на русский язык не переводился.

Перевод данной книги на русский язык публиковался два раза:

1999 и 2002 гг. — «Армада-пресс» (она же «Дрофа»).

OCR и корректура — по изданию 2002 г.

Добавлена карта региона, события в котором описываются в книге. Она выполнена по англоязычному электронному Атласу мира. Репер — Delhi (Дели).

К главе 12 прилагается авторский план местности.

Иллюстрации известного художника-анималиста Александра Николаевича Сичкаря (есть ©; см. про художника в Сети)

В оригинале примечания были едины для трех трудов в томе и не повторялись для каждого; проведена соответствующая доработка: теперь разъяснено все необходимое для конкретной книги.

Представленные после основного текста сведения о животных также специфичны именно для данной книги (в оригинале 2002 г. был общий список для трех трудов в томе; проведена выборка). Эти сведения редакции далеко не полны.

Оригинальная метка подраздела внутри одной из глав, обозначенная текстовым отступом, заменена на * * *.

OCR и корректура: Готье Неимущий (Gautier Sans Avoir). *saus@inbox.ru*

Апрель 2005 г.

Текст считан два раза.

notes

Примечания

1

Банши (ирландский, шотландский фольклор) — привидение-плакальщица; дух, вопли которого предвещают смерть. (*Здесь и далее, если не указано другое, — прим. ред.*)

2

Война с кайзеровской Германией — Первая мировая война.

3

По-видимому, переводчик представил калибр в известной нам системе мер, а не в английской, приведенной в конце книги. (*Прим. выполнившего OCR.)*

4

Викторианская эпоха (1837–1901) — годы царствования английской королевы Виктории.

5

Симул (семал, сембхал) — «ватное дерево».

Терai — узкая равнинная часть предгорьев Гималаев.

7

Шикари (от индийского слова «шикар» — охота) — профессиональный охотник в Индии.

8

Для слона надо было перевести не «тело», а «тушу». (*Прим. выполнившего OCR*.)

9

Гуркхи (гурки) — объединение народов (кхасы, гурунги, магары и др.), образовавших во второй половине XVIII в. конфедерацию и составивших ядро современных непальцев.

Гамадриада — большая кобра, питающаяся змеями.

11

Лайм (lime) — один из видов лайма (*Citrus*), вероятно, лайм настоящий (*C. aurantifolia*), вид, близкий лимону.

12

Пипал (*Ficus sp.*) — вид фикуса.

13

Драгет — грубая шерстяная материя для половиков.

14

Баухиния (*Bauhinia*) — название рода деревьев из семейства цезальпиниевых, данное в честь швейцарского ботаника Боэна (Bauhin).

15

Крестьяне, арендовавшие земли семьи Корбеттов в Каладхунги.

16

Jamun.

17

Магараджа — высший титул князей в Индии.

Магарани — жена магараджи.

19

В описываемый период Индия находилась в колониальной зависимости от Великобритании и была подвластна английскому монарху. «Власти на местах» назначались из метрополии, но фактически вице-король Индии являлся первым лицом государства.

20

Лантана — кустарниковое растение типа вербеновых.